ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ
ДИКОГО БИЛЛЯ
7051
Борьба Миров
40 коп.
„Молодая Гвардия"

ДНЕВНИК НАЧАЛЬНИКА ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ Г. А. УШАКОВА

СМОТРИ НА 47 СТРАНИЦЕ.
ПРОДОЛЖЕНИЕ ДНЕВНИКА ЧИТАЙТЕ В ФЕВРАЛЬСКОМ И МАРТОВСКОМ СБОРНИКАХ

В ЭТОМ СБОРНИКЕ:

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ „ДИКОГО" БИЛЛЯ—рассказ *Г. Саутам*, стр. 2.

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ—очерк *П. Лопатина*, стр. 9.

ПАУКИ В БАНКЕ—очерк *М. Левидова*, стр. 14.

СЛЕДУЮЩИЙ МИР—роман *Э. Зеликовича*, стр. 19.

БОРЬБА ЗА ОСТРОВ—дневник нач. острова Врангеля *Г. Ушакова*, стр. 47.

ПРАНГИ—отрывок скитаний *Л. Луговик*, стр. 65.

ЧЕРНЫЕ СЕТИ—рассказ *К. Паустовского*, стр. 75.

Отв. ред. С. КЭМРАД Зав. ред. Г. ГИЛЬГЕНДОРФ

Москва. Главлит А 56186. Ст. форм. Б$_5$ 176×250. Изд. № 3930.

«Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. Тираж 35.000 экз.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, ПУТЕШЕСТВИЙ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ИЗОБРЕТЕНИЙ, ПРОПАГАНДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

Приложение к журналу „СМЕНА"

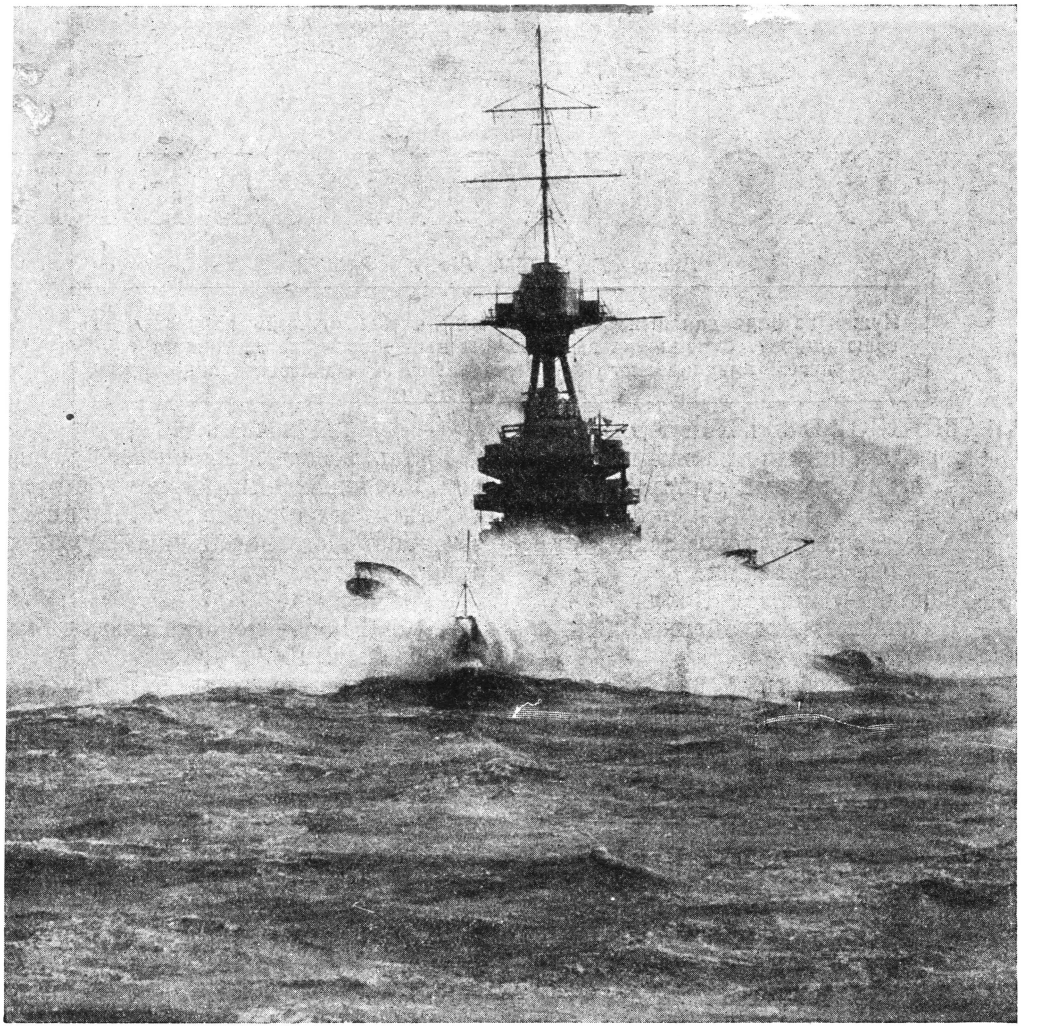
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во „Молодая Гвардия", телефон 1-81-01.

Условия подписки: „Борьба Миров" вместе с 10-дневным журналом „Смена": на год — 7 руб.; на 6 мес. — 3 р. 70 к.; 3 мес. — 1 р. 95 к.

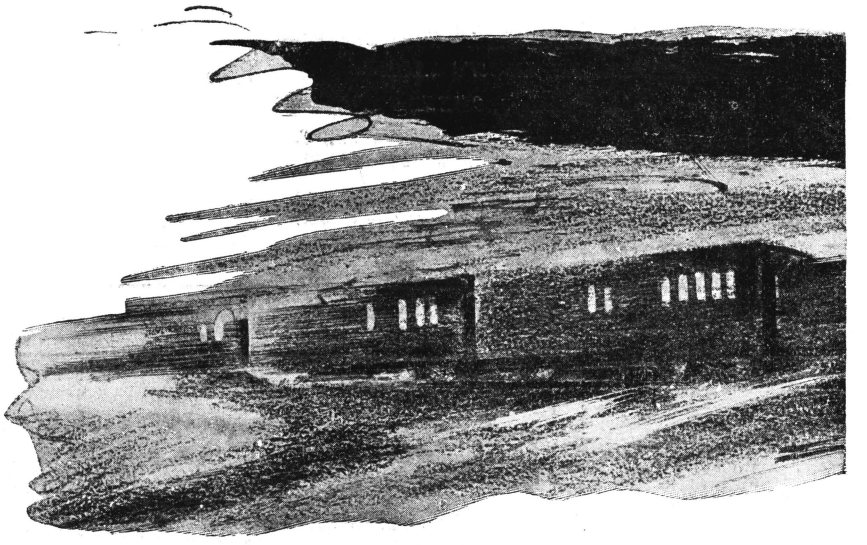
ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Борьба Миров

ЯНВАРЬ 1930 № 1



«Пауки в банке» (очерк М. Левидова, см. на стр. 26).



ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Рассказ Г. САУТАМ. Рис. И. ФРАНЦУЗ

Нужен из ряда вон выходящий случай, чтобы «дикий» почувствовал свою ошибку. Стремление выбиться на выгодное место заставляет «дикого» американского рабочего забыть свое классовое лицо.

МАШИНИСТ Билль Хайет и кочегар-негр Франклин расписывались в табели, сдав товарный состав в Медиссоне.

— Хайет, зайдите к начальнику станции,—сказал табельщик.

— Зачем?—удивился Билль.

— Не знаю. Велел зайти.—Билль пожал плечами.

— Что за новости? У нас завтра выходной день, а послезавтра работа с полудня. Пойдем Лин, делать нечего.

Он взял кочегара под руку, и они зашагали по путям.

Начальника станции пришлось ждать. У него сидели посторонние. Билль злился и курил трубку, несмотря на вывешенные плакаты: «Курить воспрещается». Наконец, вышли двое. Хайета позвали.

— Я подожду,—сказал негр.

— Что за вздор! Идем вместе!

— Нет, нет, я подожду тебя около диспетчерской.

— Ну как хочешь.

Билль вошел в кабинет. Начальник сидел за письменным столом и беседовал с субъектом в сером пальто. При появлении машиниста начальник прервал разговор и поднял голову:

— В чем дело?

— Я Хайет,—коротко сказал Билль.

— Хайет! Гм, да-да.

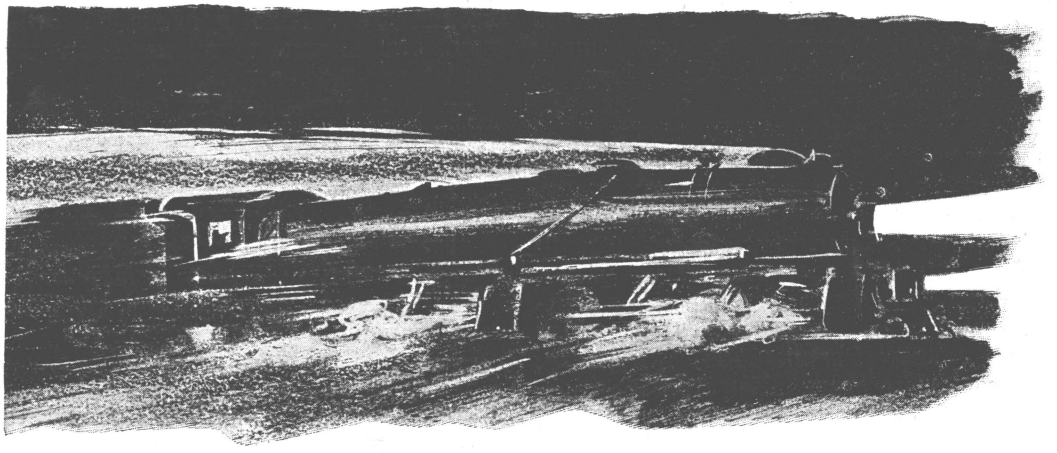
Начальник порылся в пачке бумаг, прочел одну записку и, сказав субъекту в сером: «Этот!»—обернулся к машинисту.

— Мне поручено сообщить вам, Хайет, что правление решило перевести вас на пассажирские поезда, а в дальнейшем, возможно, и на экспрессы. Вы довольны?

У Билля заблестели глаза.

— Доволен! Очень вам признателен.

— Не благодарите, я тут не при чем. Мой долг был сообщить правлению о вашей хорошей работе и примерном поведении. Правление ценит добросовестных



„ДИКОГО“ БИЛЛЯ

работников, особенно, не связанных с разными организациями,—подчеркнул он. Так вот, Хайет, с сегодняшнего дня вам повышается жалованье. С заведующим депо договоритесь о машине.

— Слушаюсь!

— В виде первого опыта вы поведете экстренный поезд в Кильбурн. Вы бывали в Кильбурне?

— Проездом. Но путь Портэдж—Луистон—Ченей—Кильбурн мне хорошо известен.

— Тем лучше. Через полчаса пассажиры начнут посадку, а через час отправляйтесь вы.

— Но позвольте, завтра мой выходной день.

Начальник поморщился.

— Чепуха, отгуляете в другой раз. Да, наконец, ради повышения стоит и проработать лишний день. Мне докладывали, что Джемпсон с голубого экспресса скоро уходит. Вы понимаете, что такое место можно получить только... гм... очень исполнительному работнику?

— Я еду!—быстро ответил Билль.

— Ступайте в депо, готовьте машину.

— За прибытие без приключений—премия,—резким голосом произнес неизвестный.

Билль ликовал. Давно пора. Он рожден быть машинистом. У него твердая рука и верный глаз. От Портэджа до Мэдиссона с закрытыми глазами проведет он состав. Он любит движение, быстроту. Довольно ему дремать на товарном. Большой путь: Вестпорт—Чикаго—Вашингтон... Это совсем иная жизнь. Несутся роскошные экспрессы: голубой «Океания», белый «Стрела», зеленый с золотом «Колумбия»... На их дороге товарные жмутся в тупики, уходят на задний путь. Почтовые, международные застывают на месте...

Не чуя под собой ног от радости, Билль помчался в депо, позабыв про назначенную встречу с Лином. В депо было затишье. Дневная смена ушла, ночная, ремонтная, еще не вступала. Десяток рабочих готовили два паровоза, мастер деловито покрикивал и торопил их. В ремонтном цехе была тишина и полутьма. Там молча стояли больные гиганты.

— Где нарядчик?—спросил Билль.

— В конторе,—не глядя, ответил рабочий.

Нарядчик писал путевку. Билль подсел к нему и, молча улыбаясь, слушал его наставления. Состав пойдет экстренным порядком. Остановка одна: в Портэдже,—взять воду. Пассажиры поедут от самого Мэдиссона до Кильбурна. Не доезжая Кильбурна, после моста через Висконсин, свернуть на подъездной путь к сахарному заводу. Здесь остановка. Ждать новой погрузки. Затем задним ходом попятить состав на магистраль и на ближайшем разъезде перецепить машину в голову. Доехать до Ченея. Там будет смена. Машина Р-201 в порядке, только что осмотрена. Кочегар Марвин—опытный парень.

Билль нахмурился.

— Какой Марвин? Со мной ездит всегда Франклин.

Нарядчик пожал плечами.

— Распоряжение администрации.

— Я хочу ехать с Франклином.

— Нельзя. Назначен Марвин.

— Что же, это навсегда?

— Нет. Только на эту поездку.

— Кто он такой, этот Марвин? Никогда не слышал о нем.

— Новичок у нас. Его недавно перевели из Окии.

Билль недовольно покачал головой.

— А машину-то он знает? Имейте в виду, я ни за что не могу отвечать, не зная, как он работает.

— Ладно!

Он открыл стеклянную дверь и крикнул в грохот молотков:

— Марвин! Эей Марвин!

От паровоза отделилась фигура.

— Вот,—сказал нарядчик,—знакомьтесь.

Рабочие пожали друг другу руки.

Марвин, высокий, хорошо сложенный парень. У него довольно приятное лицо, которое портил только шрам, белой полосой, точно шнурком, перехватывавший лоб. Казалось, что у Марвина низкий лоб и он надел парик с лысиной, чтобы удлинить его.

Билль внимательно посмотрел на Марвина, ничего не сказал и обратился к нарядчику.

— Давайте путевку.

Вскоре Р-201, чистенький и вымытый, медленно вышел из-под закопченной крыши депо. Тихо прополз по стрелкам и стал пятиться к темным пакгаузам, Билль дал тормоз.

— Почему подаешь на боковые пути? крикнул он стрелочнику.

— Да, ведь, состав на семнадцатом пути.

— Что за вздор! Семнадцатый—это у товарных платформ. Что он там путает?—обратился Билль к Марвину.

— Нет, верно,—ухмыльнулся тот.—Нарядчик и мне то же говорил.

— Чушь! Пассажирский состав грузится у товарных платформ?

— Так и есть,—ответил кочегар.

— Да почему, чорт побери?

— Не знаю,—сухо ответил Марвин и отвернулся.

Билль недоумевал. Р-201, тихонько пятясь, тронул буфера багажного вагона и остановился. Сцепщик завозился с цепями.

— Проверьте тормоз и контрпар,—сказал Билль, вылезая из будки.

— А вы куда?—быстро спросил Марвин.

Билль поднял голову, но в темноте не разглядел лица кочегара. Спрыгнув вниз, он нахмурился и медленно пошел вдоль состава. Пассажиры толпились у вагонов. Плоховато одетые, с потрепанными чемоданчиками, они перебрасывались отрывистыми словами и проходили в вагоны.

Весь состав состоял из четырнадцати вагонов. Впереди шел багажный, за ним три пустых, затем девять, куда входили пассажиры, и последний—наглухо закрытый, с решотками на крохотных окнах. Все пассажирские вагоны были третьего класса.

«Странный состав,—подумал Билль,—странные пассажиры. Рабочие? По всем данным—рабочие. Но почему ночью? И почему экстренный поезд? Может быть, сахарный завод вводит новую смену? Ну, конечно, как это я сразу не сообразил».

Вдруг на деревянной платформе послышался размеренный топот ног, и к трем передним пустым вагонам подошел отряд полицейских, за ним другой, всего

человек восемьдесят. Они быстро, без суеты, разместились в своих вагонах.

Билль опять удивился. Полиция? И такой большой отряд? Зачем?

Раздался свисток. Марвин звал машиниста. Билль задумчиво пошел обратно.

— Стой!—вырос вдруг перед ним полицейский офицер.

Билль остановился.

— Кто такой?

— Машинист, а что?

— Твое место на паровозе. Нечего здесь шляться.

Билль вспыхнул, хотел ответить резкостью, но круто повернулся и молча взобрался в будку.

— Вестингауз что-то шипит. Нет ли утечки?—озабоченно сказал Марвин.

Билль повернул рычаг. Свист прошел под всем составом и замер. Машинист пристально посмотрел на кочегара: тормоз был в полной исправности.

Закачались длинные руки и цветные огоньки семафоров. На балкон станции вышел человек и дважды махнул фонарем. Не давая свистка, поезд тронулся, медленно лавируя среди стрелок. Следя за круглыми и косыми огнями, Билль высунулся в окошко. Внезапно он резко нажал тормоз: на путях, почти перед самым паровозом, появился человек. Лобовые фонари ярко осветили его. Человек перебежал рельсы, и Билль опустил рычаг: поезд двинулся дальше. Вдруг за собой он услышал тяжелое дыханье. Повернувшись, он увидел, что в будку влезает Лин.

Не прежний, веселый, потешный Лин. Серопепельное лицо негра было искажено застывшей гримасой. Он тяжело дышал и опустился на скамеечку в полном изнеможении:

Марвин подошел к нему.

— Это еще кто?—спросил он.

— Это мой товарищ. Поедет с нами,— коротко отрезал Билль.

— Но...—кочегар больше ничего не сказал и отошел к тендеру.

Билль прибавил ход. Теперь реже стучали стрелки, реже подмигивали долговязые семафоры, поезд выходил на магистраль. Билль смотрел в окошко и мысленно ругал себя. «Какой негодяй! Чутьне уехал один. Забыл о старом друге, с которым провел неразлучно два года. Бедняга Лин, прождав его больше часа, обежал, наверно, все мастерские, прежде чем нагнать его в пути». Билль вспомнил их совместную дружную работу, отдыхи в выходные дни с удочкой в руках где-нибудь на реке, долгие споры... У Лина была одна неисчерпаемая тема: «почему Билль не хочет вступить в союз». Для самого Лина это было недоступно: американские профсоюзы не принимают негров, но Билль... Что за радость оставаться «диким».

А он, Билль, отделывался шутками: «Зачем мне союз? Живу сам по себе и ни в ком не нуждаюсь, кроме старика Франклина». Чудак этот Лин. Однажды он мог выдвинуться. Еще до встречи с Биллем. На Северной дороге вызвали охотников заменить бастовавших машинистов и проводников. Лин отказался— он бастовал вместе с ними.

Вдруг Билль почувствовал, что его дергают за куртку. Он обернулся. Лин что-то говорил ему, но стук машины заглушал его слабый голос.

Билль взял негра за плечо и, не отводя взгляда от бегущих рельсов, потянул его к себе. Лин стал кричать ему в ухо.

— Билль, останови машину! Слезай, Билль! Скорее слезай!

— Что с тобой, Лин? Зачем останавливать поезд?

— Останови, Билль, говорю тебе. Или сделай вид, что заболел. Пусть твой помощник ведет поезд, а тебя высадит.

— Да ты с ума сошел! Он не умеет управлять.

— Получше тебя умеет. Слезай, Билль, скорее слезай!

— Столько тоски и тревоги было в страстном шопоте негра, что Билль тоже встревожился.

— Зачем? Почему? Объясни.

— Знаешь ли ты, кого везешь, Билль? Не знаешь? Так я тебе скажу: ты везешь штрейкбрехеров. На большом заводе под Кильбурном забастовка, и этих негодяев везут сломить стачку. Ни один союзный машинист, зная это, не поехал бы. Тебя обманули, Билль. Уходи отсюда скорее. С ними едет полиция на усмирение.

Будет кровь, Билль! И ты будешь виновником смерти своих братьев-рабочих. Ты, ведь, не хочешь быть их палачом, Билль? Не хочешь быть убийцей?

— Постой, Лин, постой,—простонал машинист.—Я...погоди...

Мысли одна другой страшнее мчались наперегонки с поездом. Машинально переводя регулятор, Билль довел его до последней скорости. Машину бросало из стороны в сторону.

Голова Билля пылала. Пробная поездка. Впереди карьера. Экспресс... Голубой экспресс. Мечта стольких ночей... И вдруг на голубом бархате стали расплываться рыжие пятна... кровь...Кровь тех... с сахарного завода.

Также машинально он стал убавлять ход, и в темп ходу поезда приходили в порядок мысли. Лин прав. Надо отказаться, внезапно заболеть. Это не повредит карьере, и он не будет косвенным участником расправы на заводе. Он перевел регулятор еще на одно деление влево.

В это мгновенье кто-то тряхнул его за плечо. При слабом свете электрической лампочки Билль увидел искаженное злобой лицо кочегара.

— Зачем останавливаешь? — кричал кочегар.

Билль отстранил прильнувшего к нему Франклина и повернулся лицом к кочегару.

— Я нездоров!—крикнул он.—Заболел. Остановлюсь на ближайшей станции. Через две минуты...

Тот энергично затряс головой.

— Лжешь! Веди дальше.

Билль побагровел и двинулся на него.

Кочегар отступил на шаг назад и вынул револьвер.

— На место!—рявкнул он.

Франклин испуганно отскочил в сторону. Билль замер. Броситься на Марвина? Ранение, может быть, смерть? Ведь, все равно все кончено. Спрыгнуть на ходу? Разобьешься, навек останешься калекой.

У Билля опустились руки. Скрипнув зубами, он отступил назад и опустил руку на регулятор.

Кочегар усмехнулся и опустил револьвер, но не спрятал его. Повелительным жестом приказал он Франклину занять свое место у манометра.

Поезд мчался. Холодея от ярости, гнал машину Билль. Лин дрожал, а в глубине, у тендера, стоял кочегар и пристально следил за ними. Все молчали.

Было пламя в топке. Дребезжали части. Свистел пар. Хрипло и быстро вздыхал паровоз. Звякали стыки рельсов. Мелькали огоньки, проносились темные строения, фермы. Как частокол, рябили телеграфные столбы.

«Да, это скорость»,—подумал Билль. От быстроты бега он стал остывать, успокаиваться и, машинально следя за сигнальными огнями, напряженно думал.

Да, его поймали. Кровь—цена карьеры. А если к чорту карьеру? Все равно его заставят довести поезд до конца. Нет—пристрелят, не задумываясь. И пользы никакой. Марвин сам поведет поезд... Марвин не кочегар, а инженер, наверно. Нет, силой и храбростью тут не взять, надо действовать хитростью.

Билль тихонько повел левой рукой и коснулся плеча Лина.

Марвин сделал шаг вперед.

— Не разговаривать!—закричал он.

Билль в ярости высунул горячую голову в окно. Вдали мерцали огни Портэджа. Он взглянул на ручные часы. Ого! В два часа отмахали больше половины пути. При таком ходе весь путь он покроет в четыре часа.

Поезд замедлил ход и, прогрохотав на стрелках, остановился на боковом пути.

На паровоз взобрался дежурный за путевкой, и сцепщики завозились над буферами. Дежурный сделал отметку в путевке, спросил, не было ли происшествий, и полез вниз. Отцепленный паровоз двинулся к водокачке и стал под ее колонкой. Лин взобрался на тендер и вправил рукав.

— Назад!—вдруг крикнул Марвин и поднял револьвер.

Лин, дрожа, сполз обратно. Он хотел спрыгнуть с тендера, но зоркий «кочегар» предупредил его.

Паровоз напился, отдуваясь, подошел к составу, прицепился и тронул свои четырнадцать вагонов.

Билль не торопился: скоро первый

мост через Висконсин. Его надо проходить тихо. Вообще мосты здесь старые, плохие, особенно второй у Луистона.

И вдруг Билля пронзила мысль: надо спасти Лина.

— Эй, как манометр?—крикнул он.

Лин вздрогнул. Насторожился Марвин.

Билль быстро шагнул к манометру, наклонился и свистящим шопотом кинул:

— На мосту прыгай!

Потом, точно недовольный показанием манометра, покачал головой. Подошел Марвин и искоса взглянул на манометр. Билль убавил ход: показались огни первого моста. Медленно вступил поезд в грохот железных ферм.

Вдруг негр сорвался с места и прыгнул вниз. Метнулся за ним Марвин, но, получив увесистый удар в спину, вылетел вслед за беглецом.

Билль вытер со лба выступивший пот: «Что с Лином?»

За грохотом поезда он не расслышал двойного всплеска.

Главное сделано, он избавился от Марвина.

Страшная мысль пришла вдруг ему в голову. Кровь? Все равно кровь. Пустить поезд под откос, взорвав паровоз? На мгновение стало жалко умирать. Но... зачем умирать, когда можно спрыгнуть... Впрочем, нет, не спрыгнешь.

Мост кончился. Билль опять поставил регулятор на последнюю зарубку. Вот разве?.. Но для этого нужна безумная ловкость. Пробраться по крышам вагонов до последнего и, оставшись на нем, отцепить его на ходу. Это пустой вагон для арестантов. А поезд пусть мчится на всех парах вперед.

Билль вздрогнул, потом быстро осмотрел все приборы, прибавил поток нефти и решительно полез на тендер.

На быстром ходу вагон бросало из стороны в сторону. Обдирая колени и локти, полз Билль по крыше четвертого вагона. На мгновение его остро пронзила мысль: «Может быть, здесь? Зачем гибнуть всем. Быть может, голод погнал этих штрейкбрехеров на гнусное дело?» Он стиснул зубы.

«Нет, все равно». — И полез дальше.

Последний вагон. Вдруг Билль плашмя растянулся на крыше: еще немного, и его сорвало бы фермой луистонского моста.

Призраком мелькнул луистонский вокзал.

Билль стал спускаться. То-то верно, удивился дежурный в Луистоне, когда поезд не замедлил ход, проходя станцию.

Оседлав буфер, Билль вынул из кармана напильник и, крепко зацепившись левой рукой за ступеньку, стал перепиливать сцепку. Металл подавался. Вот напильник вошел глубоко в центр стержня. Сейчас металл не выдержит и...

Вдруг машинист похолодел: полу его куртки захлестнуло за крюк. Разорвись сцепка, поезд утащил бы его за собой. Он поспешно освободил полу и в этот миг почувствовал, что повис на одной руке. Металл не выдержал, и сцепка порвалась. Несколько мгновений он висел на левой руке. Отцепленный вагон медленно отставал от поезда. Билль бросил ненужный напильник и, схватившись обеими руками за лестницу, подтянулся и сел на ступеньку.

Вагон отставал, катясь тише и тише. Дальше и дальше слышался грохот несущегося поезда.

Мягче стучали колеса, но Билль был до того разбит, что только после полной остановки вагона, шатаясь, сошел на землю.

Чиркнул спичку, посмотрел на часы: 3.40. Скоро рассвет.

Он потянулся, тряхнул головой и пошел в сторону от магистрали.

Выходной день Билля Хайета начался.

Г. САУТАМ

1 МАЯ 1930 ГОДА

Кончается конкурс на рассказ «Из моей жизни», объявленный редакцией **«Борьба Миров»**.

Напишите и пришлите в редакцию не позднее 1 мая 1930 г. рассказ о самом интересном и замечательном случае из вашей жизни или из жизни вашего отца, брата, сестры, матери или товарища.

Случай должен соответствовать одному из трех основных разделов сборников **«Борьба Миров»**.

КИМ — Как вы участвовали в грандиозной революционной борьбе, которую ведет рабочий класс СССР и революционные партии и рабочие в капиталистических странах; в борьбе, которую ведут угнетенные народы колониальных стран против своих поработителей.

ПЛАН — Как вы работали на одном из бесчисленных участков великого социалистического строительства; над выполнением пятилетнего плана в 4 года. Какие препятствия вы преодолевали, борясь за индустриализацию, обобществление сельского хозяйства и культурную революцию.

ФЛОТ — Как вы служили во флоте: в царском ли — боролись вместе с революционными матросами за пролетарскую революцию; в советском ли — отбивая наскоки белых генералов, сражаясь в тяжелых условиях гражданской войны. На стройке ли Красного флота, поднятого до нужной нам высоты энтузиазмом миллионного шефа—комсомола.

Рассказ должен быть написан четко, на одной стороне листа. Размер его не должен превышать 15 страниц писчей бумаги.

Лучшие рассказы будут напечатаны в сборниках **«Борьба Миров»**. За выдающиеся рассказы, кроме обычного гонорара, будут выданы 3 премии:

1 премия—20 книг Библиотеки экспедиций и путешествий.

2 премия—подписка на год на декадный журнал «Смена» с приложением **«Борьба Миров»**.

3 премия—12 сборников «Борьба Миров».

Жюри конкурса: завед. изд-вом «Молодая Гвардия» — *Я. Цванкин*, ответ. ред. журн. «Молодая Гвардия» — *Б. Ольховый*, ответств. ред. журн. «Смена» и «Борьба Миров» — *С. Кэмрад*, зав. ред. «Борьба Миров»—*Г. Гильгендорф*, зав. ред. журн. «Смена» — *Я. Юдицкий*, редактор Биб-ки экспедиций и путешествий — *В. Узин* и комсомольский писатель *Марк Колосов*.

ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

Пятилетка будет выполнена в четыре года. 5-летка является первой частью боевой программы генерального социалистического плана реконструкции народного хозяйства, рассчитанного на 15 лет. Энтузиазм масс, безусловно, сократит этот срок. И картина, развернутая инж. Лопатиным, уже не кажется нам фантастической.

Очерк П. ЛОПАТИНА

Рис. И. ФРАНЦУЗ

Четыре электростанции

Северный полярный океан. Полгода—незаходящее солнце, зажигающее ослепительно-белым светом вечные снега полярной страны. Полгода—темная ночь с морозами, пургой и сказочно-прекрасным северным сиянием. А кругом—и днем и ночью—ледяные горы, ледяные пропасти, ледяные поля.

Подо льдом—полярные острова. А на льду—дома, ажурные, металлические радиомачты и громадное здание, на фасаде которого в темную северную ночь гордо горят яркие буквы:

ПОЛЯРНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ № 1

Питается станция углем полярных островов, и питает сама всю северную половину европейской части Союза—от Свердловска до Ленинграда, от Архангельска до Москвы.

★

Раскаленный солнцем песок Голодной степи. Жалкий, корявый, стелящийся по земле саксаул. Верблюды с мягко ступающими ногами и раскачиваю щейся «морской» походкой. А среди всего этого—поле зеркал.

Зеркала живые: двинется солнце, и они движутся за ним, движутся неотступно, поворачиваясь своей блестящей поверхностью навстречу солнечным лучам. И лучи, пойманные зеркалами, становятся послушными. Они нагревают воду громадных котлов, и белый пар, бунтуя в паровых турбинах, дает сотни тысяч киловатт, вырабатываемых

СОЛНЕЧНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЕЙ № 2

Станция, питаясь солнцем, шлет свой ток Кавказу, Южному Уралу, полям белого хлоп-

чатника и бескрайним степям Казакстана, где выросли мощные комбинаты цветной металлургии, грандиозные фабрики хлеба, риса и мяса и плантации гвайюллы, хондриллы, кенафа и кендыря.

★

Сибирь. Забытая, почти никому не известная сейчас речка Ангара превратилась в сибирскую Ниагару. Ее громадное падение, скалистые берега и неисчерпаемые запасы воды создали здесь сверхмощную водную

СИБИРСКУЮ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЮ № 3

Она питается белым углем и питает своим током поля Западной Сибири, серебряные и свинцовые рудники Алтая, золото Лены и Алдана, Кузбассовские шахты, лесные разработки и новые сибирские города.

★

Наконец, Днепрострой. Он расширен до предела. В двух местах он перегородил Днепр своими плотинами. В двух местах он создал громадные водоемы. И в двух местах он превратил белую пену Днепровских порогов в электрический ток

ДНЕПРОВСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ № 4

Порабощенной мощью Днепра питается теперь Украина и Донбасс с их громадными совхозами, рудниками, химическими комбинатами и металлургическими и тракторными заводами.

Мир без проводов

Четыре сверхмощных электростанции питают Союз. Но напрасно вы будете искать провода и столбы электропередачи на волнах и пловучих айсбергах Северного ледовитого океана, отделяющего станцию от берегов Союза. Вы не найдете их и на песках Голодной степи, и в сибирских лесах, и в днепровских плавнях.

От каждой из четырех станций электрическая сила в миллионы киловатт течет по воздуху над водами океана, над тундрой побережья, над песками пустыни и степями Украины. Течет десятками воздушных прямых, как стрела, потоков: «станция—Архангельск», «станция—Магнитогория», «станция—Москва».

Эти потоки невидимы, как невидимы те радиоволны, которые от Московской радиостанции «всем, всем, всем» шлют сегодня вести из Советской страны. Но они полны силы и мощи, и эту силу ловят в Архангельске, Свердловске, Ленинграде особые уловительные приборы на заводах, улицах, в домах. В них невидимые воздушные потоки превращаются снова в электрический ток, приводящий в движение станки и машины, зажигая электрические лампы и нагревая электрические печи.

Наш Союз раз навсегда отказался от ненужных, обременительных электрических проводов.

Новорожденные города социализма

С полярных островов, из Голодной степи, от Днепровских порогов и реки Ангары радиомачты шлют свою мощь советским городам.

За 15 лет на карте Союза появилось много новых «городских» кружочков.

...Вот новый город—Хибины. Он вырос за Полярным кругом, там, где полным ходом среди диких скал и сурового северного леса идет разработка величайших в мире залежей аппатитов.

...Город Новый Котлас—город леса. Здесь громадный лесной комбинат, который из северного леса приготовляет доски, пластины, шпалы, скипидар, бумагу, пуговицы и кинематографические ленты.

...Город Кизел. Еще сегодня здесь девчата собирают малину. А через 15 лет в этом северном углу Урала вырастет каменноугольный и химический комбинат и многотысячный город при нем.

...Южнее—город Магнитогорск около Магнитной Горы, под которой уже на наших глазах строится Магнитогорский металлургический гигант.

А дальше—Дзержинск, Запорожье, Новый Сталинград, Соликамск, Кумовской, Несветай, Горловка, Рыково—все новые, рожденные революцией, советские города.

Но разве можно перечислить все города, которые вырастут за 15 лет нашей бешеной стройки?

Труба умерла—
да здравствует антенна!

В центре каждого нового города—громадный завод. Это будет прекрасное здание с зеркальными окнами, днем жадно вбирающими в себя солнечные лучи, а по ночам зажигающиеся ярким электрическим светом.

Трубы, старой привычной заводской трубы нет. Копоть, сажа, душный жар, черный дым, проникающий в легкие—все это исчезло. Оказалось нелепым жечь уголь на каждом заводе, когда электрическая централь шлет по воздуху сотни тысяч сил более дешевой энергии.

Фабричной трубе нечего делать, она умерла, уступив место фабричной антенне.

Антенна примет силу электрического потока и отправит ее вниз, в то отделение, откуда электрические волны, превратившись в электрический ток, разбегутся по этажам, мастерским и цехам, чтобы тысячи машин могли, ворча и вздыхая, выполнять свою работу.

Завод завтра

Громадная умная точная машина безраздельно царствует в залах завтрашнего завода.

Но это только первое впечатление. Действительный владыка и повелитель завода—рабочий. И в этом—разительное отличие «сегодня» от «завтра».

«Сегодня» рабочий—слуга у машины. Он ходит вокруг нее, подает ей материалы, всячески заботится и пестует ее, как нянька капризного ребенка, не могущего шага шагнуть без посторонней помощи.

«Завтра» машина сама служит и заботится о рабочем. Она сама подает рабочему нужный инструмент, сама приносит ему материал и сама рассказывает ему о том, как обстоит сейчас дело в недрах ее металлического тела.

Мягкий, не слепящий глаз свет позволяет рабочему без напряжения следить по бегающим золотым стрелкам измерительных приборов за пульсом машин, за качеством изделия, за скоростью хода. Рычажки, кнопки, штепселя—вот чем орудует главным образом рабочий завтрашнего дня, потому что он не слуга, а повелитель машины, ее управитель и ее творец.

Творчество, изобретательство, конструирование—на первом месте. Громадное здание лаборатории и научно-исследовательского института—непременная принадлежность промышленного комбината. Здесь претворяются в жизнь технические мечтания рабочих, здесь «чистая» наука тесно переплетается с практической техникой. Ученый с мировым именем и рядовой рабочий-практик рука об-руку, рядом, засучив рукава, творят одно и то же великое дело—техническое господство человека над стихией, природой, материалом.

Рабочий—творец, и потому все, что требует бессмысленной механической, а тем более вредной для здоровья работы, переложено на «умные» машины и артели «механических людей»—тех самых «телевоксов», которые уже сейчас сконструировала заграница и которых, благодаря обреченности своей, она заставляет дирижировать хороводами голых женщин в ночных кабаках и выступать на банкетах почтенных джентельменов.

Эти умные машины и мертвые «телевоксы» в наших промышленных комбинатах заменят рабочего там, где быть вредно и бессмысленно, оставив радостное творчество и управление созданной им самим армией послушных машин.

Город, которому принадлежит будущее

Вокруг промышленного комбината—новый город. Город, который может быть только у нас, в Советском Союзе. Потому что мечта о городе будущего у нас и заграницей безконечно различна.

Там, за рубежом, будущий город так же, как и сейчас, растет вверх—в воздух, и вниз—под землю; слишком скаредно относится он к своей земле, чтобы развиваться вширь. Он превращается в темные, мрачные улицы—ущелья между башнями-домами. Как слепой крот, врывается он в подземные галлереи, как бы прячась в них от солнечного света. Он заливает асфальтом и сковывает бетоном каждое дерево, каждый кустик, каждый побег зеленой травы.

Завтрашний город Советского Союза—прямая противоположность этому.

Прежде всего, ему незачем быть многомиллионным городом, со стихийно растущим населением. Каждый город будет связан с определенным производством, и лишнего населения, непосредственно не связанного с этим производством, не должно быть в новом городе.

Поэтому в центре города—промышленный комбинат. Вокруг него—зеленое кольцо, в котором нет зданий и нет жилья. А от этого промышленного зеленого центра радиусами во все стороны отходят линии прекрасных асфальтированных дорог, трамвайных путей, линий электрических поездов.

Вдоль этих транспортных лучей и вокруг их—жилые дома, теряющиеся среди моря зелени, свежего воздуха и солнца. А между жилыми лучами—поля совхозов—зерновых, животноводческих, овощных, обслуживающих город.

Наш дом через 15 лет

В солнечном городе—солнечные дома. Это—не монументальные сооружения заграницы, потому что разве можно строить сейчас дом, рассчитанный по своей прочности на 80-летнюю жизнь, когда несущаяся вперед техника заставит сдать его на слом через 20 лет.

Дома в нашем новом городе—стандартные постройки—продукт новой, только что рождающейся строительной промышленности. И не строить мы будем их в новом городе, а монтировать из готовых фабричных стандартных частей.

Это фабричное стандартное производство дома даст возможность добиться того, что солнечный луч и свежесть зеленых садов будут действительно полновластно царить в будущих домах.

Наши будущие квартиры станут, наконец, только жилыми квартирами, а не кустарной мастерской домашнего хозяйства. Из них раз и навсегда будут изгнаны проклятые кухни, а с ними вместе дым, чад, примус, палящая жаром плита и кухонная кабала женщин. Вместо всего этого—небольшие электрические отопительные приборы, в которые домашняя антенна подводит электрические волны электростанции, и фабрика-кухня для целого района, где каждый получит сытный, здоровый домашний обед без хлопот, без предварительной муки у плиты и примуса, без недоброкачественных продуктов.

Особенное внимание в нашем будущем городе отдано детям: самые лучшие светлые дома, самые солнечные зеленые площадки

парков отданы детскому городку: яслям, садам, пионерским отрядам.

Для взрослых—районные клубы и читальни, где каждый сможет получить нужную газету и книгу, необходимую справку, полезный совет.

И везде и всюду—в квартире, в клубе, на заводе—полновластное господство радио и ультрафиолетового света—этих «лучей жизни», которые пойманы уже уфиолевым стеклом колпачков электрических ламп, выпущенных впервые в октябре 1929 г. Ленинградским заводом «Свет-Лампа».

Таков наш советский город через 15 лет.

Мечта, которой суждено стать явью

Вы скажете, что это—бессмысленные мечтания, до которых не доживем ни мы, ни наши дети, ни дети детей наших.

Да, это мечтания, потому что сейчас, сегодня, этого нет. Но разве можно назвать бессмысленным то, к чему настойчиво идет наука, что почти полностью уже решено в лабораториях и только ждет, чтобы из тесного замкнутого кабинета ученого выйти в широкую жизнь?

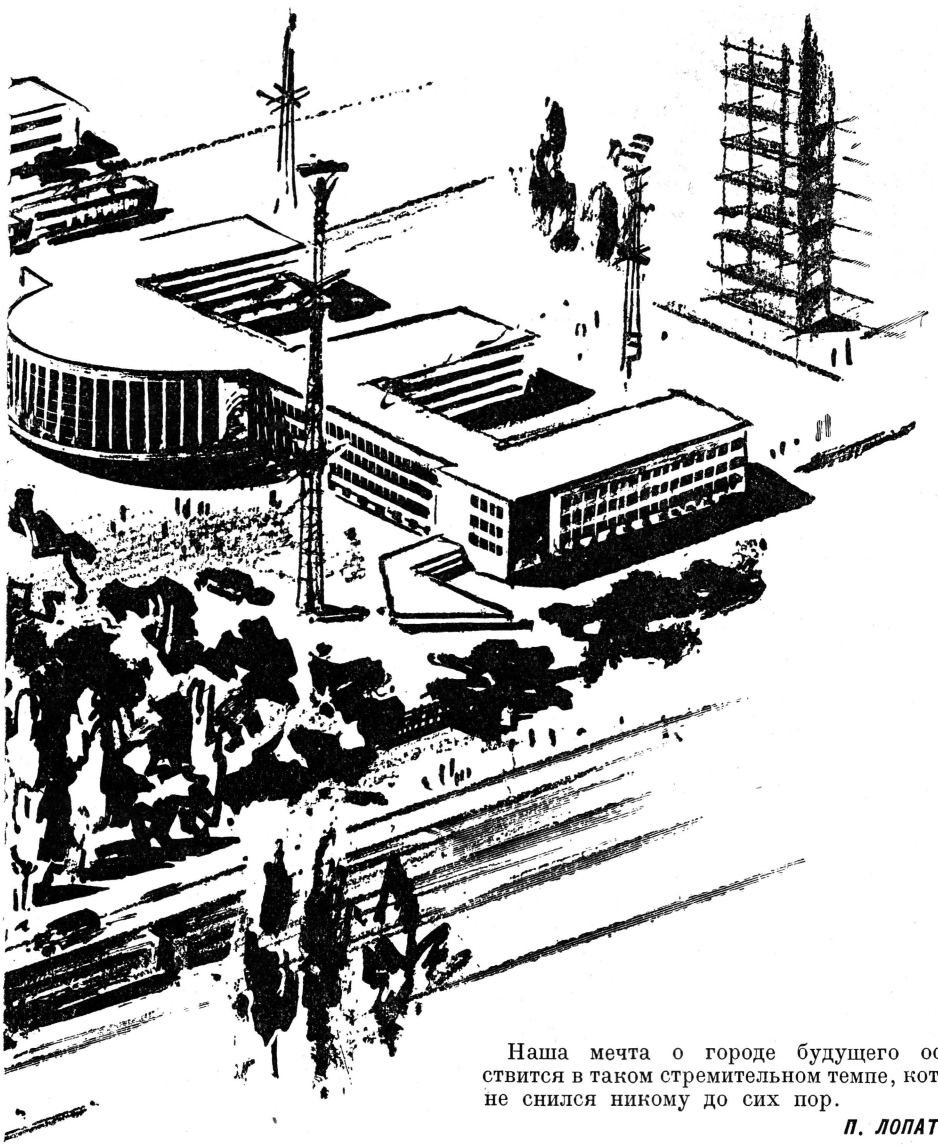
Разве не думают некоторые ученые, что на неизвереных просторах Арктики лежат острова, которые, быть может, так же богаты углем, как богат им Южный полярный материк? И разве Маркони и наша Нижегородская лаборатория не научились по определенному адресу направлять радиоволны, а Никола Тесла не уверяет, что он скоро будет по определенным адресам направлять электрическую силу на сотни километров? И, наконец, разве Томас и Рентлер—инженеры компании «Вестингауз»—не показали в нью-йоркской лаборатории блестящих опытов по передаче с помощью радио света и тепла на расстояние? О «телевоксах» и умных машинах говорить не приходится.

В этих «бессмысленных» мечтаниях нет ничего, что не было бы достигнуто в лабораториях ученых.

И если 30 лет назад мы не знали самолета и радиоаппарата, а сегодня стальная птица—обыденное явление, если сейчас наверняка треть человечества связана с радиоволнами,—то чья фантазия способна нарисовать причудливую картину расцвета творческой мысли в СССР тогда, когда историей к творчеству призван восходящий класс—пролетариат?!

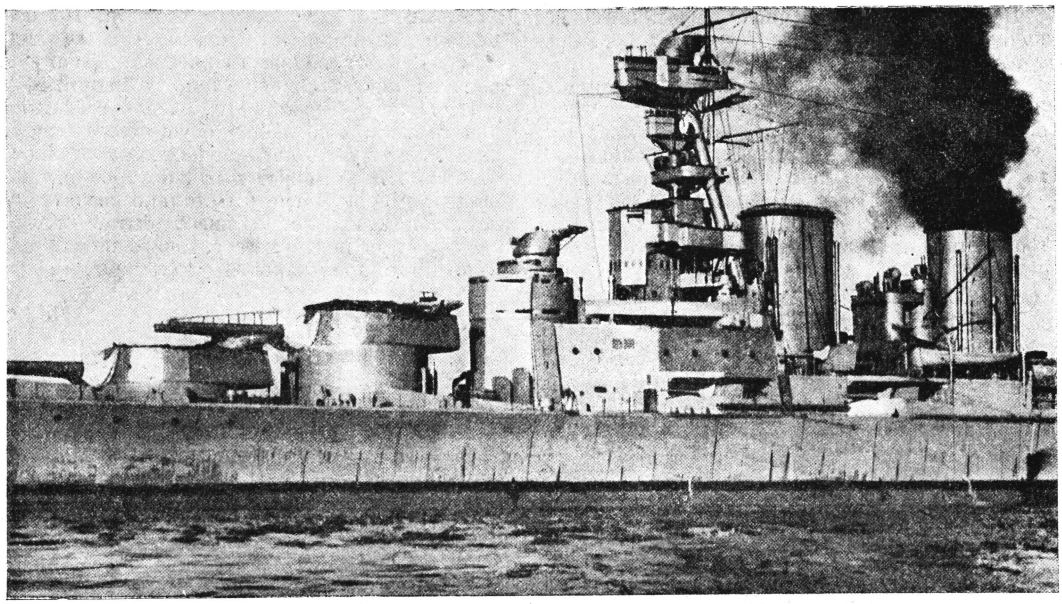
Революция дает тысячи творцов. По всей необъятной шири СССР стремительным шквалом набегают волны творчества. Многое из области мечтательного стало у нас явью.

И, можно смело сказать, именно в создании нового наши «фантазии» осуществятся скорее всего. Потому что нет ни одного правительства в мире да и не может быть, которое в такой короткий срок могло бы столько создать для построения нового, лучшего быта, сколько сделало при поддержке рабочего класса правительство пролетарской диктатуры.



Наша мечта о городе будущего осуществится в таком стремительном темпе, который не снился никому до сих пор.

П. ЛОПАТИН



Самый большой в мире английский линейный крейсер «ХУД» (Hood)

21 января 1930 г. будут переполнены улицы западной части Лондона, особенно те улицы, которые ведут к величественному Сент-Джемскому дворцу, старинной резиденции английских королей; будет приостановлено обычное уличное движение, и шпалерами выстроится нарядная веселая толпа. Аплодисментами и приветственными криками будут встречать медленно движущиеся в узком проезде автомобили, в которых, раскланиваясь во все стороны, с казенно-приветливой улыбкой на устах, поедут американская, французская, итальянская и японская делегации на лондонскую конференцию по ограничению морских вооружений.

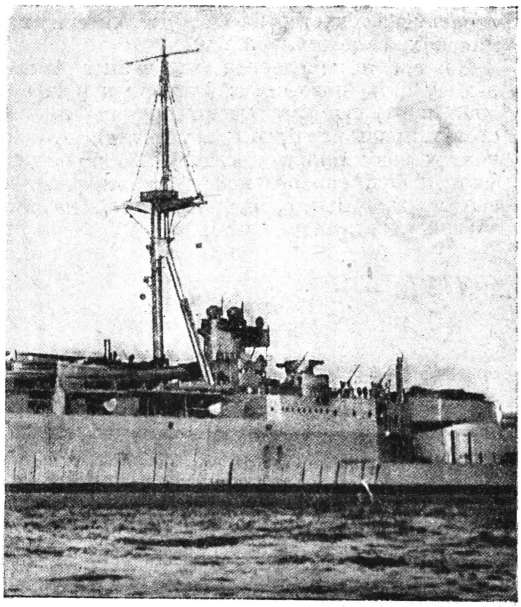
Да, это будет торжественный день! В широкие, старинные кресла усядутся делегаты конференции, строго соблюдая принцип старшинства и ранга. Пробьет назначенный час, пробормочет несколько приветственных слов король Георг, милостиво предоставивший свой дворец для торжественных заседаний конференции, за что ему вынес официальную благодарность английский парламент; нацелятся на короля и делегатов жадные дула сотен киноаппаратов, раздастся характерный скрип вечных перьев сотен корреспондентов, специально прибывших к этому дню со всех концов капиталистического мира и торопящихся занести в скрижали истории, если уж говорить высоким слогом, сей торжественный момент...

★

На юге аравийского полуострова несколькими оазисами расположено, среди пустыни, маленькое арабское государство Аль-Иемен, которым деспотически правит имам Яхья-ибн-Хамид-уд-Дин, «прямой потомок пророка», как он величает себя. Ученый и воин, человек пера и сабли, по определению одного посетившего его недавно американского журналиста. С этим журналистом беседовал имам Яхья о мировой политике. Когда журналист сказал имаму, что основной принцип мировой политики: хочешь мира—готовься к войне,—обрадовался воинственный имам, повторил знаменитое изречение и прибавил: «нахи, калам нахи», что означает: прекрасные слова, глубокая мудрость...

Но как устарела эта мудрость для современного дипломата! Он повторяет еще по инерции старое изречение, но руководствуется другим изречением, более соответствующим нашей эпохе: хочешь войны—готовь мир и говори о разоружении.

Каждая из делегаций, участвующих в конференции, приедет в Лондон со своей собственной программой, с комплексом своих принципов и условий насчет того базиса, на основе которого она согласится на ограничение морских вооружений, но в одном будут сходны различные базисы всех пяти делегаций: в стремлении сделать это ограничение наиболее выгодным для своей страны, наименее выгодным для остальных. Для каждой из стран, участниц конференции, она имеет лишь одно значение: добиться при помощи этой конференции наиболее выгодного для себя положения в грядущей войне. Какое же состояние морских вооружений считает для себя наиболее выгодным каждая из этих пяти



ПАУКИ В БАНКЕ

Очерк ***М. ЛЕВИДОВА***

Ближайшим, грозным столкновением капиталистических миров будет, несомненно, война на море. Перекрестные выпады держав при подготовке к Лондонской морской конференции четко вырисовали картину будущих сражений на морях. В своем очерке М. Левидов дает оценку расстановки сил противников.

держав? Лишь ответив на этот вопрос, поймем мы своеобразный характер предстоящей конференции.

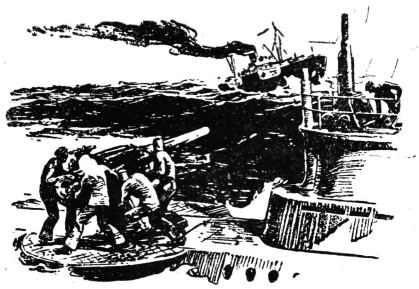
★

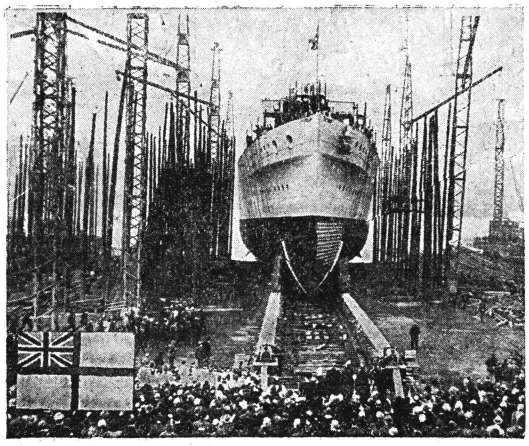
Чего хотят и добиваются от конференции Соединенные Штаты? На первый взгляд, весьма немногого. После торжественного рукопожатия между Гувером и Макдональдом в Вашингтоне, знаменовавшего собой тот факт, что Англия, подчиняясь железной необходимости, отказалась от мысли состязаться с Америкой на море, Америке, пожалуй, и нечего желать.

Между Америкой и Англией существует ныне договоренность насчет морского строительства: общий военный тоннаж обоих государств будет почти одинаков, с некоторым преимуществом у Англии в линейных кораблях, а у Америки—в легких крейсерах. Казалось бы, это недавно заключенное соглашение не такая уж победа для Америки: ведь, значительно превосходя Англию своей экономической мощью, Америка могла бы строить все новые боевые суда и создать более сильный по сравнению с английским флот, так как Англии все равно никак не угнаться за Америкой. Но дело в том, что, принудив Англию отказаться от старинного принципа английской политики—иметь флот, не уступающий по своей силе соединенному флоту двух любых других держав,—Америка тем самым фактически поставила Англию на колени, и вперед обеспечила себе торжество в случае англо-американского конфликта. Ибо, самый сильный в мире флот необходим был Англии потому, что она слабее других империалистических держав, а тем более Соединенных Штатов, на суше. Соглашаясь на равенство флотов, Англия отказывается от надежд на мировую гегемонию и молча признает первенство Соединенных Штатов в капиталистическом мире.

И, наконец, если не на самой конференции, то в ее кулуарах, американская делегация будет вести разговоры, и, пожалуй, разговоры шантажного характера, насчет «свободы морей». О, это забавная штука—свобода морей! На американском языке это означает право нейтральной державы во время войны снабжать продовольствием и вообще беспрепятственно вести торговлю с любой из воюющих держав. Но в случае какой бы то ни было войны—кто будет эта нейтральная держава?

Конечно, Америка. И вот, предположим, что возникла англо-французская или франко-итальянская война. Совершенно ясно, что, имея возможность беспрепятственной торговли с любой из воюющих сторон по своему выбору, Америка может, сама не вмешиваясь в войну, сохраняя, якобы, нейтралитет, обеспечить любой из сторон победу. Она явится, таким





Новый британский крейсер «Сусекс» (Sussex), 10000 тонн, перед спуском, в марте 1929 г.

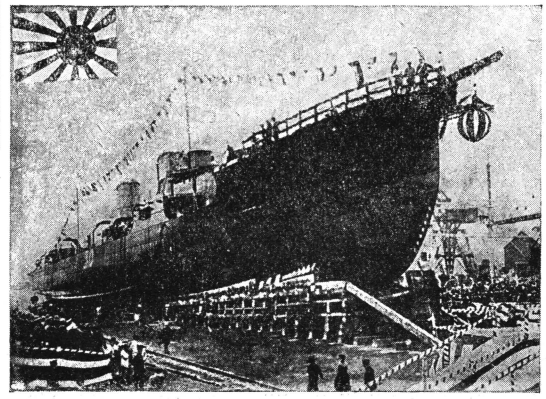
образом, определяющим фактором, арбитром побед и поражений в каждой войне. Свобода морей в американском толковании сводится к предоставлению Америке права распоряжаться судьбами всего мира, даже не прибегая к дорогостоящему оружию войны.

Конечно, этому требованию, хотя оно и не будет официально фигурировать на конференции, Англия противопоставит самое отчаянное сопротивление, и в сопротивлении этом будет искать себе союзников среди других держав, участвующих в конференции. И, с первого взгляда, Англии должна была бы удасться попытка создать общий блок против Америки: ведь, этот принцип свободы морей отдает каждое из государств во власть американского принудительного арбитража. Но, в том-то и дело, что Англия на этой конференции находится в особо трудном и противоречивом положении и даже думать не может о том, чтобы возглавить антиамериканский блок.

Помирившись с американской гегемонией в мировом масштабе, английский империализм тем более должен озаботиться о своем положении хотя бы в Европе. Икс (Англия) относится к игреку (Америке) так, как зет—(остальные державы) относится к иксу (Англии)—вот та формула взаимоотношений капиталистических держав, с которой еще мог бы примириться английский империализм. Для осуществления этой формулы необходимо, чтоб Англия была настолько же сильнее Франции, насколько она слабее Америки. При нынешнем положении морских вооружений эта формула до известной степени соблюдена. Но беда английского империализма в том, что прошлая война создала новое оружие военно-морской мощи: подводные лодки.

Как ни могуч был английский надводный флот, но Англия едва не проиграла войну, и наверно проиграла бы, если б не американское вмешательство из-за деятельности германских подводных лодок.

Во время наполеоновских войн в Англии в ходу была поговорка: Антверпен (бельгийский порт) во французских руках—это пистолет, приставленный ко лбу Англии (имелась в виду возможность десанта). Но подводный флот любой европейской державы равносилен мертвой петле, набрасываемой на шею английского империализма.



Торжество при спуске японского истребителя «Нагатсоки» (Nagutsoki), 1445 тонн, скорость хода—60 километров.

В случае войны французский подводный флот может окружить плотным кольцом английские острова, которые лишь два месяца в году могут существовать без привоза продовольствия, петля сожмет и задушит. Поэтому основное требование, которое Англия выставит на конференции, и будет сводиться к ограничению сооружения подводных лодок. В надежде провести это требование и рассчитывая в этом отношении на помощь Америки, Англия и согласилась на созыв этой конференции.

Но, ведь, требование это направлено, главным образом, против Франции! В итоге и выходит, что, надеясь осуществить англо-американское давление на Францию и остальные державы по вопросу о подводном флоте, Англия не может одновременно возглавить европейский блок против Америки в вопросе свободы морей. Конечно, будет сделана попытка такого рода двойной игры, но вряд ли приведет она к реальным результатам.

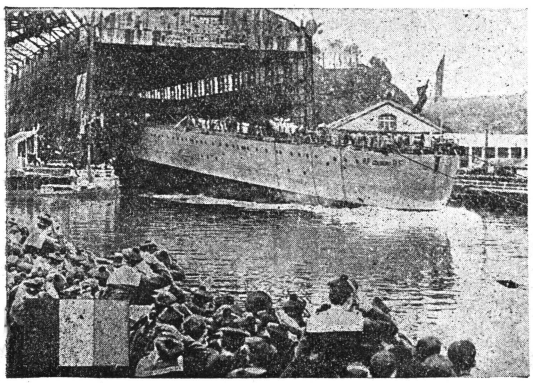
Несколько легче положение Франции.

Франция может выдвинуть на конференции отчетливую и ясную программу своих пожеланий. В чем нуждается Франция в области морских вооружений? В очень немногом, заявляет французская пресса: «В обеспечении французской гегемонии на Средиземном море, в обеспечении безопасности путей, связывающих Францию с Африкой, в со-

хранении нынешнего состава ее подводного флота»—этого «оружия бедняков», как иронически называют подводный флот в европейской прессе. Нужно отметить, что этим оружием Франция уже сейчас вооружена до зубов.

За последние восемь лет Францией построено, строится и утверждено к постройке 64 подводных судна с общим тоннажем в 71 тыс. тонн; соответственные цифры для Англии—28 и 45 тыс., для САСШ—12 и 20 тыс., для Италии—30 и 30 тыс., для Японии—32 и 48 тыс.

Франция и не думает оспаривать английского и американского первенства на воде, но намерена поддержать и сохранить свое преимущество под водой. Лишь недавно закончен постройкой новый подводный французский крейсер «Сюркуф», водоизмещением в 4 тыс. тонн, в то время как ни одна держава не располагает подводными лодками более чем в 2 тыс. тонн. Откажется ли Франция от «Сюркуфа» и будущих «Сюркуфов»? А «Сюркуф» хоть и оружие бедняка, но страшное оружие. Правда, Франция упорно прибедняется. На-днях только заявил один видный французский адмирал, что напрасно, мол, так много внимания уделяют подводным лодкам: «После опыта 1914—1918 гг. можно утверждать, что та держава, которая господствует над водой, может легко осуществить и поддержать, не обращая внимания на вражеские подводные лодки, свой контроль



Спуск французского крейсера «Кольберт» (Colbert), 10 000 тонн, в Бресте, в августе 1929 года

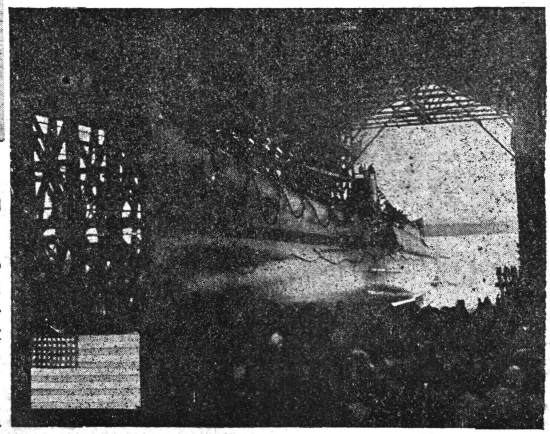
над морскими путями сообщения. Из этого не следует—спешит добавить осторожный адмирал,—что нам следует отказаться от нашего подводного флота, что были бы так счастливы увидеть наши друзья» («Le Temps» 4/XII).

Вот именно, были бы счастливы «увидеть», но этого счастья не намерена Франция подарить Англии и Америке, и выставляет поэтому на конференции тезис о том, что подводный флот не подлежит никаким ограничениям или сокращениям,—помилуйте, оружие бедняка!

Однако, этот тезис категорически будут оспаривать САСШ и Англия. И Франции нужна будет поддержка. Кто поддержит ее? Италия—напрашивается ответ. Ведь, Италия в таком же, приблизительно, положении, как и Франция.

Однако, не так все просто. Оказывается, Италия не слишком заинтересована в подводном флоте. Но в надводном флоте заинтересована весьма, по той простой причине, что, согласно ее строительной программе, она будет располагать в недалеком будущем надводным флотом в 51 боевую единицу, с общим тоннажем в 160 тыс. тонн, причем соответственные цифры для Франции составляют 59 и 180 тысяч. Очевидно, что при таком соотношении сил ни о какой гегемонии Франции на Средиземном море не может быть и речи. А вот в области подводного флота, тут Италия безнадежно отстает от Франции,—64 подводных судна с тоннажем в 71 тыс. у Франции, и 30 с тоннажем в 30 тыс. у Италии. Догнать Францию не так легко. Поэтому и заявляет итальянская пресса с откровенностью, поистине умилительной и радостной: «Мы предпочитаем в качестве арены борьбы Средиземное море, в котором не будет ни одной подводной лодки, ни французской, ни итальянской». Другими словами, Италия предпочитает воевать с Францией без подводных лодок, так как в этом отношении она Францию все равно не догонит. Спасибо за откровенность,—может сказать Франция.

Но вот Японию за откровенность никак не поблагодарить. У Японии особая и очень тонкая игра. На Вашингтонской конференции 1921 г. Япония согласилась, чтобы процентное отношение японского надводного флота к английскому и американскому составляло 60%. Ныне Япония ходатайствует



Большая американская подводная лодка «V 4» покидает стапель, где она «родилась»

почтительно о надбавочке в 10%, претендуя на 70%. В отношении подводного флота Япония будет располагать в ближайшее время 32 судами с тоннажем в 48 тыс., настаивая на нынешнем положении, протестуя против сокращений. Но, вместе с тем, Япония официально заявляет, что она стоит не только за ограничение, но и за фактическое сокращение морских вооружений. На Лондонской конференции, очевидно, Япония будет осуществлять легкую и приятную для нее задачу: быть посредником между всеми остальными державами, прилично на этом заработав.

★

Конференция по ограничению вооружений является тем шилом активной подготовки к войне, которое никак не утаишь в мешке лицемерия. И не для того, чтобы спрятать это шило устраивается Лондонская конференция. Лишь потому устраивается эта конференция, что каждая держава, в ней участвующая, уверена в неизбежности войны в течение ближайшего исторического периода. Ведь, программа-минимум каждой державы— это именно программа на случай войны. Ведь, исходя из неизбежности войны, стремится Америка к фиксированию принципа «свободы морей», Англия—к запрещению подводной войны, Франция—к сохранению своего преобладающего подводного флота, Италия—к равенству сил в Средиземном море, Япония—к своим 70%. Каждая держава будет стремиться на этой конференции к созданию наилучших для себя условий и обстановки будущей войны, будет стремиться в этих целях обмануть и шантажировать остальные державы.

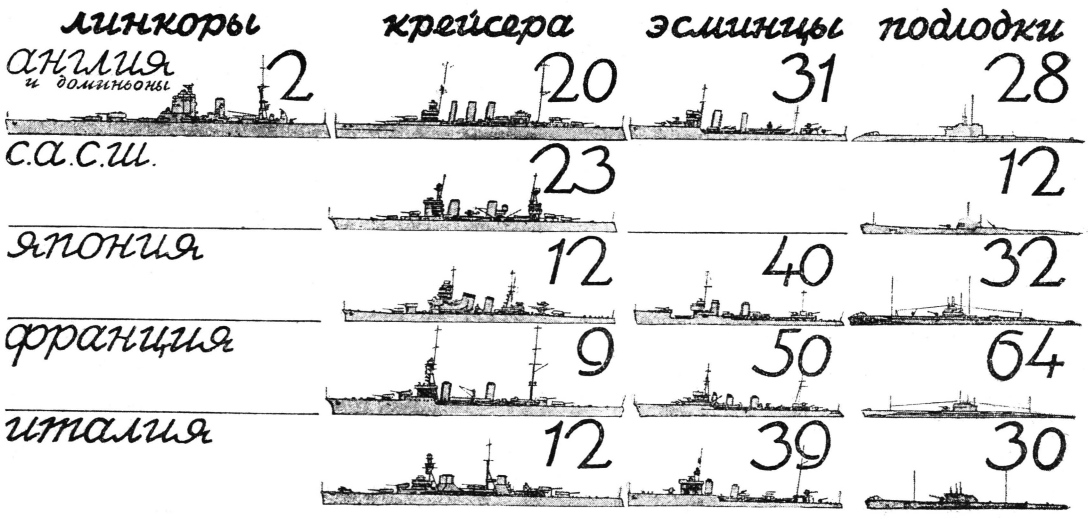
★

Нарядная и довольная толпа лондонских обывателей бурей аплодисментов, вихрем приветственных возгласов встретит торжественное открытие Лондонской морской конференции пяти держав.

Но как ничтожна эта буря, как незначителен этот вихрь по сравнению с той грозой ярости и возмущения, которая поднимется среди миллионов порабощенных в определенный исторический момент; в тот момент, когда пышно взойдут семена войны, усердно посеянные на этой конференции. Эта угроза будет грознее всех подводных и надводных флотов мира, она прозвучит первым всплеском последней борьбы двух миров—угнетенных и угнетателей.

Но если так, то зачем же вызывают и приближают угнетатели эту угрозу своими конференциями? Они не могут иначе, как не могут два паука в банке не поедать друг друга. Они осуждены развитием противоречий капиталистического мира; они обречены неумолимым ходом истории.

М. ЛЕВИДОВ



Вот что построили, строят и утвердили к постройке 5 великих морских держав за 8 лет разговоров о разоружении после Вашингтонской конференции

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Научно-фантастический и политический роман Э. ЗЕЛИКОВИЧА

Бешено развивающаяся техника и достигшая невиданного расцвета научная мысль позволяют нам уже сегодня нарисовать яркую картину будущей жизни коммунистического общества, за которое с упорством борется наша страна. Э. Зеликович в своем романе развертывает увлекательные страницы, используя метод известного Герберта Уэльса.

I

Официальное сообщение мистера Бэркленда

Внезапное исчезновение 7 сего апреля при крайне загадочных обстоятельствах крупного ученого, профессора математики Джемса Брукса, вызвало массу различных толков и рассуждений вплоть до самых диких и нелепых басен. Многие предполагали, что ученый явился жертвой взрыва в своей загородной лаборатории при опасных химических экспериментах, но не могли объяснить ряда весьма странных и совершенно непонятных обстоятельств, сопровождавших этот взрыв.

Будучи председателем комиссии, расследовавшей происшествие, я попытаюсь представить краткий отчет тех конкретных данных, которые удалось собрать.

Из опроса экономки профессора, пожилой мисс Кайт, выяснилось, что мистер Брукс был крайне замкнутым человеком. После смерти жены он совершенно уединился, занимаясь своим единственным сыном лишь постольку, поскольку это было необходимо в целях его воспитания. Профессор был всецело поглощен какой-то научной проблемой, которой он отдавал все свободное от университетских занятий время. Мисс Кайт заставала его обычно сидящим за письменным столом, или же часами прогуливающимся в глубокой задумчивости из угла в угол кабинета.

Год тому назад профессор оборудовал в подвале лабораторию, в которой проводил бóльшую часть времени и куда никого не впускал.

Проникнуть в лабораторию нам не удалось: тотчас же после катастрофы нотариусом мистером Нортоном было передано комиссии запечатанное, официально оформленное письмо профессора, доставленное им нотариусу за день до своего исчезновения. На конверте была следующая надпись: «Вскрыть только после моей смерти или несчастного случая». Опубликовываем текст этого краткого, но не менее загадочного, чем все происшествие, документа:

«Вторник, 6 апреля.

Я произвожу ряд научных опытов, которые, в случае неудачи, могут окончиться катастрофой. Возможно, что я предприму вскоре продолжительную экскурсию, никого о том не предупредив и не взяв с собой никаких вещей. Прошу оставить мою квартиру до моего возвращения в полной неприкосновенности и ни в коем случае не пытаться проникнуть в находящуюся там лабораторию. Если в течение шести месяцев я не вернусь, разрешаю представителям власти вскрыть как лабораторию, так и мой письменный

стол, в котором хранятся научные материалы, объясняющие все происшедшее.

Джемс Брукс».

Воля профессора не была, конечно, нарушена. Более того—были приняты меры по охране всех его помещений.

Далее, мисс Кайт сообщила, что однажды поздно вечером, месяца за четыре до катастрофы, к профессору явился неизвестный ей мрачный, робкий и очень худой человек болезненного вида. Сильно поношенный костюм, рваные ботинки и отсутствие пальто придавали ему внешность нищего. До поздней ночи профессор беседовал с ним, и при подаче в кабинет ужина мисс Кайт показалось, что молодой человек плакал. После этого вечера он ежедневно посещал профессора, нередко оставаясь с ним до утра. О чем они говорили и что делали, ей было совершенно неизвестно, но она постоянно слышала доносившийся из подвала стук молотка и резкие взрывы, от которых дрожали стекла. Иногда к профессору приходили механики, которым он давал заказы, долго что-то объясняя.

Через месяц профессор и мистер Вилли Брайт, так звали молодого человека, начали ежедневно куда-то отправляться, откуда возвращались лишь поздно ночью, а подчас—только к утру. Они ездили, по их словам, в свою новую лабораторию, находящуюся за городом. В первый день пасхи они отдыхали, в остальные же два дня разъезжали по городу и делали ка-

кие-то закупки. Уходя во вторник 6 апреля из дому, они захватили с собой два узла и, прощаясь, сказали, что предпринимают научную экскурсию, которая продлится несколько недель. На следующий день мисс Кайт прочла в газете о случившемся с ними несчастьи.

Вот и все, что мы узнали из ее прерывавшегося слезами рассказа.

Затем мы опросили университетских коллег, а также и некоторых студентов, профессора. Все они дали прекрасный отзыв об этом маститом ученом, сообщив, что областью его специального исследования являлась теория пространства, движения материи и их механическая связь. Но наряду с высказываемыми профессором мыслями, поражавшими своей глубиной, ученый договаривался часто до совершенно нелепых абсурдов, превратившихся с течением лет в фиксидеи. Некоторые из окружающих подвергли даже сомнению нормальность его психического состояния, равновесие которого могло быть нарушено чрезмерной работой и сильным переутомлением. Последние месяцы профессор совершенно ушел в себя и ни с кем ни о чем уже более не говорил, проводя в университете минимально необходимое время. Он стал задумчивее, и глаза его по временам странно и лихорадочно блестели на осунувшемся от бессонных ночей лице. Профессор перестал замечать, что вокруг него творится, и часто отвечал невпопад. Коллеги, уже не на шутку обеспокоенные состоянием его здоровья, настоятельно рекомендовали ему взять отпуск и полечиться, но мистер Брукс, желая отделаться от непрошенных советов, только мычал что-то неопределенное под нос. Окружающие смутно предчувствовали надвигавшуюся катастрофу, которая и не замедлила разразиться. Удивлены они ею особенно не были, считая, что поведение профессора не может не окончиться трагически. И действительно, несчастный пал вскоре жертвой своих фантастических идей и пагубных экспериментов.

Покинув университет, мы—комиссия в составе пяти человек—выехали на место происшествия, находившееся в нескольких километрах от города. Установлено было следующее: месяца за три до катастрофы профессор снял у одного из селян в аренду коттедж, одиноко стоявший на опушке леса, вдали от селения. Ежедневно мистер Брукс приезжал сюда с каким-то молчаливым незнакомцем весьма мрачной и угрюмой наружности, так что селяне даже побаивались его. Любопытные не раз подкрадывались к коттеджу, желая узнать, что там происходит, но постоянно наглухо закрытые ставни не давали возможности ничего видеть. И все же, как-то ночью, одному молодому парню посчастливилось стать свидетелем необыкновенного зрелища: через открытое окно вырвался широкий сноп искрящихся лучей, которые, подобно змеям, извивались по направлению вверх и на уровне крыши прекращались. Крестьянин испугался и бросился бежать, но раздавшиеся выстрелы заставили его быстро оглянуться, и он увидел, что из луча вылетают какие-то темные предметы, бесследно исчезающие в пространстве. Каждое исчезновение сопровожда-

лось выстрелом, причем, как утверждает парень, от предметов не оставалось не только никаких осколков, но даже и ни малейшего дыма: они лопались, как мыльные пузыри. В это время был виден стоявший у окна джентльмен в черных очках, дьявольски усмехавшийся, управлявший искрящимися световыми змеями. Но самым замечательным было то, что под влиянием выбрасываемых этим джентльменом отдельных снопов ярких искр все исчезнувшее появлялось, неизвестно откуда, обратно. Искры шипели, а джентльмен, со взрывом создавая предметы, вылавливал их из пространства руками.

Привожу этот бред, как образец нелепых выдумок, укоренившихся в окрестных селениях и положивших начало суеверным легендам. Сама же катастрофа описывается следующим образом: в роковой момент—это было около четырех часов утра—шестеро селян, работая на поле невдалеке от коттеджа, были испуганы внезапно раздавшимся оттуда оглушительным взрывом. Они тотчас же побежали по направлению к месту происшествия, но ничего не смогли обнаружить: коттедж стоял на месте, причем ставни и двери были, как обычно, закрыты. Селяне пробовали звать и кричать, но никто не отвечал, вследствие чего они заключили, что несчастные убиты наповал. Тогда решено было вызвать полицию, за которой один из селян немедленно и отправился; остальные же остались дежурить у коттеджа, откуда доносилось легкое жужжание и свист. Вскоре это прекратилось, и ни звука уже не было более слышно. Прибывшие агенты полиции осторожно вошли в коттедж, но, к великому изумлению, не нашли ни профессора с его сотоварищем, ни их трупов: в помещении никого не оказалось. Все предметы были в целости и находились в полном порядке, причем даже казалось, что коттедж еще недавно был кем-то тщательно убран. На одном из столов лежали аккуратно сложенные два комплекта следующих вещей: пальто, костюм, шляпа и ботинки. Все это ни в коем случае не производило впечатления только что разыгравшейся катастрофы, в которой полиция готова была усомниться, если бы шестеро свидетелей не утверждали, что определенно слышали из коттеджа взрыв.

Тщательное обследование всей прилегающей к коттеджу местности осталось совершенно безрезультатным: никаких признаков исчезнувших не было обнаружено. Все это вместе с найденными на столе одеждой и запиской и является самым загадочным во всей истории—никто не смог этого до сих пор объяснить. Сам же коттедж и его крыша были совершенно невредимы. Осмотр находящихся в этой лаборатории сложнейшего электрического оборудования и ряда машин не дал ничего нового: назначение и функции аппаратов и проводки оказались абсолютно непонятными даже для высококвалифицированных специалистов.

Заканчивая настоящий акт обследования, считаю необходимым упомянуть о двух переданных комиссии заявлениях, хотя они не имеют никакого отношения к делу. Первое прислано редакцией «Вечернего Листка», которая сообщает, что в ночь на 3 декабря прошлого года заслуженный профессор Джемс Брукс лично явился и сдал объявление—«Ищу самоубийцу». К письму был приложен соответствующий номер газеты. Второе заявление поступило из государственного университета за подписями председателя и ассистентов кафедры зоологии. Привожу текст этого письма:

«Несколько недель тому назад к нам неожиданно явился профессор Джемс Брукс с живой кошкой в руках и обратился с просьбой исследовать расположение внутренних органов животного. Зная, что мистер Брукс является профессором физики и математики, мы были крайне удивлены его экскурсией в область зоологии. После тщательного исследования оказалось, что все внутренности кошки находятся на симметрично противоположных местах. Это явление осталось до сих пор не объясненным.

Изумленные, мы закидали профессора вопросами, но он лишь загадочно

улыбнулся, поблагодарил за любезность и молча вышел.

Кошка живет до сих пор в питомнике университета и по требованию комиссии может быть в любое время доставлена».

(Следуют четыре подписи)

Оба эти заявления, не имеющие никакой видимой связи ни с исчезновением мистера Брукса, ни друг с другом, еще более усложнили дело, окончательно запутав его.

Выполнив взятую на себя задачу—собрать все имеющиеся по делу профессора факты—комиссия покорно складывает оружие перед непостижимой тайной.

Председатель комиссии
Оскар Бэркленд.

II

Внезапное появление мистера Брайта

Едва я окончил составление акта, как раздался телефонный звонок. Звонил охранявший коттедж старший полисмен, сообщивший, что он задержал некую «темную личность», назвавшуюся ассистентом погибшего профессора—Вилли Брайтом. Арестованный, несмотря на охрану коттеджа, проник туда каким-то совершенно непонятным образом и является, очевидно, убийцей мистера Брукса. В данный момент он находится в сельском кафе под надзором двух полисменов. Ответив, что немедленно еду, я быстро выбежал на улицу, вскочил в первый попавшийся автомобиль и не более как через три четверти часа подъезжал уже к месту происшествия.

Сопоставляя содержание оставленных профессором письма и записки с фактом появления Вилли Брайта, я сразу же решил, что профессор жив, а если и нет, то мистер Брайт во всяком случае не может быть виновником его смерти. Встретившие меня около кафе селяне заявили, что арестованный и есть тот самый джентльмен, который занимался колдовством и уничтожил профессора. Не обратив внимания на их слова, я быстро подошел к мистеру Брайту, который с большим аппетитом кончал ужинать. Представившись ему, я немедленно погнал ошеломленных полисменов обратно к коттеджу и, тотчас же забрав мистера Брайта к себе в автомобиль, поехал с ним в город. Горя нетерпением, я спросил, где профессор, жив ли он и что это все значит. Мистер Брайт ответил, что профессор жив и здоров и что все обстоит благополучно; предпринятая же ими—профессором и Брайтом—экспедиция увенчалась полным успехом, причем они пережили много интересного и добыли богатый научный материал. В настоящий момент он—Вилли Брайт—по поручению профессора временно вернулся для составления отчета экспедиции, каковой в виду его чрезвычайной важности будет вскоре опубликован. В доказательство своих слов мистер Брайт представил мне написанную профессором доверенность, в которой я сразу же узнал почерк мистера Брукса. Таким образом, никаких сомнений более не оставалось. На мои многочисленные вопросы, где находится профессор, и просьбы—пролить свет на таинственный способ исчезновения, мистер Брайт, загадочно улыбаясь, неизменно отвечал одно и то же:

— Все это слишком сложно и совершенно невозможно сразу объяснить. Через две недели отчет будет готов, а до этого срока вам придется потерпеть.

Когда мы прибыли на квартиру профессора, встретившая нас мисс Кайт чуть не упала в обморок и закидала Брайта вопросами, касающимися ее господина. Мистер Брайт утешил ее, сообщив, что профессор поправился и прекрасно выглядит. Мисс Кайт не усомнилась в его словах, судя по тому, что сам Брайт до неузнаваемости изменился к лучшему: загорел и стал веселым. Окончательно успокоенный этим, я распрощался и отправился домой.

Ежедневно я навещал мистера Брайта, неизменно заставая его за одним и тем же занятием—он рылся в груде листов и записок, усердно диктуя стенографисткам отчет. При этом я не мог не обратить внимания на замечательную плотность и качество голубой бумаги, на которой

были набросаны его путевые впечатления. Подобной бумаги я никогда еще не видел, и на мой вопрос, где она куплена, мистер Брайт неопределенно ответил, что она не покупается, а дается даром в «следующем» за нами мире.

В течение почти трех недель мистер Брайт никого, кроме меня, не принимал, посвящая все время составлению отчета. Когда этот последний был готов, мистер Брайт вручил вместе с копией открытого письма мистера Брукса, адресованного коллегии профессоров при государственном университете, один экземпляр отчета. При этом мистер Брайт сообщил, что отчет начинается согласно выраженному профессором желанию с предпосылок, приведших его—Брайта—благодаря весьма странной и счастливой случайности к знакомству с профессором. Без этого, по его словам, отчет был бы неполным и некоторые моменты происшествия, а также поведения и взаимоотношений его и профессора оставались бы неясными.

Я тотчас же поспешил домой и приступил к чтению. Отчет настолько увлек меня, что я, не раздеваясь, читал его всю ночь напролет и не заметил, как наступил яркий день; вошедший в кабинет в 11 часов утра сын застал меня кончающим чтение при свете электрической лампы.

Нижеприводимый текст отчета является точной перепечаткой оригинала без каких бы то ни было изменений и пропусков, за чем я строго следил.

Оскар Бэркленд.

ОТЧЕТ ВИЛЛИ БРАЙТА ОБ ЭКСПЕДИЦИИ В «СЛЕДУЮЩИЙ МИР»

1. Эпидемия

Окончив высший инженерный институт, я сразу же попал на службу в крупное объединение электрических заводов.

После работы я возвращался обычно домой, обедал и, ложась на диван, просматривал газеты и технические журналы. Узнав все новости, я приступал к чтению своей излюбленной литературы—романов Уэльса, которые, после шума завода, переносили меня в мир фантазии. И не раз, предаваясь мечтам, я ставил вопросы: «А не возможно ли это на самом деле? Быть может, где-либо в глуши, никем неведомый, работает ученый-фанатик над какой-нибудь проблемой вроде полета на луну!.. Как бы я поступил, если бы мне предложили участвовать в такого рода чудовищно-фантастической экспедиции?» Не решив эти вопросы, я отправлялся на концерт или в клуб играть в шахматы.

Так проходили месяцы. Это монотонное времяпрепровождение наскучило мне, и я начал подумывать, как бы его изменить. Случай вскоре представился: я познакомился с семейством популярного в нашем районе врача и был приглашен в ближайшее воскресение на чай. Итак, через четыре дня я сидел с печеньем в руках за чайным столом и разглагольствовал по поводу разрабатываемого мною проекта электрификации торфяных болот.

Мои посещения семейства врача становились с течением времени все чаще и чаще, пока, наконец, я не стал необходимым членом семьи. Но и сам я, не зная, чем заполнить время, не мог более обходиться без этого гостеприимного дома. В особенности я скучал в отсутствие старшей дочери врача Мод—двадцатилетней девушки, с которой очень сдружился...

Мод интересовалась моей работой и постоянно была в курсе моих дел. Я увлек также и ее в мир моих любимых романов, и все это сблизило нас. Вскоре я сделал предложение, и Мод стала моей женой. Через год наше семейство обогатилось дочкой, превратившей нас в счастливых родителей.

Мы прожили спокойно и счастливо еще один год, пока не разразилась ужасная эпидемия. Все помнят, вероятно, то кошмарное время, когда вымирали целые семьи, опустошались кварталы, когда больницы были полны умирающими, а дома — мертвецами. Сначала заболела Мод, потом—маленькая Лили, а затем последовал и я. Что было дальше, я не помню: впав в бессознательное состояние, я очнулся через несколько недель на больничной койке и был настолько

изнурен и слаб, что едва мог говорить. Вскоре мне сообщили, что через три дня после помещения всех нас в больницу Мод и Лили одновременно скончались. Я провел бессонную ночь и на следующее утро увидел в зеркале желтое, исхудалое лицо, поредевшие волосы и седины на висках.

Через неделю меня уже выписали. Завод продолжал работать, но значительно сократил масштаб своей деятельности. Мое место во время болезни было занято другим, и, таким образом, я остался без работы. Предстояло еще одно потрясение: из семейства родителей Мод выжил один только младший сын—студент.

Надо было жить. Сгорбленный, с трудом передвигая ноги, я заставил себя искать работу. Сначала я пытался устроиться в качестве инженера, но,—увы!—напрасно я обивал пороги заводов и технических контор: эпидемия еще более увеличила безработицу, и, кроме того, жалкая фигура, которую я тогда представлял собою, не говорила в мою пользу. Тогда я решил взяться за любую работу и бесконечно ходил, искал и предлагал свои услуги, но неизменно получал один и тот же ответ. Вторую половину дня я проводил на диване среди густых клубов табачного дыма, предаваясь своим тяжелым мыслям, становившимся со дня на день все острее и мучительнее. Временами меня терзал неистовый кашель—следствие болезни и папирос, которые я, не переставая, курил круглые сутки. Остатки моих сбережений быстро таяли. Вскоре пришлось отказаться от квартиры, переменив ее на тесную полутемную конуру. Эта перемена явилась отчасти желанной: каждый угол опустевших комнат ежеминутно напоминал о тяжелой утрате и с болью отзывался на издерганных нервах. Начиная терять надежду на получение работы, я вынужден был приступить к продаже ненужных предметов. Когда же иссяк и этот источник дохода, пришлось заложить мало-по-малу и большинство необходимых вещей. Наконец, я лишился своего пальто и вскоре окончательно обнищал. И так—без просвета и надежд—протекали недели.

2. Странное объявление

Расшатанный болезнью и потрясенный горем организм нуждался в спокойствии и хорошем питании, о чем не могло быть и речи. Я начинал, наоборот, голодать и, вместо поправки, еще более ослабел. Напоминания хозяйки об уплате за комнату, делавшиеся сначала в вежливой форме, становились настойчивее. И вот, находясь однажды в состоянии крайнего отчаяния, я подумал внезапно о самоубийстве: жизнь потеряла для меня всякое значение, а то жалкое существование, которое я влачил, являлось лишь мукой. Я стал ко всему безразличен и окончательно впал в апатию. Но все же я пытался получить какую-либо работу. Не имея возможности покупать газеты, я заходил по вечерам в ближайшую пивную, где, взяв кружку дешевого пива, мог бесплатно просматривать объявления с предложением труда.

3 декабря я сидел, по обыкновению, в пивной за газетой. Я точно запомнил эту незабвенную дату, когда мне сразу же бросилась в глаза строка, напечатанная жирным шрифтом:

Ищу самоубийцу

Под объявлением был указан точный адрес и часы явки.

Голова как-то вдруг опустела, и, тупо вперив свой взгляд в эту странную строчку, я продолжал машинально читать ее... Затем лихорадочно закружились десятки мыслей: «Что это значит? Кто ищет? Зачем е м у понадобился самоубийца? Ч т о о н может взамен предложить—ведь, самоубийце после смерти в с е р а в н о, и никакие блага уже не в состоянии соблазнить его!..»

Недоумение сменилось вскоре острым чувством возмущения и горечи: я решил, что автор этого объявления—не кто иной, как врач, ищущий живое, сознательное тело для медицинских экспериментов, быть может, вивисекции... Стало обидно за человеческое достоинство, за ту степень физического и морального обнищания личности, которая мо-

жет принудить принять это жуткое предложение. Я с омерзением швырнул газету и резко встал. Но объявление не исчезало из поля зрения, и, осененный новой мыслью, я снова задумался—меня охватило любопытство: пойду и узнаю—ведь, это ни к чему меня не обязывает... Быть может, это совсем не то, что я думаю, быть может, это нечто, чего я не в состоянии представить себе... Если же мое первое предположение окажется правильным, то я выскажу, по крайней мере, свое мнение и отхлестаю толстокожего и сытого джентльмена. Я бросил взгляд на стенные часы—было половина девятого, а автор объявления принимал до девяти. Я быстро нацарапал адрес и выбежал на улицу. Итти было некогда—я решил поехать, не пожалев на этот раз грошей на трамвай.

Через полчаса я стоял перед входной дверью, не решаясь нажать кнопку звонка,—меня смутила и сбила с толку красовавшаяся перед глазами эмалевая дощечка:

JAMES BROOKS
Professor of mathematics

Я читал эту вывеску и смотрел поочередно на свою записку и номер квартиры. Адрес, без сомнения, был тот же, но я мог неправильно записать его... Бежать обратно в пивную?—Поздно. И вдруг все это представилось моему переутомленному мозгу сном. Никакого объявления не было: я просто выпил натощак пива—профессору математики не нужны самоубийцы. От еще недавно кипевшего возмущения не осталось и следа... Возбуждение улеглось, и я лишь робко стоял перед дверью, не будучи в состоянии ни позвонить, ни уйти. Но внезапно, как-будто под влиянием какой-то посторонней силы, я самым неожиданным для себя образом подался вперед и энергично нажал кнопку...

Раздался резкий звонок, заставивший меня вздрогнуть и отступить, но было уже поздно: дверь тотчас же открылась, и женщина в чепце ввела меня в переднюю. Ничего не спросив, она постучала в дверь ближайшей комнаты и произнесла:

— Господин профессор, к вам пришли.

Дверь скрипнула, и на пороге показался высокий, бритый и очень стройный мужчина лет пятидесяти. Его темные с сильной проседью волосы были гладко зачесаны назад. Думая о профессоре Джемсе Бруксе, я всегда вижу его в том образе, каким он представился мне в первую минуту нашего знакомства.

— Войдите,—медленно произнес он, не протягивая руки.

Мы вошли в большую, комфортабельно обставленную комнату, повидимому, кабинет.

— Сядьте,—сказал он, указывая на кресло.

Не будучи в состоянии возразить или что-нибудь ответить, я, молча, повиновался. Профессор сел напротив меня, откинулся на спинку кресла и, глядя через мою голову куда-то вдаль, спросил все тем же ровным голосом:

— Вы пришли, конечно, по объявлению?

Итак, адресом я не ошибся. Мои нервы были напряжены до последней степени, но, следуя той же безотчетной силе, которая толкнула меня на кнопку звонка, я утвердительно кивнул головой.

— Хорошо,—мерно продолжал профессор.—Можете не говорить: я понимаю, что вам тяжело. Я буду говорить за вас. Но, простите за нескромный вопрос, быть может, вы голодны?

По отразившемуся у меня на лице судорожному волнению профессор сразу понял, что его вопрос был, по крайней мере, преждевременным: на моих глазах заблестели слезы, и я поднял голову и сжал зубы, чтобы сдержать рыдания... Профессор отвернулся, встал и ушел в другой конец комнаты. Послышался шелест перелистываемой книги: он также был, повидимому, смущен... Но через минуту профессор вернулся, вплотную подошел ко мне и громче и быстрее прежнего произнес:

— Еще раз прошу извинить меня—уже post factum—за поставленный вопрос, но он был вполне естественен в моем положении. Ваша внешность и лицо го-

ворят о том, что вы знали лучшие времена, но судьба жестоко обошлась с вами. Ко мне же вы явились как человек, решивший покончить с собой. Ясно, что вас толкнула на этот шаг крайняя нужда. Мне не чуждо человеческое горе—во время эпидемии я лишился единственного сына и остался совершенно одиноким. Я—человек состоятельный, вы же—отощавший от голода. Почему вы не можете поужинать со мной? Простите, но это просто глупо! Закусим, вы успокоитесь, и тогда мы переговорим о деле. Я все объясню вам. Понятно?

Вопросительно глядя на меня, профессор медленно потянулся к звонку.

Всему есть предел. Что это, издевательство? Ему нужна моя жизнь, мое самоубийство, но не все ли равно—в голодном или сытом состоянии?.. К чему мне в этот жуткий момент его гостеприимство и добродетель? Нет ничего нелепее браунинга после ужина. Нервы не выдержали, и в первый раз за долгие годы я разрыдался.

— Как низко... как недостойно...—бормотал я, всхлипывая,—воспользовавшись бедственным положением человека, купить за гроши... за ужин его... дешевую жизнь...

— Перестаньте!—резко прервал меня профессор.—Повторяю—я все объясню, и все станет ясно, как день. Вы услышите замечательнейшие вещи, о которых вы не посмели бы никогда и мечтать. Мне не нужна ваша смерть. Вы будете жить, а если и погибнете, то погибну с вами и я. Но ни с этической, ни с деловой точки зрения нельзя говорить с голодным человеком!—прибавил он и решительно позвонил.

Я встал и подошел к окну, чтобы вошедшая экономка не увидела мое заплаканное лицо.

3. Вопрос об устройстве мира

— Вас удивило,—начал профессор после ужина,—мое объявление, и вы не знали, что и подумать. Вы явились сюда, я убежден, с чувством негодования, смешанного с любопытством. Сообщаю, что я решил предпринять необычайную и крайне опасную экспедицию, с которой не может сравниться путешествие в африканские дебри или на Северный полюс. Мною руководит чисто научный интерес и стремление проникнуть в тайну устройства мира. Но один я не в состоянии справиться с этой задачей: мне необходим помощник и верный товарищ, преданный и всецело посвятивший себя этому делу.

Университетские коллеги и сотрудники, считая меня фантастом, если и вовсе не умалишенным, недоверчиво относятся к моим теориям. Когда же вопрос ставится в плоскости личного участия в экспедиции,—панически бегут от меня. Я пытался нанять кого-нибудь, но все явившиеся оказались ограниченными обывателями, готовыми, в лучшем случае, пуститься на авантюру. Для серьезной же экспедиции, при которой можно погибнуть или же лишиться возможности вернуться на нашу планету, они оказались совершенно непригодными. Большинство само отказывалось. Я замечаю, что ваше лицо оживилось: вам кажется, вероятно, что вы угадали—путешествие на Марс! Нет, нет, значительно сложнее, но об этом после. Вопрос усложнялся еще тем, что не всякий серьезный человек был бы приемлем: необходимо некоторое математическое и техническое образование. И вот, этой ночью мне пришла довольно странная мысль... Какая—вы уже знаете, но все же считаю нужным объяснить вам, каким образом это произошло, и тогда вам все уже будет ясно. Логически рассуждая, я задал себе вопрос: «Кто может согласиться принять участие в моем опасном эксперименте? Ясно,—ответил я себе,—что либо ученый, любящий науку более жизни, либо тот, кому здесь нечего терять, т. е. человек, который все потерял. Его жизнь вследствие этого до того обесценена, что он может с легкостью расстаться с ней. Самоубийца!»—молниеносно пронеслось у меня в голове. Несмотря на то, что была уже ночь, я немедленно поспешил в редакцию газеты, чтобы сдать объявление. Теперь вам все ясно?

Я утвердительно кивнул головой. Сытный ужин после долгой голодовки, пе-

ренесенные в течение этого вечера волнения, глубокое кресло, спокойная обстановка теплого кабинета и рассеявший все сомнения тон профессора сделали свое: меня начало клонить ко сну и охватило желание отдохнуть, погрузиться в беззаботное небытие... Сильно переутомленные нервы дали знать о себе, и это не ускользнуло от внимания профессора.

— Вы устали,—мягко сказал он.—Это вполне естественно. Боюсь, что, если я буду в том же духе продолжать, вы скоро уснете.

— О нет!—воскликнул я.—Я напрягаю все свое внимание!

— Вот именно, вы должны напрягать внимание, чего делать сейчас, однако, не следует. Все, что касается объявления, я уже объяснил вам. Остальное оставим до другого раза, причем дальнейшее зависит теперь, главным образом, от вас. Но позвольте познакомиться с вами. Как ваше имя и чем вы занимаетесь?

— Брайт, инженер-электромеханик.

— Инженер... очень хорошо... электромеханик... прекрасно. Вот это-то мне и нужно!—воскликнул профессор, просияв.—Ну, а что с вами случилось, что довело вас до этого бедственного состояния, почти до самоубийства? Если вопрос неприятен, можете не отвечать.

— Я все расскажу вам, мне нечего скрывать от вас—посвящая меня в свои планы, вы должны знать, кто я. Моя история очень коротка: я потерял в эпидемию жену и ребенка и остался совершенно одинок. Болезнь и несчастье превратили меня в инвалида, и, кроме того, я лишился работы. До сих пор искал, но не смог ничего найти. И теперь у меня нет ни средств, ни моральных сил продолжать влачить подобное существование. Простите меня, профессор, за мой прежний тон и слабость: сознание, что я нуждаюсь в вашем ужине, сознание своего полного банкротства преисполнило меня чувством обиды и горечи.

Профессор не сводил с меня глаз, но, наряду с сочувствием, его взгляд выражал и восторг.

— Прекрасно, прекрасно...—повторял он, о чем-то думая.—Лучшего мне и не надо, если только вы согласитесь! Вы познали горе, и нет уже более того, что приковывало бы вас к нашей планете... Вы свободны: несчастье уничтожило связывающие вас земные узы, и ничто уже не помешает вам уйти отсюда в другие миры... Превосходно, великолепно! — воскликнул он, вскакивая с места.—Согласны ли вы отправиться со мной, куда бы то ни было?

— Да.

— Несмотря ни на что?

— Да.

— Обращаю еще раз ваше внимание на опасность предпринимаемой мною необыкновенной экспедиции и связанные с ней, ни с чем земным не сравнимые, быть может, даже потрясающие ощущения. Вы не откажетесь, не отступите в последний момент?

— Нет!—твердо ответил я.—Самые потрясающие ощущения я уже пережил, и жизнь потеряла для меня всякое значение—мне именно нечего терять! Просвета я не вижу, а жалкое существование—только в тягость.

— Великолепно! Теперь последнее замечание: я не считаю себя вправе воспользоваться вашим несчастьем и моральной депрессией. Кроме того, я ни в коем случае не хочу, чтобы вы стали участником моей опасной и рискованной затеи лишь благодаря безысходности своего положения. Я могу устроить вас на работу. Предлагаю вам это—выбирайте.

Профессор вперил в меня нетерпеливый, испытующий взгляд, и несколько мгновений мы, молча, смотрели друг на друга. Благородство профессора превзошло все ожидания и окончательно подкупило меня в его пользу. Я быстро встал и решительно ответил:

— Нет! От второго предложения отказываюсь и, не колеблясь, пойду с вами до конца, если только смогу вам быть полезным!

— Благодарю...—отрывисто произнес он, пожимая мне руку.—Итак, дело сделано: с сегодняшнего дня вы считаетесь моим ассистентом. Поэтому я надеюсь, что теперь вы уже проще отнесетесь к вопросу денег, нежели прежде к ужину. У вас нет, вероятно, ни гроша...—С эти-

ми словами он протянул мне несколько бумажек и, улыбаясь, прибавил:—считайте эту небольшую сумму вознаграждением за ту работу, которой я вскоре нагружу вас. Я жду вас завтра к четырем часам дня. Вы свободны в это время?

— Совершенно. Буду точен.

— Прекрасно! До свидания.

Дверь захлопнулась, и я медленно спустился по лестнице. Было уже около двенадцати часов ночи. Возвращаясь домой по темным, пустынным улицам, я размышлял обо всем случившемся. Завтра я узнаю планы профессора Джемса Брукса. Признаюсь, что, несмотря на свою отрешенность от жизни, я был взволнован его экспедицией. Я долго ломал себе голову над тем, к у д а он намеревается отправиться, но далее Марса мои предположения не шли.

Всю эту ночь я проспал, как убитый.

4. Четырехмерное пространство

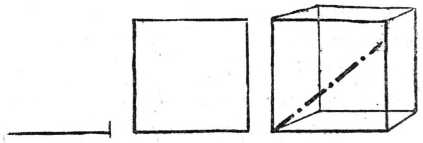
На следующий день я явился ранее назначенного срока, но профессор уже с нетерпением ждал меня. Он быстро ввел меня в кабинет, усадил, сунул в руки сигару и спросил, нет ли у меня каких-нибудь желаний и в состоянии ли я в данный момент сконцентрировать все свое внимание на сложной научной проблеме. Я улыбнулся и ответил:

— Сегодня я в первый раз за многие недели сыт. Кроме того, глубоко заинтересовавшись вашими трудами, я решил отдать свою никчемную жизнь работе, которую вы мне поручите. Буду рад помогать вам в вашей научной деятельности.

— Прекрасно!—воскликнул профессор, потирая руки.—Итак, слушайте. Но прежде чем приступить к изложению своих идей, я прочту вам небольшую популярную статейку.

С этими словами он достал какой-то журнал, перелистал несколько страниц и начал:

«Все знают, что линии имеют одно измерение—длину, плоскости—два: длину и ширину, а тела—три: длину, ширину и высоту. Поэтому пространство, в котором находятся тела всего мира, является трехмерным. Дойдя до третьего измерения, возникает вопрос о четвертом. На первый взгляд кажется невозможным представить себе еще одно—это четвертое измерение. Куда, в самом деле, поместить его? Представить себе четвертое измерение мы, действительно, не способны, но мыслить о нем все-таки можем. Будем рассуждать по аналогии и займемся исследованием двухмерного мира. Мир этот должен быть абсолютно плоским, как и его воображаемые обитатели—плоские фигуры. Их движения в нем могут происходить только в самой его плоскости, так как здесь нет третьего измерения—высоты, вследствие чего фигуры не могут ни подыматься, ни опускаться вне своей плоскости. Обитатели этого плоского мира не могут поэтому иметь ни малейшего представления о движении в вертикальном направлении и так же прикованы телом и мыслью к своему двухмерному миру, как мы—к нашему трехмерному. Сама идея третьего измерения им столь же чужда, как нам — идея четвертого. И, конечно, эти двухмерные плоские существа с таким же жаром и убеждением отрицали бы третье измерение, как наши, так называемые, «здравомыслящие» люди отрицают четвертое. Жилища, ящики и т.п.



предметы двухмерного мира предетавляют собою замкнутые со всех сторон линии, которые обитатели считают прекрасно защищенными. И действительно, с какой стороны ни подошел бы «двухмерец», он неизменно натолкнется на стену. Чтобы заключить двухмерного преступника в тюрьму, достаточно начертить вокруг него замкнутую линию. Будучи сам плоскостью и не имея возможности двигаться в вертикальном направлении, он не может ни перешагнуть через стены своей тюрьмы, ни подлезть под них: они для него непроницаемы,

как для нас замкнутый со всех сторон куб.

Предположим теперь, что этот двухмерный мир находится в нашем трехмерном. Обитатели плоского мира не имели бы ни малейшего понятия об окружающем их трехмерном пространстве и даже отрицали бы само его существование. Если бы среди них нашелся смельчак, заговоривший о третьем измерении, они объявили бы его сумасшедшим. И только, если бы кто-нибудь из нашего мира попал бы на их равнину, они узнали бы о существовании иного, непостижимого для них мира. А такой пришелец показался бы им существом сверхъестественным.

Ложась спать, двухмерец убедился, конечно, предварительно в прочности замков на случай ночного вторжения грабителя. И вдруг его изумленному взору представляется проникшая в его комнату каким-то непонятным образом чудовищная фигура, не похожая ни на что виденное им до сих пор. Конечно, наш трехмерный человек не был бы видим плоским существом в своем обычном образе, а при малейшем движении вверх совсем исчезал бы из виду, минуя столь же непонятным образом стены и запертые двери. Способ, каким неожиданный гость попал в его дом, составлял бы для двухмерца непостижимую задачу—настоящее чудо. Не подозревая, что его спальня, будучи плоской фигурой, открыта сверху, он не может понять, что человеку достаточно перешагнуть через линии стен, чтобы очутиться в его доме. Но его удивление перешло бы все границы, когда таинственный незнакомец стал бы перечислять содержимое его карманов и шкафов, сосчитал бы количество запертых в кассе денег, описал бы все внутренние органы двухмерца и даже достал бы любую вещь из «наглухо» закрытых с двухмерной точки зрения ящиков...

Двухмерец должен был бы прийти к выводу, что пришелец умеет проникать через стены и что для него недействителен закон непроницаемости материи. Более того—трехмерному гостю ничего не стоило бы, глядя поверх двухмерных стен, описать самым подробным образом, что творится в соседних, так же «наглухо» запертых домах и т. д.

Читатель, конечно, догадывается, что четырехмерное существо, попавшее в наш трехмерный мир, способно было бы проделывать все те же непостижимые вещи, что и человек в двухмерном мире. Нет ничего нелепого в допущении четвертого измерения: оно относится к нашим трем измерениям так же, как третье—к миру двух измерений».

Профессор прервал на минуту чтение, отыскал что-то глазами и продолжал:

«Ваша правая и левая рука совершенно одинаковы, а между тем они несовместимы, так что правая перчатка не может быть одета на левую руку. Вырежем из бумаги силуэты двух перчаток и положим их перед собой. Они, хотя и одинаковы, но симметрично противоположны: так, например, мизинец правой руки находится на правой стороне, а мизинец левой—на левой. При наложении друг на друга эти силуэты невозможно совместить, как бы мы ни крутили или п о в о р а ч и в а л и их. Но стоит только п е р е в е р н у т ь один из них, так сказать «на левую сторону», как обе фигуры уже будет легко привести к совмещению. Проследим, что мы тут сделали. Для того, чтобы превратить правую фигуру в левую, необходимо было временно снять ее с плоскости, поставить вертикально, т. е. перенести в мир трех измерений и снова вернуть на плоскость.

Но известно, что сколько бы мы ни поворачивали правую руку, мы никогда не сможем превратить ее в левую, ибо они—симметрично противоположные уже не плоскости, а т е л а. Для того, чтобы достигнуть цели, необходимо вывести руку за пределы трехмерного пространства, п е р е в е р н у т ь е е в ч е т в е р т о м измерении и снова перевести в наше пространство, совер-

шенно так же, как мы вынесли плоское изображение руки из двух измерений в трехмерный мир. Таким образом можно было бы превратить правую руку в левую, и наоборот. Не покидая же наш мир, мы так же не можем совместить симметричные т е л а, как двухмерец не в состоянии совмещать простым п о в о р а ч и в а н и е м плоские, симметричные фигуры. Отсюда замечательный вывод: если бы человек был способен хотя бы на мгновение покинуть наш трехмерный мир, он мог бы вернуться к нам в виде, симметричном самому себе: его правая рука сделалась бы левой, сердце и желудок переместились бы на правую сторону, а печень—на левую. Словом, каждая частица его тела была бы перемещена, и все это произошло бы чисто г е о м е т р и ч е с к и, без малейшего расстройства организма».

Профессор захлопнул журнал и отнес его на место. Я все время молчал, внимательно слушая. Популярное изложение теории измерений не представляло ничего нового, но что меня глубоко заинтересовало—это связь между четвертым измерением и намерениями профессора. Я уже начал смутно догадываться, в чем дело, но замысел был настолько необыкновенен и грандиозен, что я и мыслить о нем не смел...

Профессор прошелся из угла в угол, остановился на середине комнаты и сказал:

— Надеюсь, что вам все ясно. Теперь я перейду к изложению специальной части. Многие считают четвертым измерением время, но это неверно. Время не есть измерение протяженности, и оно присуще как нашему, так и двухмерному миру. Оно находится вне всяких пространственных измерений, в то время как четвертое измерение должно быть пространственного типа. Поясню это сейчас геометрически. Что представляет собою плоскость?—Ряд расположенных рядом линий. Из чего состоит тело?—Из ряда наложенных друг на друга плоскостей. Так, например, сотни вместе взятых листов бумаги образуют тело—параллелипипед и т. д., причем необходимо расположить листы н е р я д о м в той же плоскости, а о д и н н а д р у г о м, т. е. по линии третьего измерения, чего двухмерец сделать не мог бы. Из чего же состоит четырехмерное тело? Ясно — из ряда наших трехмерных тел, напр., кубов, наложенных друг на друга, но уже не вверх или рядом, а по линии ч е т в е р т о г о измерения. Направление этой линии непостижимо для нашего трехмерного мозга, но все же я попытаюсь сделать отсюда некоторые выводы. Представьте себе снова двухмерный мир, т. е. бесконечно большую плоскость, простирающуюся по всем направлениям. Ученейший двухмерец должен быть глубоко убежден, что эта плоскость, в виду ее бесконечности, занимает весь мир. И действительно, куда бы он ни пошел, всюду будет та же плоскость. Если его спросить—возможен ли другой мир, подобный этой плоскости, он ответит, конечно,—нет, ибо эта плоскость заняла уже все б е с к о н е ч н о е место кругом. Двухмерец не может понять, что на малом расстоянии н а д первой плоскостью можно поместить в т о р у ю, такую же бесконечно большую, над второй—третью, и так бесконечное их количество. Заметим это и перейдем к аналогии. Наше пространство занимает весь мир, который мы и представляем себе в виде пространства. Вне пространства ничто не мыслимо. Пространство едино, монолитно и вездесуще. Но на каком угодно малом расстоянии по линии ч е т в е р т о г о измерения от этого нашего бесконечного пространства может находиться в т о р о е такое же бесконечное пространство, за ним—третье, и так до бесконечности. Комплекс всех этих вместе взятых пространств представляет собой пространство четырехмерное — ч е т ы р е х м е р н ы й м и р. Таким образом, наш, казалось бы, безграничный и всеобъемлющий мир является о д н о й лишь единицей. На этом пока остановимся,—закончил профессор.—Пора закусить—необходимо беречь силы для предстоящей большой работы: сегодня я поздно задержу вас.

С этими словами он позвонил и попросил подать что-нибудь.

5. Фантастический проект

Как только посуда была убрана, профессор продолжал:

— Оставим теперь в стороне теорию: вы уже знаете, в чем дело. Скажу вам коротко и ясно: я решил пробраться в ближайший к нам мир. Вопрос только— как. Мой мозг давно уже сверлит мысль, что этот мир находится на бесконечно малом от нас расстоянии, и все же попасть туда сложнее, нежели на отдаленнейшую звезду, ибо, как бы далека она от нас ни была, она все же находится в н а ш е м пространстве. Пользуюсь намеренно словами «пробраться» и «попасть», так как «полетом» это назвать нельзя. Лететь здесь некуда: достаточно преодолеть лишь границу, разделяющую миры, для чего необходимо только вырваться из нашего пространства... Но это так же трудно, как двухмерцу оторваться от своей плоскости. Какой пример двухмерного мира известен вам в нашей практической жизни?

— Кинематограф.

— Совершенно верно—вот тут-то и весь секрет! Так же, как проектируемая световая картина более чем прикована к экрану, связаны нераздельно и мы с нашим пространством. Скажите, каким образом возможно было бы сместить по линии третьего измерения изображения с экрана?

Я подумал и ответил:

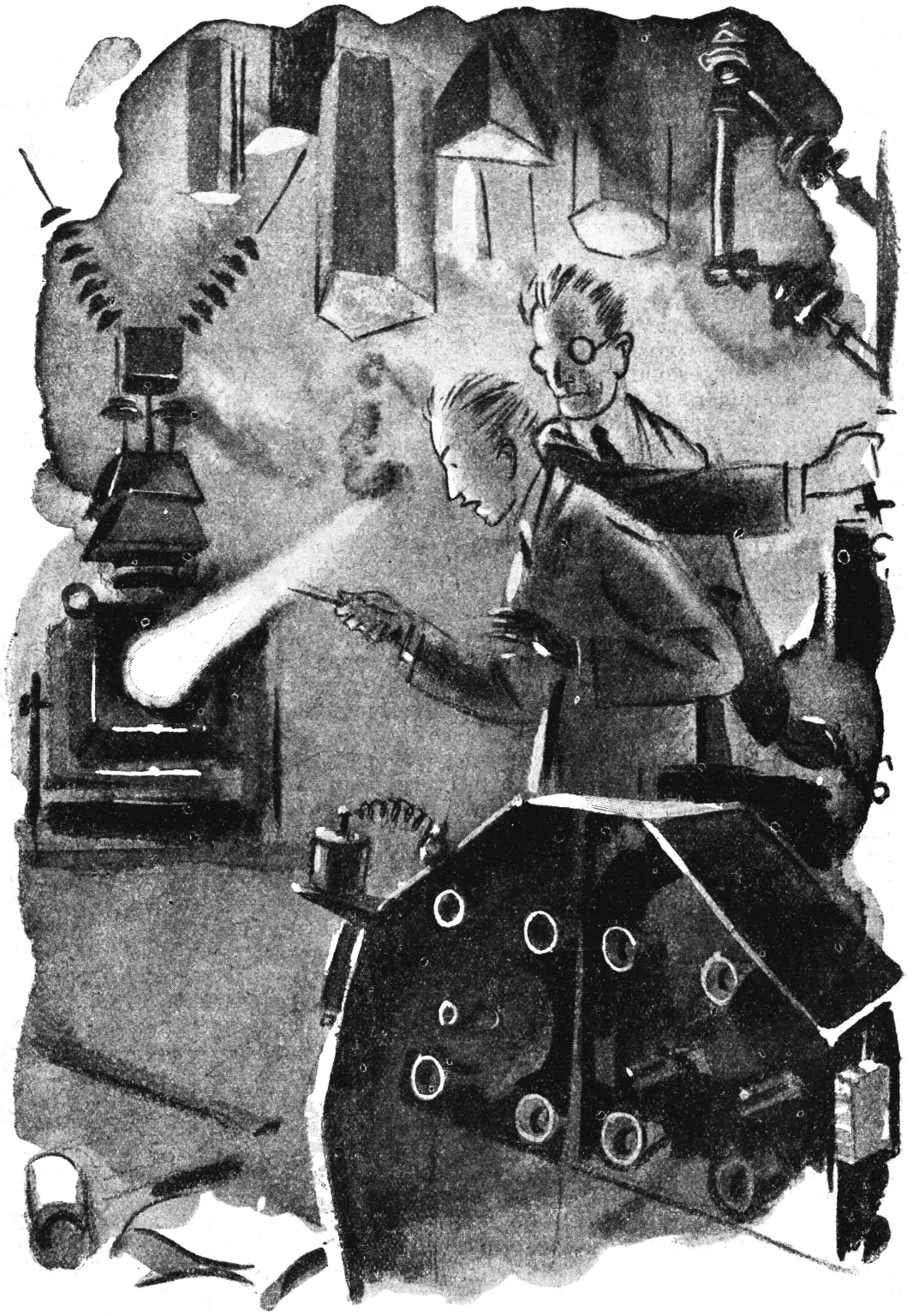
— Не представляю себе, как это можно было бы сделать.

— Разберемся в этом. Теоретически возможны два положения: или свет не дойдет до экрана, или же прорвется сквозь него. В первом случае необходимо, чтобы луч остановился на пути, а во втором—сила, благодаря которой он смог бы прорваться. Это рассуждение навело меня на некоторые оригинальные мысли. Попутно замечу, что согласно аналогии четырехмерный кинематограф должен дать изображения трехмерные—т е л е с н ы е. Таким образом, четырехмерный свет должен одним измерением отличаться от нашего. Я размышлял далее о природе нашей материи и о том, откуда она взялась. Разработка предыдущих рассуждений привела меня к гипотезе, что материя есть не что иное, как спроектированные в наше пространство из четырехмерного мира телесные изображения. Таким образом, наша задача заключается в том, чтобы получить соответствующий свет или, вернее, ту лучистую энергию, при помощи которой и возможно вырваться из нашего пространства.

Была уже глубокая ночь, когда профессор закончил изложение принципиальной стороны проекта. Он говорил все время так горячо и убедительно, что мог бы увлечь любого собеседника.

— После многих лет упорной работы,—закончил он с просиявшим лицом,— я нашел, наконец, способ добыть и эту энергию, и лучи! Теперь остается только осуществить проект. Подумайте, Брайт!—воскликнул он.—Скоро мы попадем с вами в иной мир, куда не ступала еще нога человеческая, где нас ожидает, быть может, то, чего не в состоянии представить себе самая смелая фантазия! Теперь же одной из главнейших наших задач является обсуждение мероприятий к предохранению себя от могущих встретиться на пути опасностей.

А таковых оказалось немало... Предусмотрительный профессор предвидел вещи, о которых я никогда и не подумал бы. Так, например, мы можем попасть в пустое пространство или же упасть куда-нибудь с большой высоты и разбиться. Небесное тело, на которое мы попали бы, может иметь температуру абсолютного нуля или же находиться в раскаленном состоянии. Не более приятно также утонуть в океане или подвергнуться нападению живых существ. Неблагоприятным оказалось бы также отсутствие атмосферы или ядовитый газ. К тому же неизвестно было, в состоянии ли человеческий организм выдержать потрясающий переход из одного мира в другой, не рискует ли он распасться при этом на атомы и т. д. Таким образом, раньше чем отправиться в путь, предстояло проделать большое количество опытов с приборами.



Я остался ночевать у профессора. Когда мы легли, часы пробили пять.

Следующий день был праздничный, и с самого утра мы взялись за дело. Профессор провел меня в нижний этаж, отпер ключами массивную дубовую дверь и со словами:

— Здесь наша лаборатория,—ввел меня в обширное помещение без окон. Затем он включил электрический свет, закрыл дверь на засов и предложил мне заняться осмотром.

Прежде всего должен сказать, что содержимое этого помещения сильно отличалось от того, что мы привыкли представлять себе под понятием «лаборатория». Здесь не было никаких реторт, пробирок или химических веществ. Благодаря сложной паутине электрических проводов и массе инструментов и металла, лаборатория походила скорее на слесарный цех электрозавода, а большое количество приборов, начиная с трансформатора и проекционного фонаря и кончая машинами необыкновенной формы и неизвестного назначения, совершенно сбивали с толку непосвященного посетителя. На полу валялись кучи проволоки, жести, разных обрезков, доски и т. д.

— Сначала проделаем маленький опыт...—сказал профессор, протягивая мне небольшую блестящую пластинку.— Зажмите эту пластинку крепко в щипцах—вот так.

С этими словами он подошел к распределительной доске, повернул несколько выключателей и проделал ряд манипуляций с одним из стоящих на столе приборов. Камера прибора тотчас же стала прозрачной, и я заметил находящийся внутри нее многогранник, испускавший какой-то странный свет. Не могу объяснить, что именно меня в нем удивило, но с уверенностью утверждаю, что он не походил ни на что, виденное мною до сих пор. Яркий и ясный, он был в то же время как-то неуловим. Но поразительнее всего было то, что снопы лучей, вырывавшиеся сверху камеры, и с к р и в л я л и с ь, подобно водяному фонтану, и исчезали в воздухе, не достигая стен и пола. Главный поток лучей, истекавших сбоку из специального широкого отверстия, также прерывался неизвестно каким образом на расстоянии двух метров от аппарата. Во время опыта непрерывно слышалось мерное жужжание и легкое потрескивание.

— Четырехмерные лучи...— пояснил профессор.

Передвигая по скале прибора рукоятку, он заставлял луч удлиняться, укорачиваться, извиваться и изменять свое направление, вследствие чего он походил на щупальце морского спрута.

— А теперь, — сказал профессор, — будьте любезны протянуть вперед щипцы с пластинкой.

Как только это было исполнено, он направил на нее луч. Раздался взрыв, и пластинка исчезла... От неожиданности я вздрогнул и выронил щипцы на пол. Свет в аппарате потух. Ошеломленный происшедшим, я не сразу сообразил, в чем дело.

Сзади меня раздался смех. Я повернулся и увидел смеющееся лицо профессора. Воображаю, как глупо я тогда выглядел...

— Где пластинка?—спросил он, забавляясь моим недоумением.—Поищите ее хорошенько!

Я обшарил столы и пол и вращал кругом головой, ища пластинку в пространстве, на стенах и даже на потолке. Наконец, я убедился, что она безвозвратно исчезла... Но одно мне было ясно: она не сгорела, так как в этом случае остались бы какие-нибудь следы, был бы виден хоть дым... А тут—ровно ничего. Эксперимент был проделан необычайно быстро и просто, но объяснить его вряд ли смог бы величайший философ.

Профессор продолжал беззвучно смеяться. Вся его фигура оживилась, лицо сияло, и он казался помолодевшим лет на десять.

— Ну, где же пластинка? Говорите же скорее!

Я заразился его настроением и весело ответил:

— Быть может, очень близко от нас, но отыскать ее невозможно: она улетела по линии четвертого измерения и нахо-

дится за пределами нашего трехмерного пространства!

— Совершенно верно! Этот фокус, пожалуй, почище всех тех, которые показывались когда-либо в цирках Старого и Нового Света! Теперь, надеюсь, вы воочию убедились, что я не фантаст и не сумасшедший—пусть глупцы думают обо мне, что хотят! Я очень рад, далее, что вернул вас к жизни. Хочу надеяться, что вы окончательно оставили свои прежние намерения и действительно отдадитесь работе, делающей жизнь полной и дающей ей величайший смысл. Когда вы третьего дня в первый раз явились ко мне, вы были убиты и плакали от такого пустяка, как ужин... Вы видите теперь, как мелко это было по сравнению с той грандиозной деятельностью, которая перед вами открывается, и с тем, что нам предстоит еще впереди. В настоящий же момент вы смеетесь, и сознание, что это не обошлось без моего участия, является для меня большим удовлетворением. Итак, мой друг,—закончил профессор, положив свою руку ко мне на плечо,—за работу!

6. Исследования и опыты

Я ежедневно посещал профессора и отдавался работе с не меньшем интересом и рвением, чем он сам. Я убедился вскоре, что профессор был не только одним из крупнейших ученых, но также и прекрасным товарищем. Несмотря на работу, длившуюся по шестнадцать часов в день, здоровье мое восстанавливалось, и я жил полной жизнью. Работа, всецело поглощая время и энергию, отвлекла меня от тяжелых мыслей о пережитом несчастье.

Масштаб наших опытов превысил вскоре размеры, возможные в городской лаборатории. Кроме того, мы перешагнули уже границу экспериментов по перемещению за пределы нашего пространства предметов и должны были готовиться к личному «переходу». Мы решили снять за городом небольшой дом.

Дело быстро подвигалось вперед—оставалось только решить две задачи: как вернуться на Землю и как избежать многочисленных опасностей при переходе по ту сторону пространства и в том «Следующем мире», как мы его называли. Первая задача была вскоре решена: мы научились «выуживать» обратно переправленные предметы и произвели в этой области ряд замечательных исследований. Мы «переворачивали» предметы в четвертом измерении и достигли при этом большой ловкости. Мы сделали гипсовый слепок с правой руки и получили его обратно в форме левой.

Проделав ряд опытов с различными видами неорганической материи, мы приступили к экспериментированию с живыми существами. Первой жертвой была избрана бездомная кошка, которую мы угостили блюдцем молока. В то время, как она жадно лакала, мы быстро «перекинули» ее туда и обратно, после чего она точас же принялась за прерванное занятие. Это показало, что переход из одного измерения в другое может быть легко перенесен живым организмом. Затем мы вторично проделали то же самое, причем на этот раз «перевернули» кошку. Предварительно мы точно запомнили расположение пятен на ее шерсти. После опыта они оказались на обратно симметричных местах, подобно зеркальному отражению. Животное же было невредимо. Трудно описать охвативший нас при этом энтузиазм.

На завтра же кошка была доставлена удивленным университетским зоологам. По их уверениям, они никогда еще не встречали подобного случая: исследование установило, что все внутренности животного находятся на симметрично противоположных местах. Необходимо упомянуть, что до этой серии опытов мы проделали ряд работ в области «удерживания» предметов в ином пространстве. Для этого был применен особый вид магнитно-телесных лучей и использовано частично земное притяжение. Таким образом, предметы попадали в некоторую нейтральную зону.

Далее мы решили добыть материю из соседнего пространства. Вскоре удалось и это. Мы добыли кремнезем—вещество, хорошо известное нашему миру. Итак, нам повезло—мы не попадем в пустоту: рядом, на расстоянии приблизительно

одного метра по линии четвертого измерения, находится планета, подобная по своему составу нашей.

Оставалось разрешить вторую задачу—как избежать возможных опасностей следующего мира. Она была блестяще решена гениальным по своей простоте способом, достойным профессора.

— Для того, чтобы не наскочить на какой-нибудь неожиданный сюрприз,—сказал он,—необходимо увидеть, что там делается и куда мы идем!

Мы тотчас же принялись за разработку «четырехмерного освещения». Открытие всех дальнейших видов лучей не являлось новым изобретением и не представляло уже принципиальных трудностей: все эти виды были лишь вариантом одной и той же сущности. Вопрос заключался только в технике, которую мы быстро одолели.

— А ну-ка, Брайт!—крикнул мне раз профессор, в то время как я возился на другом конце лаборатории над каким-то объективом.—Загляните-ка сюда!

Я быстро подбежал и, заглянув по указанному направлению, увидел в пространстве темное отверстие с какими-то смутными очертаниями... Это было самое настоящее отверстие, глубоко и жутко зиявшее. Оно находилось, несомненно, в лаборатории, но казалось где-то в совершенно и н о м месте в н е н а ш е г о пространства... Направление этого отверстия я никак не мог определить.

— Там теперь темно,—сказал профессор,—очевидно, ночь. Возможно, что там никогда не бывает света. Мы должны систематически проделывать этот опыт: быть может, свет все же появится. Или же—он не может циркулировать между двумя пространствами. Если это так, мы должны добиться теперь, при помощи тех же магнитных лучей тяготения, света изнутри и вовнутрь.

Снова закипела работа, но уже в новом направлении. Через несколько дней я вздрогнул во время одного опыта от неожиданно раздавшегося шипения, походившего на выпускаемый из котла пар.

— Мистер Брукс!—позвал я профессора, занимавшегося за столом вычислениями,—скорее!

— Прекрасно!—воскликнул он, потирая руки.—Оба пространства связаны световыми волнами в пределах количества колебаний, доступных нашему глазу!

И действительно—яркие потоки света, но не спокойно и бесшумно, как обычно, а подобно каскаду, струились из блестящего отверстия в наше пространство... Заглянув туда через темные очки, мы оба одновременно вскрикнули: где-то вдали сияло т р и солнца...

— Какой-то оптический обман...— попытался профессор объяснить это явление, но тотчас же смущенно прибавил:—непонятно только, почему они разной величины...

7. Критический момент

Быстро шли заключительные опыты и изготовление подсобного оборудования. Подчас мы совершенно забывали о сне и еде и целыми днями пропадали в своей новой лаборатории.

Суммировав весь добытый до сих пор опыт, мы приступили к постройке большого телесно-энергетического «резонатора»—так назывался аппарат, излучающий волны, профессора Брукса. Его постройка была основным приготовлением к нашему личному переходу. На этом резонаторе предполагалось установить радиоприемник для управления резонатором беспроволочным способом, без чего возвращение было бы невозможно, так как мы решили отправиться вместе; захватив с собой соответствующий прибор с магнетто, мы сможем привести «оттуда» резонатор в действие. Он автоматически откроет четырехмерное пространство, дав нам, таким образом, возможность перешагнуть обратно границу миров. Одновременно с постройкой резонатора продолжались исследования атмосферы «Следующего мира».

Мы проделали в этой области огромную, кропотливую работу и выявили вопрос о существовании атмосферы, и притом для нас благоприятной. Ее давление и температура оказались несколько большими, чем на Земле, а газы, входящие в ее состав,—приблизительно теми же. Было обнаружено наличие некоторого

количества озона и гелия. Влажность атмосферы установить не удалось. Почва оказалась абсолютно сухой, никаких признаков воды не было найдено. Сила тяготения планеты несколько превышала нашу земную.

Этот анализ показал, что мы можем туда отправиться, пока отсутствие воды не заставит нас вернуться. К большему давлению атмосферы мы надеялись привыкнуть, температуру жарких стран—перенести, а с увеличившимся весом своего тела—быстро освоиться. В случае же внезапного нападения, мы сможем быстро «проскочить» обратно, и никакому чудовищу не удастся схватить нас за пределами своего пространства.

Когда все было готово, мы решили посвятить сутки отдыху и совершенно не думать и не говорить о работе. После завтрака мы отправились гулять в городской парк. По дороге мы купили газеты и читали их, как-будто только-что свалились с луны: нам давно уже не было известно, что творится на Земле. Одновременно мы сделали два открытия: во-первых, что настала уже весна, и, во-вторых,—стояла великолепная погода. Подобных вещей мы до сих пор не замечали. Задумчиво вошли мы в парк и направились к ресторанному столику.

— О чем вы думаете?—спросил меня вдруг профессор.—Бьюсь об заклад, что о предстоящей экскурсии!

— Гм...—запнулся я, не зная, что ответить.

Профессор добродушно рассмеялся.

— Не смущайтесь — сказал он,—я поймал себя на том же. Впредь прошу вас более не фантазировать, а также строго следить и за мной!

В прекрасном расположении духа мы провели этот день.

Следующие два дня были предназначены по плану для поездки по делам формального характера к нотариусу мистеру Нортону и снаряжения в путь. Когда все это было проделано, мы отправились ночью в коттедж.

В лаборатории мы привели все в порядок и по возможности технически обеспечили оборудование, во избежание случайной порчи. В записке, которую мы оставили на столе, профессор просил охранять коттедж и не выключать электрический ток. Затем мы молча надели спортивные ботинки, костюмы и металлические военные шлемы. Через плечи мы перекинули походные сумки с приборами и провиантом. Чтобы не разбить себе при падении руки, были специально заготовлены боксерские перчатки.

Настала решительная минута. Признаюсь, меня охватило волнение и внутренний трепет. Но это нельзя было назвать ни малодушием, ни страхом за свою жизнь. Нет,—это было лишь сильным переживанием великого и торжественного момента. Профессор казался бледнее обыкновенного. Резким движением он включил предмет своей гордости—большой резонатор.

... В сотый раз загорелась яркая лампа, и поток мощных лучей, с жужжанием и свистом, прорвал люк в следующий мир. Профессор взглянул на хронометр: было четыре часа утра. За-

тем он взял меня под руку, и мы одновременно вступили в поле действия четырехмерных волн.

Раздался привычный взрыв, выбросивший нас за пределы пространства в абсолютную тьму.

8. Следующий мир

Это был головокружительный момент, похожий на провал в бездну. Мы прыгнули, вытянув вперед руки, и упали на них с высоты не более двух метров. Опустившись на почву, мы остались лежать ничком, не осмеливаясь поднять голову.

— Вы невредимы, Брайт?—тихо спросил профессор, но мне показалось, что его голос прозвучал более звонко, чем обыкновенно.

Я нащупал в темноте его руку и ответил:

— Да. А вы себя как чувствуете, мистер Брукс, не ушиблись?

— Нисколько. Все прекрасно—перчатки защитили руки и смягчили падение.

Наши глаза, привыкшие к сильному освещению лаборатории, ничего не различали в этой кромешной тьме. Сзади нас журча и искрясь, изливались потоки волн резонатора. Через «люк» мы видели яркий объектив и смутные очертания кусочка нашей родины.

— Выключите резонатор,—скомандовал профессор.

Я нащупал в сумке рычажок, два раза повернул его и нажал кнопку. Тотчас же раздался удар, подобный стуку захлопнутой крышки пустой деревянной коробки, и маленькое отверстие, связывавшее нас с нашим миром, исчезло...

— Давайте сядем, Брайт,—предложил профессор,—а то мы похожи на двух испуганных крокодилов в темном сундуке... Что сказали бы наши коллеги, если бы увидали нас в этом положении!

Коллеги... Какие там коллеги? Все, бывшее до сих пор, казалось мне не более близким, чем смутные воспоминания отдаленного детства.

— Обсудим положение. Мы не ослепли,—продолжал профессор, как-будто угадав мои мысли.—Иначе мы не видели бы отсюда света резонатора. Возможны три положения: первое—здесь всегда темно, второе—теперь ночь, третье—световые волны этого мира не соответствуют устройству наших глаз. Ба!—воскликнул он вдруг.—Мы настолько растерялись, что упустили из виду самые простые вещи. Ведь, у нас же с собой электрические фонари!

Он порылся в своей сумке, и яркий луч прорезал черное пространство и быстро исчез.

— Итак, все в порядке. Но не будем злоупотреблять светом—мы не знаем, кто нас окружает: необходимо быть крайне осторожными. Двигаться тоже не следует, чтобы не свалиться с горы или не попасть в яму. Посидим спокойно и обождем. Если положение через несколько часов не изменится, тогда подумаем, что делать дальше.

Было очень жарко, но не чувствовалось, однако, ни малейших признаков духоты. Необычайно свежий, пропитанный озоном воздух действовал опьяняюще. Голова кружилась, пульс участился. Ощущение бодрости и энергии повышалось до степени энтузиазма. Хотелось двигаться, прыгать, петь, кричать... Я все время поддерживал с профессором оживленную беседу и окончательно убедился, что голоса наши, действительно, звучали здесь яснее и громче.

Так прошло около часа. Я осветил на мгновенье свой хронометр, на котором—как это ни странно—было всего лишь четырнадцать минут пятого! Покинули же мы Землю ровно в четыре часа. Профессору также казалось, что мы сидим здесь более часа. Однако и его хронометр показывал то же, что и мой.

— Как вы объясняете себе это явление?—спросил он.

— Мы совершенно иначе ощущаем здесь время. К тому же возможно, что под влиянием местных условий тяготения механизмы наших часов иначе работают.

— Правильно, но вы забыли еще одно очень важное обстоятельство. Вспо-

мните Эйнштейна—ведь, время относительно! Оно может иметь здесь другой темп и должно поэтому совершенно иначе расцениваться. Если оно протекает, например, в этом мире быстрее, нежели у нас, мы сможем в течение одного и того же срока успеть здесь больше, чем на Земле...

Внезапно из-за горизонта появилась звезда, за ней вторая, третья, четвертая, пятая. Расположенные дугой на темно-бархатном фоне и медленно плывя вверх, они походили на пять крупных, кристально чистых бриллиантов, переливавшихся всеми цветами радуги. Их свет был настолько силен, что я различал лицо профессора.

— Назовем их,—сказал он,—«Созвездием Параболы».

— Нет!—воскликнул Я.—Это —«Созвездие Джемса Брукса»!

— Ну, ну,—скромно запротестовал профессор. — Вернее будет — «Вилли Брайта»—ведь, вы обнаружили первую звезду.

Но спор не успел разгореться, как на горизонте появилось нечто вроде зодиакального света.

— Млечный путь!—воскликнул профессор.

Любуясь его красотой и величием, мы замерли на месте, пока не почувствовали усталость в ногах и сильный голод.

Мы оторвали свои взоры от надземного мира и занялись осмотром окружающей местности. Она не представляла собой ничего интересного: это была огромная, лишенная всякой растительности равнина; вдали выделялось нечто в роде гор, а на горизонте чернели, как нам показалось, неясные очертания леса.

Мы сели на «землю» и развязали мешок с провиантом. Воздух, богатый кислородом и озоном, большое давление атмосферы и увеличенная сила тяготения вызвали энергичный обмен веществ, усиленную деятельность организма и волчий аппетит.

— Если так будет дальше,—заметил профессор, проглотив три бутерброда и принимаясь за четвертый,—недостаток пищи заставит нас вернуться через сутки на Землю.

9. Восходящие солнца

Пока мы ели, десятки фантастических созвездий усеяли густо покрытое звездами небо. Верхушка гор загорелась, это было отражением зарева, вспыхнувшего на противоположной стороне горизонта. Оно быстро усиливалось, пока не показался, наконец, выпуклый край, и мы увидели луну, похожую на нашу.

— Прекрасно!—обрадовался профессор.—Здесь есть луна, значит, будет и солнце!

Луна, между тем, быстро поднималась вверх. Звезды угасали. Внезапно профессор воскликнул:

— А это еще что такое?

Я обернулся и увидел второе, более сильное зарево на другом месте горизонта. Прошла минута-две, и показалась еще одна и притом огромная луна. Мы были в восторге.

— Здесь интереснее, чем на Земле!

Но не успели мы еще достаточно налюбоваться этими светилами, как горизонт опять вспыхнул, и тотчас же появилась третья, но на этот раз меньшая луна... Мы снова вскочили, переводя глаза с одной на другую. Почва, освещенная яркими, зеленовато-голубыми лучами, представляла собой прекрасный своеобразный ландшафт. Стало уже настолько светло, что можно было свободно читать книгу.

— Какая красота!—воскликнул восхищенно профессор.—Трудно себе представить, чтобы нечто... но что же это, наконец?!

Я опять обернулся и заметил одновременно выплывающие... еще две луны.

— Пять лун!—закричал я.—Где это видано! Если бы на Земле знали...

— Стоп! —остановил меня профессор,—вот выплывает шестая...

Но профессор ошибся—это не была луна: появляющееся светило походило на широкий язык, который все более вытягивался под углом вверх. При этом он был не сплошным, а состоял из нескольких слоев.

— Кольца?—Профессор вопросительно взглянул на меня.—Неужели же...

Изнемогая от любопытства, следили мы за восходом светила. Вскоре показалась выпуклость неимоверно огромного шара. Он быстро выплывал, его исполинские размеры все более увеличивались...

— Сатурн! — воскликнул я.—Совершенно похожий на наш, но какой, однако, гигант!

— Потому что близок. И наш достаточно велик: Земля могла бы кататься на его кольцах, как мяч по шоссе... Но смотрите на его бесподобные кольца!

Еще несколько минут—и «Сатурн» целиком появился перед нашими изумленными взорами. Его величина была потрясающей, жуткой. Площадь ядра казалась в сотни раз больше нашей луны, а вместе с кольцами светило занимало громадную часть неба. В довершение ко всему продолжали показываться в разных местах горизонта луны...

— Но сколько же их? Когда же будет конец!—воскликнул я.

— Пока—восемь. Будем считать дальше.

За восьмой выплыла девятая, а за нею—десятая. Вскоре появилась и одиннадцатая...

Поднимаясь выше, «Сатурн» и луны приобретали серебряно-блестящий отлив. Стало светло, почти как на Земле в облачный день, но это был совершенно иной свет. Некоторые луны начали уже опускаться к горизонту, зато появились еще две новые...

— Подождите—это еще не все: вы увидите завтра солнце, по сравнению с которым наше дневное светило окажется жалким пигмеем!

— Почему?

— Разве вы не чувствуете тяжести в ногах и веса наших мешков?

— Это понятно,—я спрашиваю о солнце!

— Солнце — геркулес! — вдохновенно произнес профессор.—Какой массой оно должно обладать, чтобы удержать на таком близком от себя расстоянии эту гигантскую планету с ее кольцами и спутниками.

— Но из чего вы заключаете, что они находятся близко?—не унимался я.

— Как «из чего»?—поразился профессор моей недогадливости.—А сила освещения Сатурна и лун, а температура окружающей нас атмосферы? Разве вы не помните, на каком колоссальном расстоянии от нашего солнца находится его Сатурн? Именно поэтому там и господствует отчаянный холод, при котором замерзают даже газы.

Сатурн, между тем, приближался к зениту, сверкая, как полированное серебро. Окружавший его световой ореол образовал новое гигантское кольцо с исходившими радиально лучами, наподобие северного сияния. Оно заняло не менее трети неба. От млечного пути и звезд не осталось и следа: было светло, как днем. Ввиду ослепительной яркости планеты, мы могли продолжать свои наблюдения только при помощи черных очков.

Описывая на небосклоне дуги, луны—а их оказалось всего тринадцать—приближались к горизонту и одна за другой исчезали. Перейдя свой зенит, «Сатурн» начал быстро опускаться. Ореол поблек, сила света заметно уменьшилась, и серебристый отлив становился матово-желтым. Вскоре начали понемногу зажигаться звезды.

— Я жду с нетерпением наступления дня,—сказал профессор. — Ждать осталось недолго. Предлагаю вам, Брайт, прилечь и заснуть. Вы моложе и нуждаетесь в отдыхе больше меня.

После непродолжительного спора я подчинился авторитету профессора и устроился на ночлег. Мы условились, что он разбудит меня, как только появятся первые признаки рассвета. Мне снилось, что с колец «Сатурна» сползают какие-то чудовища. Вот одно из них протягивает свои противные щупальцы и впивается мне в шею... Я вздрогнул и открыл глаза—это профессор теребил меня за плечо.

— Вставайте, Брайт,—солнце!

Горизонт напоминал расплавленный металл, а над ним красовался огромный багровый шар. Вершины гор горели, как в огне.

Зрелище было великолепно, и, не теряя времени, мы вынули приборы и заня-

лись наблюдениями. Лучи солнца, несмотря на то, что оно находилось еще сравнительно низко, немилосердно жгли наши шлемы. Не выпуская яркий диск из объективов, мы так увлеклись работой, что ничего кругом не замечали. Записывая высоту светила над горизонтом, я вздрогнул от внезапно раздавшегося стука. Это—подзорная труба выпала из рук профессора, а сам он застыл с мутно-неподвижными глазами... Я сильно испугался.

— Что с вами, мистер Брукс?

— Смотрите!—отрывисто прошептал он, протягивая вперед руку.

Я взглянул по указанному направлению и замер: на горизонте лежало в т о р о е солнце, раз в десять больше первого.

Долго и безмолвно наблюдали мы оба светила, переводя глаза с одного на другое, пока спокойно выплывавшее из-за гор т р е т ь е солнце не вернуло нам дар слова.

— Мистер Брукс!—закричал я.—Что значит это? Куда мы попали?—Впечатление было потрясающее... Я схватил профессора за руку и немилосердно тряс ее.—Мистер Брукс! А?

— Вот видите, Брайт!—торжественно проговорил он наконец.—Я правильно предугадал мощный центр тяготения!

— А не может ли это быть...—забеспокоился я,—оптическим обманом?..

— Нет, ни в коем случае. Радуйтесь, Брайт, успешности нашей экспедиции— мы попали в систему тройной звезды, если не появится еще и четвертая! Слышали ли вы когда-нибудь об этом?

— О, да! Вспоминаю... на школьной скамье.

Волнение лишило нас работоспособности, и мы ничего уже не могли более делать: я топтался на одном месте, а профессор, потирая, по обыкновению, в восторге руки, беспрестанно повторял:

— Как мне не пришла эта мысль раньше—помните?—когда мы увидели три солнца в телескопе? Не могу себе простить этого. Но становится, однако, невыносимо жарко. Надо поискать тень.

И действительно, термометр показывал 48° С. Мы быстро уложили в мешки свой несложный багаж, но, прежде чем уйти отсюда, решили водрузить флаг: необходимо заметить место, где находится, по ту сторону пространства, резонатор. Для этого мы построили из «земли» и камней холм и воткнули в него деревянный стержень. К стержню была привязана тряпка.

Расположенные неправильным треугольником солнца стояли уже сравнительно высоко. Первое—средней величины—было несколько светлее н а ш е г о с о л н ц а; второе—самое большое—имело оранжевый цвет, а третье—меньшее из всех — и с п у с к а л о о с л е п и т е л ь н о - б е л ы е лучи с ф и о л е т о в ы м оттенком. Мы не с н и м а л и более темных очков:

это море света было невыносимо для человеческих глаз. На поверхности почвы уже нельзя было различить никаких неровностей или предметов: все слилось в ровную, ослепительно-сверкавшую белую равнину.

Мы поспешили укрыться в тени ближайших гор. Хронометры показывали шесть. Таким образом, мы провели здесь всего только два земных часа.

10. Часы отчаяния

В тени стало несколько легче, но ненадолго: солнца поднимались все выше и выше. Раскаленные шлемы пришлось давно снять и обвязать головы платками, а также сбросить все доспехи и верхнюю одежду. Кожа на руках была обожжена и томительно горела. Голод и мучительная жажда заставили нас легкомысленно покончить с провиантом и допить остатки захваченной с собой воды. Самочувствие значительно ухудшилось, мы угрюмо молчали.

— Повидимому,—сказал профессор,— придется вернуться на Землю. Но теперь мы уже знаем, чем необходимо запастись, отправляясь сюда. Мы привлечем ряд лиц, которые уже не сочтут нас более фантастами и не побоятся примкнуть к нам. Мы сорганизуем большую международную экспедицию для исследования этой планеты. Это будет небывалым событием в истории человечества!

Одевшись и собрав свои вещи, мы двинулись, едва волоча ноги, к исходному пункту.

— Включите резонатор!—скомандовал профессор.

Я начал вращать рукоятку магнетто, ожидая открытия «люка» и знакомого снопа искрящихся лучей. Но немая тишина не нарушалась. Мы безмолвно взглянули друг на друга.

— Дайте мне... проверить приборы,— неестественно медленно, едва сдерживая волнение, произнес профессор.

Он крутил, вращал, настраивал и снова пробовал... Его руки дрожали.

Прошло несколько долгих, томительных минут... Профессор лихорадочно продолжал свою работу, но все его попытки оставались бесплодными. Тогда он оставил магнетто в покое, сел, опустил голову на руку и неподвижно застыл. По его виску струились крупные капли пота. У меня пересохло горло, тряслись колени. Профессор был бледен, как мел.

— Все кончено,—проговорил он, наконец, хриплым, упавшим голосом.— Мы не вернемся отсюда, и наша жизнь... Пока хватит сил, мы будем пытаться привести в действие резонатор, но надежды у меня нет никакой. В крайнем случае,—закончил он мрачно и жестко,—придется пустить в ход револьверы.

...И вдруг, перед моими глазами встала картина пивной, и я увидел лежащий на столе «Вечерний Листок» с крупным объявлением—«Ищу самоубийцу».

А солнца, поднимаясь все выше и выше, продолжали безмолвно сиять.

Профессор невыразимо страдал—мне стало жаль его. Я тряхнул отяжелевшей головой и сказал:

— Дорогой мистер Брукс, я не упрекну вас ни в мыслях, ни вслух. Я ни в чем не раскаиваюсь и ни о чем не жалею. Но почему вы потеряли всякую надежду? Быть может, в коттедже случайно прерван ток?

— Нет!—ответил он мрачно.—Не скрою от вас, что я сам во всем виноват. Причина несчастья гораздо страшнее и глубже, чем вы это думаете... Я упустил из виду самое важное обстоятельство. Мужайтесь и слушайте: пространства смещаются, и планеты летят в пространствах с головокружительной быстротой. Поэтому... уже миллионы километров отделяют нас от нашей Земли.

Мы смолкли, покорно отдавшись судьбе. Это были долгие, томительные часы мучительного голода, жажды и разъедающей весь организм слабости.

Желая ободрить профессора, я занялся наблюдением часов захода солнц и измерением продолжительности дня. Профессор махнул лишь рукой—он впал, видимо, в полное отчаяние.

Внезапно меня осенила мысль, которую я не замедлил высказать вслух.

— Наша Земля пробегает в пространстве около тридцати километров в секунду; планета, на которой мы находимся, тоже двигается; кроме того, быть может, смещаются и сами пространства, не так ли?

— Да!

— Почему же, в таком случае, когда мы сюда прибыли, резонатор стоял неподвижно в течение нескольких минут, пока я его не выключил?..

Этот вопрос поставил профессора втупик. Он подумал и ответил:

— Признаюсь, вы меня озадачили... Не могу создать в настоящий момент никакой гипотезы—наш жалкий трехмерный мозг не в состоянии постигнуть структуру миров. Однако вы—верный товарищ и мужественный друг,—прибавил он,—и я умру не одиноким, а с сознанием, что встретил в жизни настоящего человека.

Стало как-то легче: отчасти от понизившейся к вечеру температуры и отчасти от высказанной мною мысли, возбудившей где-то в глубине души маленькую надежду, которую мы боялись высказать вслух.

Закат солнц оказался не менее прекрасным, чем восход. Сумерек почти не было, мы очутились в такой же абсолютной тьме, как и вчера. День длился около пяти часов.

— В момент наступления ночи данная долгота места обращена в это время года к огромному «звездному провалу»,— вяло пояснял профессор, отдавая дань привычке читать лекции. Звездные скопления распределены в пространстве этого мира неравномерно. Я думаю над поставленным вами вопросом,—сказал профессор.

— Найти в бесконечном пространстве этого мира точку, против которой находится в данный момент по ту сторону измерения наша Земля с резонатором, более невозможно, чем отыскать в Тихом океане потерянный атом... Как видите, утешительного мало.

«Сатурн», между тем, заходил. Прошел еще долгий час.

— Профессор,—обратился я к мистеру Бруксу.—С тех пор, как мы покинули Землю, вы не сомкнули глаз. Я прошу вас лечь спать.

— Вы заботитесь обо мне, как сын об отце...—с дрожью в голосе произнес он.—Хорошо, я попытаюсь—в прошлый раз вы мне уступили.

Несмотря на трагизм положения, профессор вскоре заснул.

Настроение мое стало вялым и безразличным. Кроме сильной усталости, я ничего не чувствовал. Наконец, я совершенно впал в апатию, усиленно стараясь лишь отгонять мысли о жажде и голоде. Восток внезапно засветился и стал алым... Так как бояться здесь было некого, я решил последовать примеру профессора, оперся головой о свой мешок и впал в забытье.

(Продолжение в февральской книжке)

ПУТЕМ—ДОРОГОЙ

На борту была «тяжелая атмосфера». Команда с угрюмыми лицами притворялась занятой, на самом же деле прислушивалась в пол-уха к возбужденным переговорам между первым штурманом и двумя матросами. Эти двое были посланы депутатами с жалобой от товарищей. Дело было обычное—негодная пища.

— Oh, shut up and go to hell![1]—воскликнул в заключение штурман.—Я хожу по морю двадцать лет, ел картошку похуже нашей, а все еще жив! Проваливайте отсюда!

Матросы хотели что-то возразить, но он засунул обе руки в карманы и выразительно повернул им спину, широкую, как дверь. Я был занят около шлюпки и не мог удержаться, чтобы не обратиться с громогласным утешением к обоим матросам, возвращавшимся ворча на место:

— Well, boys каждая вещь имеет свою хорошую сторону. Хорошая сторона гнилой картошки заключается в том, что она избавляет нашего повара от необходимости ее варить, потому что ее приносят из провиантской уже совсем мягонькой и плавающей в своем собственном соку.

В следующую минуту я получил несколько чисто технических впечатлений: первое—словно от паровоза курьерского поезда, который зацепил и понес меня за собой; второе—как от парового молота, взявшего меня в обработку. Летая туда и сюда, я слышал следующие отрывочные выражения:

— Damned German pig!.. Stirring up British sailors! Going to fill your mouth!..[2]

Только один единственный раз успел я заметить перед собой оскаленный рот на красном загорелом лице штурмана и тут же с быстротою молнии двинул в него кулаком.

Через пять минут после того я сидел в тихой и темной камере, прикладывал к вспухшим глазам и окровавленному носу приятно холодящие железные браслеты, украшавшие кисти моих рук, и решил в будущем не все говорить так громко.

Как могло сложиться это будущее, по крайней мере, в ближайшее время, было мне до некоторой степени ясно: уединенно, вполне оседло и в совершенной сохранности от превратностей судьбы—в американской тюрьме.

В морских законах девяносто девять процентов всех параграфов трактуют об обязанностях матросов и правах офицеров. Кто на море подымет руку на штурмана, сажается в тюрьму, даже если бы он был перед этим обижен.

Несмотря на это и наперекор трогательно великодушному желанию штурмана, который не выносил меня просто потому, что я был немец, я все же в тюрьму не попал,—во всяком случае в тот раз. В последний вечер перед входом в порт Нового Орлеана я нашел в поданной мне солонине записку:

Ночью не спи, дверь открыта.
Дженкинс, 53, Джорджиастрит.

Хорошо, что я от скуки пощипывал мясо; есть в невыносимой жаре этой дыры с ее вонью и крысами я уже давно не мог.

Когда вода перестала биться снаружи о борт и только чуть плескалась, когда смолкли глухой шум порта, грохот цепей и суета на палубе, я тихонько надавил дверь и осторожно высунул голову в предрассветные сумерки.

— Uour hauds, guick![1]—прошептал голос из-за угла. Я протянул их, что-то звякнуло, наручники были сорваны, и все стихло.

[1] Замолчите и идите к чертям!
[2] Проклятая немецкая свинья! Издеваться над английскими моряками! Вот я заткну тебе глотку!

[1] Руки, живо

Через минуту я спрыгнул в гнилые, тинистые воды Миссисипи. Я уцепился за проходивший мимо угольный паром, и он дотащил меня до набережной. Там я сначала выжал мою одежду за угольным двором, потом плюнул в сторону «Гвендолин», стоявшей в облаках тумана, и пошел в город, наслаждаясь влажным теплым утром.

★

Целый день я, крича, плача и смеясь, вихрем носился по лугам, полям и дорогам за окраиной города, катался в траве и вцеплялся в нее зубами. Вечером я несколько часов под ряд бегал и резвился с собачкой какой-то старой дамы, которая от души забавлялась этим зрелищем. Когда дама с собачкой ушла, я забрался наконец в совершенно темный железнодорожный туннель с тем, чтобы обождать там экспресс Бальтимора-Огайо и с развиваемой им скоростью в сто километров в час умчаться из этого проклятого штата.

Табак у меня был, но спички я позабыл купить, и потому вынужден был посасывать свою остывшую трубку. Тут в туннель вошел, разгуливая, какой-то человек, и я решил попросить у него огонька. В темноте он меня не заметил, а из-за шума ручейка, протекавшего в самом туннеле возле линии, не расслышал моего голоса. Чтобы обратить на себя его внимание, я тронул его за рукав. Он испуганно вскрикнул, запустил в меня своей тросточкой и с визгом кинулся бежать.

Минутку я смущенно потирал ушибленную переносицу, а затем пустился за ним вдогонку, чтобы по крайней мере вернуть ему тросточку. Но его уже и след простыл, и я снова вернулся в туннель, негодуя на то, что не только не раздобыл огонька, но еще оказался с опухшим носом.

Внезапно оба выхода туннеля почернели от множества хлынувших сюда людей, и, прежде чем я был в состоянии сообразить, в чем тут дело, я уже оказался в наручниках. Несмотря на все мои протесты и объяснения, меня снова препроводили в гостеприимные стены тюрьмы. Отсюда, внутренне дрожа от бешенства, я слышал, как во мраке пролетел западный экспресс.

На следующее утро, не дожидаясь даже, пока шериф закончит свое ироническое приветственное слово, я положил на стол три доллара из заработанных мной в тюрьме и попросил немедленно телеграфировать в Туларе губернатору Томпсону мою просьбу выслать свидетельство о моей нравственной благонадежности и деньги на приглашение защитника. Затем я потребовал очной ставки с «потерпевшим».

Имя популярного в то время в политическом мире Томпсона возымело свое действие.

После краткого раздумья, шериф сказал:

— Ies, я тебе это разрешу. Но если это с твоей стороны только новая уловка, то я за такую наглость упрячу тебя на годик лишний. Подвергшийся нападению джентльмен слег от перенесенного потрясения. Завтра, быть может, он сможет явиться. Увести!

«Потерпевший» явился и добросовестно представил дело так, как оно и на самом деле происходило. То обстоятельство, что, тронув его за рукав, я коснулся также и цепочки от часов, шериф признал случайностью.

Решающее направление делу дала ответная телеграмма мистера Томпсона. При чтении ее шериф поднял брови и пробормотал что-то про себя про «готовность дать поручительство», после чего отпустил меня на свободу, посоветовав мне «кратчайшей дорогой» убраться вон из этого штата.

— Да я же так и намеревался поступить,— ответил я,—и, не задержи вы меня, я уже давно был бы на дальнем западе.

Минутку он, видимо, размышлял, не припаять ли мне за подобную наглость хотя бы трое суток, но, кинув еще раз взгляд на телеграмму, ограничился тем, что гаркнул:

— Вон отсюда!....

Я пустился бежать из этого чрезмерно гостеприимного города и, не останавливаясь, промчался по шпалам километров двадцать к юго-западу.

★

Автор этих отрывков — сын немецкого рабочего. А написанная им книга носит автобиографический характер и посвящена юности автора и его скитаниям по Америке. Попав на корабль юнгой, герой романа изведал все прелести судового режима, побывав на кораблях англичан, американцев и немцев. Романтические настроения юноши влекут его в глубину Америки, к индейцам; огромная воля и выдержка помогают ему преодолеть болезни и беспрерывную вереницу лишений, характеризующих жизнь американского «трампа». Пребывание в условиях буржуазной эксплоатации уничтожает последние остатки романтических иллюзий. После ряда странствий бродяга возвращается домой, где через некоторое время начинается его литературная деятельность.

Последняя новинка издательства «Молодая гвардия»—

Путем дорогой. Артур Гейе.

Перевод с немецкого П. Аранского и С. Бернера, с портретом автора и 15 рис.

1930 г., стр. 182, ц. 1 р. 25 к., переплет 40 к.

БОРЬБА за ОСТРОВ

Из дневника нач. о-ва Врангеля Г. А. УШАКОВА
Фото автора

Г. Ушаков, автор дневника

Три года отрезанные от мира, лишенные даже радиосвязи, 9 русских и 51 эскимос боролись с морозами, вьюгами и зверями. Три года охоты и изучения острова Врангеля окончательно закрепили его за Советским Союзом. О тяжелой и интересной жизни рассказывает дневник Г. А. Ушакова.

На «пловучем гробе»

15 июля 1926 г.

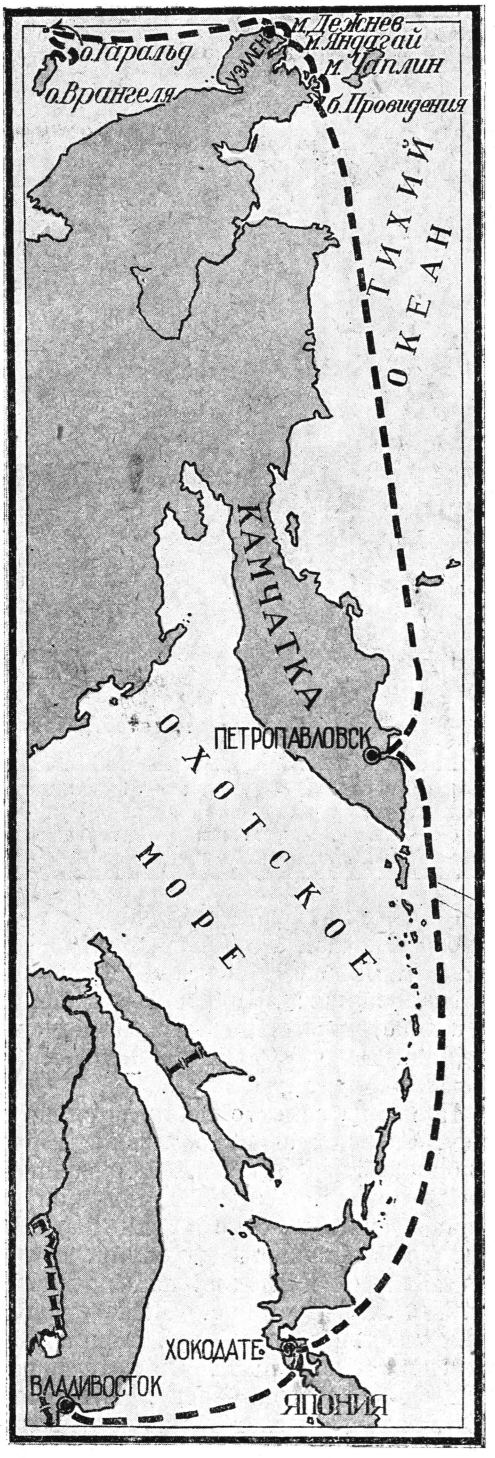
Сгущающиеся сумерки и густой туман окутывают Владивосток.

Между складами и стоящим у причала «Ставрополем» плотная толпа. Это родные и друзья пришли проводить в далекое полярное плавание членов Дальневосточной полярной экспедиции.

К 8 часам вечера все грузы приняты. Портовые формальности окончены. Крепко жмем руки друзей, и «Ставрополь» на буксире у портового катера «Люнет» выходит на рейд. Медленно растет расстояние между берегом и пароходом. Там притихшая толпа провожающих, а здесь кучка людей, идущих на борьбу с суровой полярной природой. Что нас ждет? Когда и кому будем снова жать руки? И будем ли?

— Отдай буксир,—слышно с капитанского мостика, и «Люнет» быстро отделяется. Близко стоящий «Симферополь» сигнализирует: «Приятного плавания». На наше приветствие отзываются десятки гудков. Их дружный хор вливает бодрость и родит надежду.

На берегу заметно усиливается движение. Слышны звонкие детские голоса. В бинокль видно, как «Люнет» набивается людьми. Через десять минут он уже бойко бежит рядом с нашим бортом, и мы перекликаемся с друзьями. Но вот подмигивает нам маяк на Скреплеве— за ним открытое море. «Люнет» должен вернуться. Последнее ура гаснет в сгустившихся сумерках. Они поглощают «Люнет» и огни на берегу. Мы в море. «Ставрополь» режет пенящиеся волны. Четко стучит машина. Полный вперед! В Арктику!



Путь экспедиции

16 июля 1926 г.

Туман. По временам дождь. Легкая качка. Экипаж крепит грузы, сложенные на палубах. Жизнь на судне входит в свою колею. Она стройна, обдумана и точна.

Начиная с трюмов и кончая палубой, «Ставрополь» загружен продуктами и снаряжением будущей колонии на о. Врангеля. Сколько сил и энергии отдано на собирание всего этого груза.

Судьба экспедиции до последнего времени была под вопросом. Отсутствие средств и судна—два главных препятствия. Эти «киты», в течение полугода, стояли на виду и гнусаво тянули одну и ту же песенку: «Может дождик, может снег...»

История их такова. Постановлением правительства первоначально снаряжение и проведение экспедиции было поручено Наркомторгу. Была намечена покупка моторо-парусной шхуны Амундсена «Mod», вернувшейся из дрейфа и ставшей известной всему миру как надежное полярное судно.

Но когда наступил момент покупки, не оказалось обещанных денег. Задержка длилась ровно столько, чтобы продавцы «почувствовали», насколько нам необходима «Mod», цена ее со сказочной быстротой прыгнула вверх и на много вылезла из нашей сметы. А затем английская фирма, купившая шхуну, совершенно отказалась от продажи. Другого судна не было. Судьба экспедиции казалась решенной.

Эта грустная весть застала меня во Владивостоке, где я вместе с приглашенным в экспедицию капитаном П. Г. Миловзоровым уже занимался подбором личного состава.

Надо было выходить из положения.

Единственным кораблем, о котором можно было рискнуть начать разговоры, несмотря на свой солидный возраст, был «Ставрополь» [1]. Хорошие материалы, тщательная постройка, хозяйственное содержание и своевременные, продуманные ремонты делали его первым по проч-

[1] Построен в 1907 году в Штетине на корабельной верфи.

ности среди судов на Дальнем Востоке. Другие данные «Ставрополя» — корпус с непрерывным двойным дном; стальная наружная обшивка; его размеры и вместимость [1] точно так же, до некоторой степени, удовлетворяли нашим требованиям.

На нем мы и остановились. Подсчитали необходимые расходы на ремонт и чартер. Их общая сумма уложилась в сметные предположения на покупку «Mod», ее ремонт и содержание.

«Ставрополь» уже встречался со льдами при выполнении Калымских рейсов, но выбор падал на него,как и на этот раз, только из-за отсутствия других судов. При выполнении этих рейсов он шел вдоль побережья и при встрече со льдами имел возможность укрыться от них.

Что он будет делать среди льдов в открытом океане? Где он может укрыться от них в районе Врангеля? Разве только на дне. В этом районе была затерта и начала свой дрейф несчастная «Жанета»; здесь погиб «Карлук»; два раза безуспешно пробивались мощные «Таймыр» и «Вайгач», ожесточенно боролся со льдами Давыдов на «Красном Октябре», здесь же вмерзла в лед и начала свой трудный дрейф «Mod». А сколько здесь погибло китобоев!.. Под силу ли это будет «Ставрополю»?

Но другого судна нет, а экспедиция должна состояться. Остров Врангеля должен быть колонизирован и закреплен за Советским Союзом. Момент сменить представителем Советского правительства белого медведя с красным флагом, которого рисуют американцы в карикатурах, наступил.

Постановлением Совета труда и обороны от 26 марта 1926 г. организация экспедиции была передана Совторгфлоту.

Новые люди — новые песни. Прибывший на Дальний Восток председатель правления сообщил, что для экспедиции предназначен пароход «Вьюга», а сопровождавшие его специалисты заверили, что это не «Вьюга», а настоящий клад и чего-нибудь лучшего и желать нельзя.

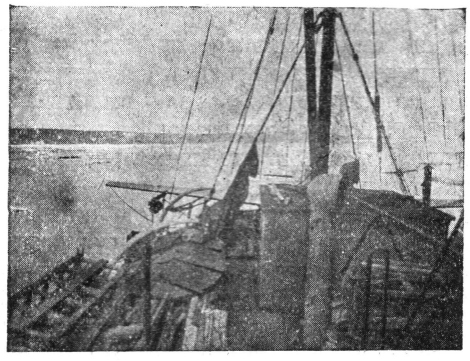
Через неделю были получены все данные о «Вьюге», а несколько позднее и ее чертежи. Посмотрели, подсчитали и... ахнули. Выяснилось, что, приняв на борт все грузы экспедиции без ущерба для собственных мореходных качеств, «Вьюга» может взять запас угля на целых... трое суток?! А рейс рассчитывался на три ходовых месяца. Возник новый вопрос: стоило ли трудиться откапывать этот «клад»? Разрешили его кладоискатели или нет—не знаю. Мы же после решительного боя на одном из бесконечных совещаний получили «Ставрополь».

«Ставрополю» был дан капитальный ремонт носовой части корпуса, до двадцатого шпангоута включительно. Здесь без малого вся подводная часть получила замену листов новыми, а оставшиеся старые дублированы. Все листы положены утолщенные и заменена часть шпангоутов, т. е. сделано все, чтобы придать судну возможный максимум прочности.

Таков наш корабль.

Одни нас называют сумасшедшими и пророчат верную гибель при первой встрече со льдами. Другие именуют нас ютюристами, вводящими в расход Советский Союз, и обещают интересный судебный процесс после бесславного возвращения во Владивосток.

Сами мы ясно представляем наше положение и имеем перед собой два варианта возможных результатов экспедиции. Если нас затрут льды, то, несмотря на возможный максимум прочности, «Став-



Самолет на корме «Ставрополя»

[1] Наибольшая длина «Ставрополя» 197,92 фута; наиб. шир. 30,94 ф., глубина трюма 20,52 ф., вместимость 1209,57 рег. тонн.

рополь» будет раздавлен, как спичечная коробка, и нам, очевидно, не придется наслаждаться «интересным процессом». Если же мы пройдем льды, то остров Врангеля будет под красным флагом.

Теперь мы в море.

Вспоминается ирония Норденшельда, когда он говорит: «Пловучие гробы часто употреблялись русскими в полярных путешествиях и притом часто с большим успехом, чем суда прекрасно снаряженные».

Если «Ставрополь»—«пловучий гроб», то все же гроб стальной. И если Пахтусов, Розмыслов, братья Лаптевы, Семен Дежнев, Шелауров и еще многие отважные люди совершили большие дела на «пловучих гробах» деревянных, то их потомки, имея в своем распоряжении стальные, обязаны закрепить их завоевания.

18 июля 1926 г.

Рано утром «Ставрополь» бросил якорь на рейде Хакодате.

Вид нашего корабля несколько необычен. Носовая часть палубы завалена бочками с бензином и лесом для наших будущих построек на острове; на корме, рядом с запасом живого мяса—быками и свиньями—стоит стройный «Юнкерс», а на верхней палубе на ящиках с керосином целая груда собачьих нарт и парусиновых лодок.

Все это возбуждает необычайный интерес японцев, и без того не ослабевающий ко всем советским судам. Из восьми представителей «портовых» властей четверо прекрасно говорят по-русски. Особенно они интересуются мной, не числящимся в списках экипажа, но в то же время являющимся начальником экспедиции. С присущей им вежливостью они справляются о годе смерти моей бабушки, занятиях и здоровьи моих родителей и еще после нескольких вопросов спрашивают, как я думаю—есть бог или нет? Выраженное мною удивление по поводу того, что «портовые» власти до сих пор не осведомлены по такому важному вопросу, расхолаживает их пыл, и они переходят к другим «пассажирам». Сравнительно легко выдав пропуска на берег экипажу, нам обещают по выполнении формальностей с губернскими властями. Не надеясь на положительный исход формальностей, откладываем вопрос о пропусках до прибытия представителя полпредства и агента Совторгфлота.

Почти одновременно с представителями властей к нашему борту причаливает несколько кунгасов с торговцами, и теперь они ведут бойкую торговлю. Ассортимент их товаров не велик, но поражает своим подбором. Ни одной вещи, которая не была бы необходима в путешествии. Поэтому товары нарасхват, и у торговцев сегодня «большой» день.

Только к 10 часам прибывает представитель агентства и то с мало утешительными вестями. Во Владивостоке я имел заявление, что экспедиционные заказы даны в Хакодате своевременно; на проведение их переведено 10 000 рублей; заказы выполнены и товары на складах ждут только прихода экспедиции.

А здесь? «Строительный картон заказан в Токио и в Хакодате еще не прибыл... На цинковую сетку заказов не было... Свежих фруктов в Хакодате нет, а другие города не запрашивали—есть один ящик лимонов—возьмите! Палатки еще не получены и сейчас находятся в Нагасаки...» и, наконец: «А как вы предполагаете рассчитаться?(!) Мы до сих пор на покупки не получили ни одной копейки(!?)» Кто виновник? Искать и поздно и бесполезно. Беру, что есть.

Закончив эти приятные разговоры, наконец, получаем пропуска и выходим на берег. Неперестающий мелкий дождь, не то туман, и серенький японский городок кажется еще более серым и грязным. Поверх асфальтовой мостовой почти по щиколотку жидкой грязи, а где отсутствует мостовая и того хуже. Первое время приятно поражаемся тактичности японской жандармерии.

Известной всем советским гражданам «заботы»—шпиков—нет. По крайней мере, не видно. Но через час мы принуждены горько разочароваться. Оказывается, на сегодняшний день метод несколько иной. В двух лавочках я натолкнулся на записки. В них рядом с японским текстом русский. Перечислены рост, лета,

имена и фамилии четырех русских пассажиров, выпущенных на берег.

Вечером доктор Воинов рассказал мне о третьей аналогичной записке. Причем на его вопрос о происхождении записки хозяин лавки заявил, что он большой любитель радио и вчера еще слышал через радиоприемник об экспедиции и ее составе. Это в то время, когда ни наше полпредство, ни агентство не знали о приходе экспедиции. Оказывается, и радио бывает «шито белыми нитками».

21 июля 1926 г.

На рассвете 19 июня мы покинули гостеприимных радиолюбителей и двинулись на Камчатку.

С каждым новым днем природа приносит новые и новые напоминания, что мы идем на Север. Вершины Курильских островов покрыты снегом. Как-то странно в такое время года видеть широкие снежные поля.

Сегодня свежий северо-восточный ветер. Пароход сильно качает. Часто нас окутывают туман и дождь.

22 июля 1926 г.

Сегодня первый день хорошей погоды с момента нашего выхода из Владивостока. К вечеру море совершенно успокоилось, и природа показала нам одно из своих чудес. Мы прошли параллель острова Кетой. На горизонте начала вырисовываться скала Ушисир. Ничего интересного для нас она не представляла, и мы скоро о ней забыли. Перед заходом солнца случайно брошенный взгляд приковал мое внимание и заставил взять бинокль. Странное явление! Виден огромный низкий столб, из центра которого выходит второй—тонкий—и заканчивается наверху большой эллипсовидной крышей. Савенко вооружился своим двенадцатикратным биноклем, и общими силами мы сделали вывод: действующий вулкан. После непродолжительных наблюдений с такой же определенностью сделали второй вывод: не вулкан, а маяк. Однако, по справке у вахтенного помощника оказалось, что маяка здесь нет, а это просто причудливой формы скала. Но причудливость скалы была настолько необычайной, что мы продолжали наблюдать с неослабевающим интересом. А странное явление продолжало менять свои формы. Вот вырисовалась мачта, появилась труба, с боков высунулись орудия... Идет японский дредноут! Но из дредноута скоро выросла изящная, величественная ваза. Ее размеры были гигантскими.

Теперь стало ясно—мы видим марево. Величественная ваза медленно меняла свои формы и с каждым изменением становилась все изящнее и изящнее. Талия вазы становилась все тоньше и вместе с этим ширилась чаша. Наконец, чаша отделилась от подстамента, снова соединилась и опять оторвалась и так несколько раз, пока вся чаша не начала таять, и, наконец, совершенно исчезла, превратившись в слабо уловимые очертания о. Ушисир.

23—24 июля 1926 г.

Наш путь без приключений. Целые часы проводим на палубе, любуясь грациозной игрой обитателей всех морей и любимцев моряков—дельфинов. Как только выдается хорошая погода, они появляются около корабля и целыми часами сопровождают его.

Чем дальше продвигаешься, тем больше чувствуешь Север. Все вершины Камчатских гор покрыты снегом. Дает себя чувствовать, особенно вечерами, и понижение температуры.

25 июля 1926 г.

Утром мы у причала в Петропавловске. Прекрасная солнечная погода и праздничный день скоро собирают у корабля толпу. А когда затрещал мотор спущенного на воду гидроплана, посмотреть на диковинку собралось все немногочисленное население городка.

Сверх всяких ожиданий заказы здесь выполнены аккуратно. Я получил даже палатки, которые по хакодатским сведениям должны были находиться в Нагасаки, а в действительности оказались в Петропавловске.

Так же неожиданно здесь я получил нового спутника—охотника Скурихина. Этот человек встретил меня около полудня и к заходу солнца уже погрузился

Типы эскимосов

на судно вместе со своей женой, дочкой и всем скарбом. За пол дня он успел не только перевернуть весь уклад своей жизни, но и ликвидировать часть хозяйства, сдать в аренду дом, устроить все необходимые дела и только ждал отходного гудка. Прекрасный пример решительности людей севера. Он прожил на Камчатке 15 лет и зарекомендовал себя лучшим охотником. Надо думать, что и на Врангеле он не испортит этой репутации.

2 августа 1926 г.

Рано утром вошли в бухту Провидения. В ответ на гудок «Ставрополя» раздался вой большой стаи собак. Это—сотня лаек, купленных для нас на Анадыре и по зимнему пути переброшенных сюда.

Не смолк еще грохот якорной цепи, как на палубе я увидел нескольких эскимосов. Впереди шел человек в клетчатой кепи, в синей рабочей блузе, меховых брюках и в торбазах из тюленьей шкуры. По цвету лица его скорей всего можно было принять за северо-американского индейца, но выбившаяся из-под кепи прядь светлых волос говорила о другом.

Он нерешительно протянул мне руку и просто сказал: «Павлов».

Это был тот И. М. Павлов, о котором я слышал еще на материке. Короткая биография его такова: отец русский, мать камчадалка. Родился на Анадыре. Детство провел на Командорских островах. Учился в Петропавловске на-Камчатке и после этого больше десяти лет учительствовал и охотился на Чукотском полуострове. Южнее Анадыря не бывал. Женат на эскимоске. Быт и характер туземцев он знает лучше, чем русский, и они считают его своим.

Такого бы мне! Как бы полезны были его знание эскимосов и опыт в работе в северных условиях.

Я провожу его в каюту, и между нами происходит следующий диалог:

— Поедем.
— Куда?
— Ты знаешь.
— А дойдем?
— Надеюсь.
— Надолго?

— На три года. Если не пробьется пароход, должны осилить четвертый... может быть, пятый.

— А продукты?

— Трехлетний запас. Патронов хватит на пять.

— А что там есть?

— Моржи, медведи и песцы. Метели, льды и туманы. Два зимних месяца полярная ночь. Людей нет—мы будем первыми.

— А цель экспедиции?

— Сохранить остров за Советским Союзом.

Он несколько минут рассматривает крупные клетки на своей кепи, словно желая увидеть в их простом узоре свое будущее, потом встает и молча протягивает мне руку.

Чувство взаимного понимани. родится в нашем рукопожатии.

Я уверен, что приобрел не только ценного сотрудника, но и хорошего товарища.

Еще меньше времени отнимает у нас выработка условий. Через полчаса мы уже принимаем на берегу собак, оленьи шкуры и снаряжение и кунгас за кунгасом отправляем на «Ставрополь».

Эскимосы узнав, что я беру Ивася, так они зовут Павлова, переделав по-своему его имя Иосиф, смотрят веселее. Вместо трех семей, изъявивших ранее желание переселиться на остров, я вербую шесть. Это все бедняки, которым нечего терять на материке. Охота в их районе последние годы была неудачной, и они вели жалкое, полуголодное существование. Уже по их багажу можно судить об этом. Все их имущество поместилось на один кунгас. Главную роль в нем играют грязные, изодранные и вытертые оленьи шкуры и до неузнаваемости проржавевшее старое оружие. А у некоторых и этого нет. Кивьяна без юрты, а Етуи без оружия. На шесть семей один вельбот, одна байдара, полторы упряжки собак и не больше полусотни патронов. По приезде на остров придется полностью снабжать необходимым инвентарем.

Прошли мыс Чаплина.

Завербовал еще три семьи эскимосов. Будущая колония на осторове Врангеля укомплектована. Она будет состоять из 60 человек. Из них 9 русских, остальные эскимосы.

4 августа 1926 г.

Рано утром прошли Уэлен. Здесь нам сообщили, что уже в начале мая лед отнесло от Чукотского полуострова к северо-западу. В районе мыса Северного море вскрылось в начале июня, и вскоре после этого льды ушли за горизонт. У Уэлена лед был в движении всю зиму.

Наши владивостокские предположения оправдываются. Путь к острову, очевидно, будет откр.ыт. Этого-то нам и надо.

Берем курс на NW и полным ходом идем весь день по чистой воде.

Ивася Павлов

5 августа 1926 г.

Льдов не видно. Днем у всех приподнятое настроение. Надежда на то, что мы достигнем острова растет с каждым часом, с каждым поворотом винта.

К вечеру мы уже на широте острова Врангеля. Меняем курс на W. Завтра Врангель!

6 августа 1926 г.

Стоп! Льды верно сторожат подступы к острову и просят с нцми считаться.

Вчера в 10 ч. 45 минут вахтенный увидел остров Геральд. Льдов не было. Цель казалось достигнутой. Но температура воды с каждым часом понижалась. С 7 она упала до 2 градусов. Около полуночи показались первые льдины. Точно лебеди, они гордо покачивались на волне. Каждую минуту мы замечали новые и новые льдины. Они как-будто сплывались посмотреть на дерзких пришельцев и скоро окружили нас со всех сторон.

На широте 71° 13 N и долготе 174° 40 W мы подошли вплотную к стене вечных льдов. Остров Геральд был от нас на расстоянии 19 миль.

Прежде чем входить во льды, решено было произвести в них разведку. Помощь «Юнкерса» теперь была бы незаменима. Но сегодня целый день резкий юго-восточный ветер, доходящий до 8 баллов. Море неспокойно, и спускать на волну гидроплан мы не рискуем. Решили обследовать кромку льдов с судна. Теплилась слабая надежда найти в них свободный проход к острову.

Капитан с момента появления первой льдины не сходит с мостика. Он бдителен, но спокоен. И его спокойствием заражается весь экипаж. Такое настроение как-то само собой создает твердую уверенность, что, несмотря на льды, мы на острове будем.

8 августа 1926 г.

Два дня, как я не открывал эту тетрадь. Два решительных дня!

«Ставрополь» стоит на якоре в бухте Роджерс. Мы на острове Врангеля. Я только что вернулся с берега. Сотни новых впечатлений.

Вчера в 1 ч. 30 м. мы снова взяли курс на кромку льда. В три часа опять увидели остров Геральд. Взяв курс на этот островок, «Ставрополь», перейдя 71° N широты, вошел в лед. Здесь преобладали сильно разреженные мелкие обломки полей. На расстоянии около 15 миль от о. Геральда мы, не встречая сколько-нибудь серьезных затруднений при продвижении во льдах, изменили курс на северо-восточную оконечность острова Врангеля и уже к вечеру не только подошли к острову в районе мыса Уэринг, но и продвинулись к мысу Гаваи. Здесь «Ставрополь» бросил якорь. Часто билось сердце каждого участника экспедиции, когда мы быстро подвигались к четко вырисовывающемуся берегу. Мрачными темными великанами береговые скалы дыбились над полосой прибрежных льдов, а на девственно белом фоне они казались еще угрюмее. Остров казался безжизненным.

Но чем ближе мы приближались к берегу, тем становилось яснее, что и на этом заброшенном во льдах острове жизнь бьет ключом. Вот с громким криком пролетела стая чаек. За ними, часто взмахивая крыльями, словно торопясь куда-то, пронеслась кайра. Над водой кружатся морские кулички. Рядом с кораблем показывается голова любопытного тюленя.

А это что? Моржи! Эскимосы уже бегут с ружьями и выстраиваются вдоль борта, готовые стрелять. Моржи неподвижными тушами лежат на льдине и не обращают внимания на наше приближение. Лишь время от времени какой-нибудь из них лениво подымает голову, посмотрит на нас и, очевидно, решив, что «Ставрополь»—мелочь, недостойная его внимания, снова томно вытягивается на льдине. Только когда мы приблизились к стаду метров на 150, звери тревожно подняли головы. Но тут загремели выстрелы эскимосов. Миловзоров и Савенко так же воспламенились и сыпят из автоматов. Собаки подняли вой и рвутся с цепей. На корабле страшный шум. Но звери быстро очищают льдину, и разгоряченные охотники смущенно смотрят на расходящиеся по воде круги. Однако, два моржа остаются на льду, и уже через десять минут их поднимают на палубу. Эскимосы торжествуют.

Шлюпка с «Ставрополя» забирает добычу

Перед мысом Гаваи льды стоят гуще, и движение корабля несколько затруднено. Возможно, что лед плотной массой прижат к южному берегу острова. Мы не хотим итти на риск и решаем высадить на берег пешую партию, чтобы обследовать состояние льда в непосредственной близости от берега.

Не успела шлюпка упереться носом в Галечную косу, как мы уже все были на берегу. Стая летных гусей с криком бросилась из-под наших ног. Вблизи кружились доверчивые пуночки. Вдали неподвижно сидело несколько полярных сов. Вода была словно посыпана савками.

Чувствовался разгар короткого полярного лета. Мы прошли около 20 километров вдоль берега, побывали в бухте Роджерса у флага, поднятого в 1924 г. Давыдовым. Лед в этом районе был несравненно гуще, чем на пройденном до сего времени пути, но проход в бухту Роджерс был вполне возможен. Поэтому, как только мы вернулись, «Ставро-

поль», снявшись с якоря, начал пробиваться сквозь лед. Здесь ледяные поля достигали площади 3 кв. километров, и очень часто попадались крупные обломки торосов. Эти огромные льдины, возвышавшиеся над водой на 8—10 метров, моряки назвали «барынями». «Ставрополь» с ними был очень вежлив и старался обойти их подальше, так как подол «барынь», скрытый под водой, часто далеко отходит в сторону и не безопасен для корабля. Иногда мы оказывались со всех сторон окруженными льдинами. Но «Ставрополь» врезывался между ними и, раздвигая, выходил из окружения. В полдень мы уже были у входа в бухту.

Такой успех превзошел все наши ожидания, а некоторые моряки были буквально разочарованы такой «недоступностью» острова.

Еще больше обескуражены пилоты. Нам так и не удалось выпустить их на разведку. Зато теперь они отводят душу. Уже через полчаса после остановки они взмыли в воздух и скрылись по направлению к бухте Сомнительной.

10 августа 1926 г.

Вчера начали выгрузку. В первую очередь вывезли на берег эскимосов с их скарбом и собаками. И уже к вечеру на необитаемом до сих пор острове вырос целый поселок. Сегодня заложили фундамент дома. Первый дом на острове Врангеля! Построен он был еще во Владивостоке и сюда привезен в разобранном виде. Каждое бревно, каждая балка и доска перенумерованы и теперь собрать его будет не трудно. Долго выбирали место для его постройки. Легче всего, конечно, было бы поставить его на косе. Но здесь лежит несколько бревен плавникового леса. Когда заливало косу и заливает ли теперь—вопрос неразрешимый, и поэтому решили поставить дом несколько выше.

Сегодня целый день густой туман, и наши пилоты бездействуют.

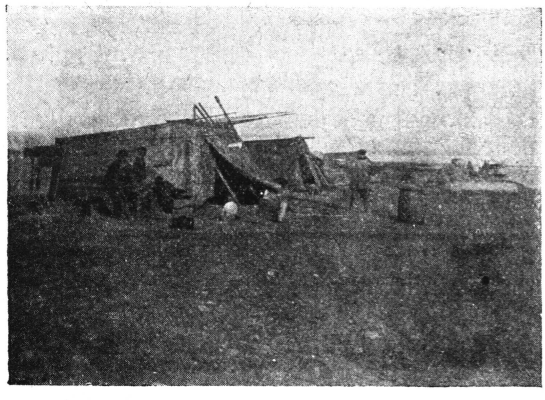
11 августа 1926 г.

Когда я подошел к «Юнкерсу», у него, как всегда, дежурила толпа эскимосов. Они никак не могут налюбоваться на эту птицу. Подходят, ощупывают, гладят, а потом часами просиживают около аппарата и молча рассматривают диковинку. Видно, что они ошеломлены.

До полетов они никак не могли поверить, что гидроплан подымется на воздух и будет там обгонять настоящих птиц. Скептические улыбки играли на их лицах, когда пилоты усаживались на свои места. Но вот затрещал мотор. Аппарат дрогнул, покачнулся и побежал по воде. С каждой секундой его скорость увеличивалась. Вода запенилась, за аппаратом появилась волна. Эскимосы замерли. Их глаза расширились. И вдруг почти все вскрикнули: «кай!» Стальная птица уже была в воздухе. Вот она делает крутой поворот и с рокотом проносится над кораблем. Эскимосы возбужденно лопочут, смеются и бьют в ладоши. Мы скоро теряем аппарат из вида. Но у эскимосов зрение оказывается острее. Они все еще, не двигаясь с места, показывают друг другу на невидимую для нас точку.

Это было позавчера. Сегодня я решил воспользоваться гидропланом для осмотра побережья острова. Эскимосы, узнав о предостоящем полете, сбежались к аппарату. Я спрашиваю их, не хочет ли кто-нибудь полетать со мной. Вижу, как загораются их глаза. Но тут же они смущенно опускают головы.

— Нет, начальник, сначала слетай ты. Мы боимся,—говорит Иерок. Они еще не доверяют диковинной машине.



Первые жилища, выросшие через несколько часов по прибытии на остров

Я сажусь в кабину, и через несколько минут наш аппарат уже в воздухе. Быстро проносится внизу бухта Роджерс, далеко остается мыс Гаваи, мелькают внизу ледяные поля; на высоте тысячи метров мы огибаем скалы Уэринга, и перед нашими глазами открывается весь северный берег острова. Он низменный и весь опоясан почти непрерывным рядом кос.

Вид моря с высоты лишний раз напоминает об удачном достижении острова. Очевидно, этот год исключительно благоприятный для плавания. Сегодня с восточной стороны острова лед располагается полосою в 10—15 миль. Он еще больше редок, чем во время прохода «Ставрополя». К северу от острова чистое море. В надежде увидеть льды на горизонте, мы забираем высоту до 1800 метров, но безрезультатно. Шестикратный «Цейс» четко вырисовывает совершенно чистый горизонт. Льдов нет.

Но что эта за островки внизу? И сколько их? Один, два... пять, десять, двадцать... С каждой минутой взгляд ловит новую и новую точку. Мы летим не более двадцати минут, а я уже насчитал шестьдесят пять штук. Откуда они?

Заинтересованный, я даю пилоту сигнал о снижении и показываю на группу островков. Аппарат круто идет вниз. Я, не отрываясь от бинокля, слежу за центральным островком. С каждой секундой он растет, ширится и вдруг... начинается шевелиться. Моржи! То, что я принял за островки, оказывается, огромные льдины, усеянные моржами. Сколько же здесь зверя? Тысячи! Вот самая «маленькая» льдина и на ней не менее двухсот моржей. А с другой, площадью около квадратного километра, уставилось на нас минимум пятьсот голов.

Гидроплан, словно зачарованный, делает несколько кругов над моржами. Они подняли головы и следят взглядом за невиданной гудящей птицей. Но не уплывают. Вдруг аппарат круто снижается. Несколько упругих толчков—и мы скользим по воде между двумя стадами. Что случилось? В кабину просовывается рука Кальвица. В ней записка:

«Пара клыков была бы хорошей памятью о первом полете над Врангелем».

Разве можно не согласиться? Я киваю головой и, вооружившись камерой, вылезаю на правое крыло. На левом уже лежит Кальвиц с маузером. За рулем Федукин. Аппарат быстро несется к стаду. Я стараюсь удержаться на выгнутой поверхности. Напором воздуха камеру рвет из рук. С трудом делаю несколько снимков.

Звери почуяли опасность. С изумительным проворством они бросаются в воду. Но поздно. Заглушая треск мотора, гремят выстрелы Кальвица. Один морж остается лежать на льдине. Счастливый охотник бросается к рулю и подводит аппарат к добыче. Забыв об ушедшем стаде, мы с увлечением фотографируем со всех сторон убитого моржа и спокойно принимаемся за препарирование головы. Но скоро принуждены бросить работу. Стадо, показавшееся на воде метрах в 400 от нас, подымает рев. Словно по сигналу, звери с близлежащих льдин с таким же ревом покидают свои ложа и присоединяются к потревоженным товарищам. Теперь их уже несколько тысяч. Мы сначала с любопытством наблюдаем за этим сбором и отпускаем шуточки на счет моржевой общественности. Но скоро их общественность начинает нас тревожить. Чем больше собирается стадо, тем смелее становятся звери. Тем ближе подходят они к нам. Вот группа их штук в пятьдесят—все матерые самцы с огромными клыками—вынырнула уже в сотне метров от гидроплана. Их маленькие глаза налиты кровью. С угрожающим ревом они плывут к аппарату. А если они доберутся до него? Сколько ударов их клыков потребуется для того, чтобы разбить поплавки? Да одного хватит, чтобы привести аппарат в негодность. Стало ясно, какую опасную игру мы начали. В голове мелькает: «Разбитый аппарат... на пловучей льдине... ледовитый океан.. смерть». Хватаем ружья и делаем залп в воздух. Тишину сменяет

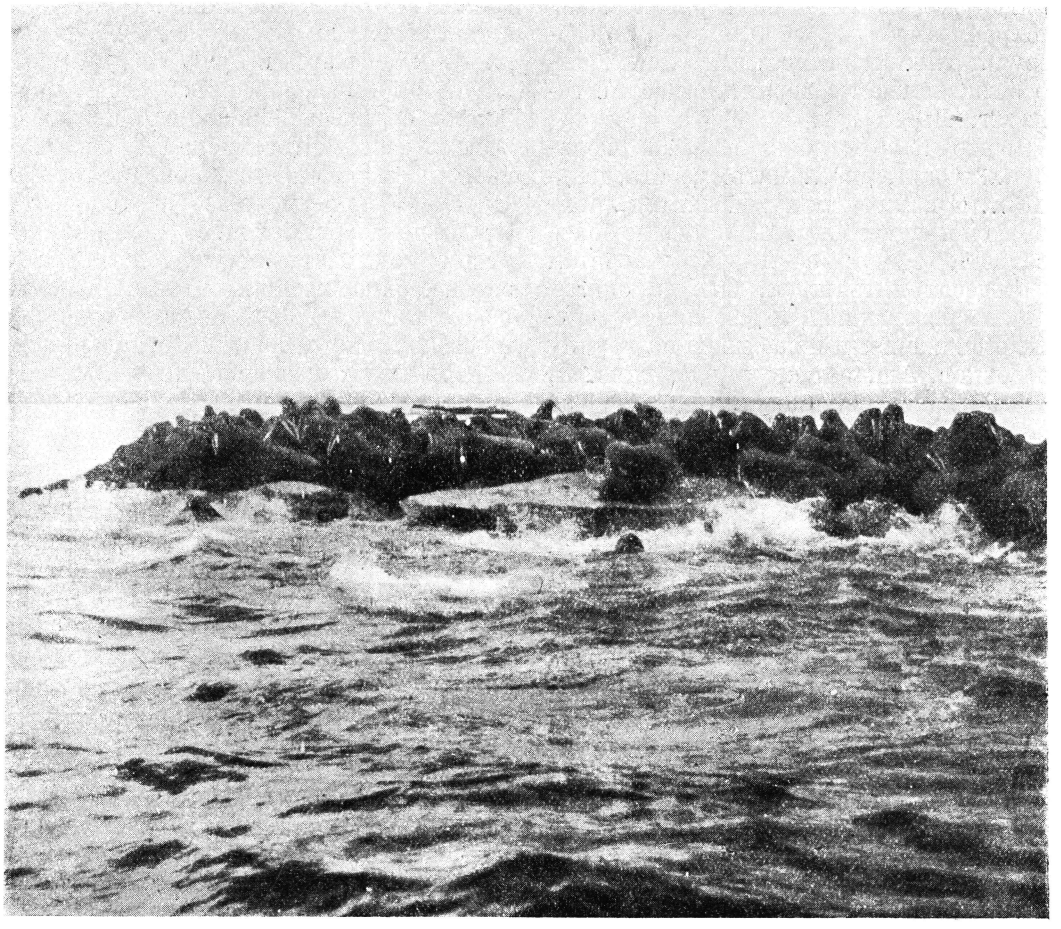
оглушительный рев. Звери скрылись под водой. Минута... другая.. Мы уже успокаиваемся. Но вдруг сбоку снова рев. Несколько моржей в 30 метрах от аппарата. Еще мгновение—и все стадо движется к нам с другой стороны. Снова залп в воздух. Но он уже не пугает рассвиреневших животных. Открываем огонь по ним. Вокруг ближних вода окрашивается в красный цвет. Раненые ныряют, но их место занимают новые. Звук выстрелов тонет в реве зверей. Но пули делают свое дело. Раненые сворачивают в сторону. Стадо на минуту задерживается на месте и потом мгновенно уходит в воду. Ожидая нового приступа, торопливо набиваем магазинные коробки.

Но проходит не менее пяти минут, пока наши противники опять показываются на воде. На этот раз они вышли в полукилометре от нас. Мы поняли, что бой окончен, и облегченно вздохнули.

Отрезав, наконец, голову убитого моржа и погрузив на память в кабину, опять подымаемся на воздух и, обогнув остров с западной стороны, возвращаемся в бухту Роджерс.

Эскимосы, услышав о наших приключениях, укоризненно покачивают головами и ворчат:

— Сыглагок! Сыглагок! (Плохо! Плохо!) Они знают характер моржей и никогда не нападают на большое стадо.



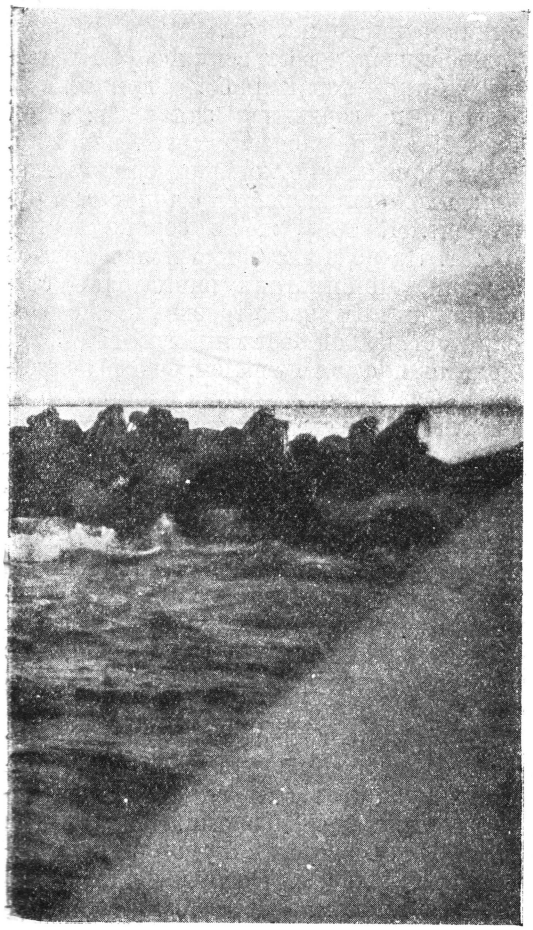
Большое стадо моржей на пловучей льдине

14 августа 1926 г.

Завтра заканчивается выгрузка всех наших продуктов и снаряжения. Сруб дома уже выведен, и сегодня кроем крышу. Почти все время стоит туман, и я не могу использовать гидроплан для посещения острова Геральда.

Морякам хочется поскорее покинуть Арктику. Да и самому мне хочется, чтобы корабль поскорее вышел из ледяной зоны, так как появление больших масс льдов может оставить его на зимовку.

Сейчас говорил об этом с Миловзоровым, и решили, что завтра «Ставрополь» должен оставить остров Врангеля.



Часть крыла самолета

На льдине у убитого моржа

15 августа 1926 г.

«Ставрополь» уходит. К обеду закончена выгрузка последних ящиков. Работавшие на постройке дома члены экипажа уходят на судно. Пароход почистился, помылся.

Тороплюсь написать краткие сообщения о проведенной экспедиции.

Состояние погоды так и не позволило мне использовать гидроплан для посещения острова Геральда. Даю письменное задание П. Г. Миловзорову на обратном пути посетить этот островок, поднять на нем наш флаг и исполнить все формальности.

Еле успеваю написать коротенькие записки своим друзьям.

Кают-компания заполняется народом. Предстоит прощальный обед. Приглашают к столу. Много приложено сил, чтобы сделать этот обед парадным. Чистые скатерти, несколько бутылок вина и бокалы придают столу праздничный вид. Члены экипажа оживлены. В глазах у них горит огонек радости. Стараемся и мы быть им в тон, но как-то не выходит. Мои чувства двоятся. С одной стороны, сознание выполняемой задачи закрепления острова за Советским Союзом родит бодрое чувство гордости.

Я принимал и принимаю в этом участие. Я снаряжал экспедицию, был ее руководителем, и мне же придется в течение нескольких лет держать на острове красное знамя великого Октября. С другой стороны, когда смотрю на

этих людей с огоньком радости в глазах, в глубине души родится чувство зависти к ним. Они сегодня уходят из ледяных объятий полярного севера. Плывут к солнцу, к зеленым деревьям, к ярким цветам. Они возвращаются к той жизни, отсутствие которой я уже чувствую. Снова окунутся в шум городов. Услышат новые и новые лозунги революции. Будут чувствовать ее мощную поступь. Они опять станут в ряды строителей омоложенной страны.

Когда-то я снова услышу о моей родине? Когда опять почувствую пульс ее бурной жизни?

Так двоятся мысли. В воображении то проносятся захватывающие картины будущей борьбы с полярной природой, то мысль снова летит на родину, и в глубине души растет грусть.

После обеда прохожу в кубрик. Здесь собралась вся команда. Разъясняю возлагаемую на экипаж задачу по заходу на о. Геральд и говорю несколько прощальных слов. Со всех сторон тянутся мозолистые руки моряков. Крепко жму их.

Из машинного отеделения дают сигнал о готовности... Густо гудит третий гудок... Мерно стучит лебедка, вытягивающая якорь.

Мы сходим на байдары. Рука невольно задерживается на трапе. Но и эта нить рвется.

«Ставрополь» делает крутой поворот и выходит из бухты.

Еще несколько прощальных гудков— моряки желают нам счастливо оставаться. Отвечаем выстрелами из кольтов. Вижу, как жена Савенко вытирает навернувшуюся слезу.

«Ставрополь», лавируя между крупными льдинами, уходит вдоль берега на восток. В течение часа наблюдаем, как он постепенно удаляется и, наконец, скрывается за мысом Гаваи.

Когда-то снова увидимся?..

Долго сидим у костра, строя планы и перебирая всевозможные в будущем положения. И еще дольше не можем заснуть в своих временных жилищах-палатках. Что-то гонит сон. То ли свет полярного дня, с которым все еще не можем освоиться? То ли мысли, навеянные разлукой с товарищами?

16 августа 1926 г.

Теперь за работу. Силы все налицо, и помощи ждать неоткуда. А работы ой как много! У дома выведены стены, настланы полы и двойной потолок и покрыта крыша. Нет ни дверей, ни окон, ни одной кладовой; совсем не начаты внутренние работы; нет печей... То есть остается не больше не меньше, как сруб дома приспособить к зимовке в Арктике.

Все продукты и товары в беспорядке лежат на берегу. Здесь же и склад в виде груды леса и очень аккуратных пачек оцинкованного жѣлеза.

Мобилизовал всех эскимосов. Работают охотно—новая работа привлекает. Некоторые горделиво заявляют: «Мой плотник». Но работа клеится неважно. Руки, привыкшие хорошо держать гарпун, плохо справляются с топором и рубанком. К тому же в сорока шагах бухта. На воде частенько показываются тюлени. «Мой плотник» внимательно следит за ними и, засмотревшись, часто не замечает, что он бьет мимо гвоздя. Когда молоток попадет на палец, он отрезвляется и сосредоточивается на работе. Но не надолго. Вот его глаза уже снова скошены на бухту. Я вижу, как он на мгновение замирает, потом срывается с места, хватает винчестер и, почти не целившись, стреляет в зазевавшегося тюленя. На грохот сбегается вся колония и десять—пятнадцать минут идет возбужденное обсуждение неудачного выстрела.

Так идет наше строительство. Но ничего, осилим!

17 августа 1926 г.

До обеда работа идет нормально, поскольку вообще эскимос в состоянии нормально работать. Но после обеда происходит неожиданный перерыв. Я был внутри дома. Вдруг сверху с шумом слезают несколько человек. Возбужденные эскимосы с криком: «Морса, айвохляк, айвохляк, морса» окружают меня. Подоспевший Павлов разъясняет мое не-

доумение. Оказывается, за косой показались моржи, и охотники просят разрешения поохотиться. Я боюсь, что мы уже пропустили сезон охоты на моржа, и поэтому разрешаю бросить работу. Скоро за косой идет оживленная перестрелка. Через полтора часа охотники возвращаются с двумя моржами. Особенно удачной охоту признать нельзя. Объясняется это тем, что охота происходила не на льду, а на воде, где убитый морж сразу тонет, если охотник не успеет взять его на гарпун. И на этот раз несколько моржей утонуло.

Первой пришла байдара Таг'ю. К моему приходу байдару уже разгрузили, и мясо лежало на берегу. Но странно—я не нахожу головы. На мой вопрос Иерок показывает на юрту Таг'ю. Подхожу ближе. В дверях юрты разостлана старая шкура, и на ней, мордой внутрь, лежит голова моржа. Между ноздрями зверя кожа разрезана. Оказывается, это для того, чтобы морж не уходил в море, а шел к охотнику. А чтобы он не услышал запаха человека, Таг'ю разрезал ему нос.

18 августа 1926 г.

Сегодня целый день дует слабый южный ветер, и все окутано густым серым туманом.

Наши работы продвигаются. Закончили потолки и перегородки и вставили часть рам. Днем приливом внесло в бухту убитого моржа. Надо думать, из числа утонувших во время вчерашней охоты.

19 августа 1926 г.

С полуночи подул северный ветер. Температура сильно упала, и к утру замерзла вода в умывальнике, а в ручейке образовалась тонкая корка льда. С обеда начинается снег и шквалами продолжается до вечера. Север просит не забывать о нем.

Форсирую работы. Несколько человек, во главе со Скурихиным, перевожу на постройку склада. Савенко уже перебрался из палатки в свою комнату и теперь мечется от дома к складу. Но несколько «авторитетных» указаний и перебранок с более сведущим в постройке Скурахиным расхолаживают его пыл.

21 августа 1926 г.

Вчера северный ветер настолько засвежел, что заставил прервать постройку склада. Сегодня с утра ясная, тихая погода. Температура подымается до 12°, но к обеду начинается южный ветерок и нагоняет густой туман.

Типичный вид косы на острове Врангеля

Закончил работы в своей комнате и вечером начинаю распаковывать вещи. Собирается целая толпа посмотреть на диковинки. Моя радость и забота — библиотека не производит никакого впечатления на зрителей, и они молча наблюдают, как я с любовью распределяю книги по полкам. Когда же я начинаю вынимать из чемоданов различные блестящие металлические вещи, то при появлении каждого предмета раздается дружное «Кай! Кай!»—возглас удивления и восхищения.

«Кай! Кай!» достигает эпогея, когда жена вытаскивает небольшого гуттаперчевого пупса.

На ночь остаемся в доме, но... отнюдь не в тепле. Печей еще нет, а кухня без окон и дверей.

23 августа 1926 г.

За вчерашний день сильно продвинули постройку склада. Но сегодня работа мучительна. Дует сильный северный ветер. Люди еле держатся на высоких стропилах. Уже поднятые наверх листы железа подхватываются ветром и уносятся далеко от постройки. Север хмурится — можно ожидать дальнейшего ухудшения погоды, и, чтобы спасти продукты, необходимо работу продолжать. С мучительными усилиями, шаг за шагом, лист за листом, обшиваем склад. К вечеру все наши силы становятся ничтожными по сравнению с разыгравшимся ветром. Люди не в состоянии держаться наверху, и работу приходится остановить.

24 августа 1926 г.

Ночью ветер сорвал наши палатки. Одному Аллаху известно, каким чудом уцелел незаконченный обшивкой склад. К утру ветер стих, и снова есть возможность продолжать работу.

Днем подымался на одну из невысоких вершин, лежащих против колонии. На юг совершенно чистое ото льда море. Даже нет ни одной из тех отставших от льда крупных льдин, что в течение последней недели покачивались на воде. За мысом Гаваи, на востоке и далеко к западу, видны большие массы торосистого льда, очевидно, принесенного свирепствовавшим северным ветром. Но всего удивительнее картина открывается в глубине острова. В то время как выпавший 19 августа на южном берегу снег назавтра уже исчез, вся северо-западная гористая часть острова совершенно бела от снега. Повидимому, там снег улегся основательнее.

Наш дом все более и более приобретает вид обитаемого места. Сегодня можно отметить целое событие—из трубы тонкой струйкой вьется дымок. Это Савенко затопил свою печь.

Вечером сильно падает температура. Выйдя после ужина помочь Павлову накормить собак, я заметил на тундре блестящие кристаллы, а подойдя к ручью, увидел, что он уже успел покрыться двухмиллиметровой коркой льда. Эта маленькая льдина заставила меня содрогнуться. Теперь она была для нас страшнее всех льдов Арктики. Дальнейшее ее утолщение, т. е. понижение температуры за одну ночь, приведет к негодности наш ценнейший провиант: молоко, чеснок, картофель, лук, фруктовые консервы и т. д. Необходимо защищать свою жизнь против этого столь маленького и хрупкого, но грозного врага. Зову эскимосов и переношу, что можно, в дом, а остальное тщательно укрываю распакованными оленьими шкурами.

25 августа 1926 г.

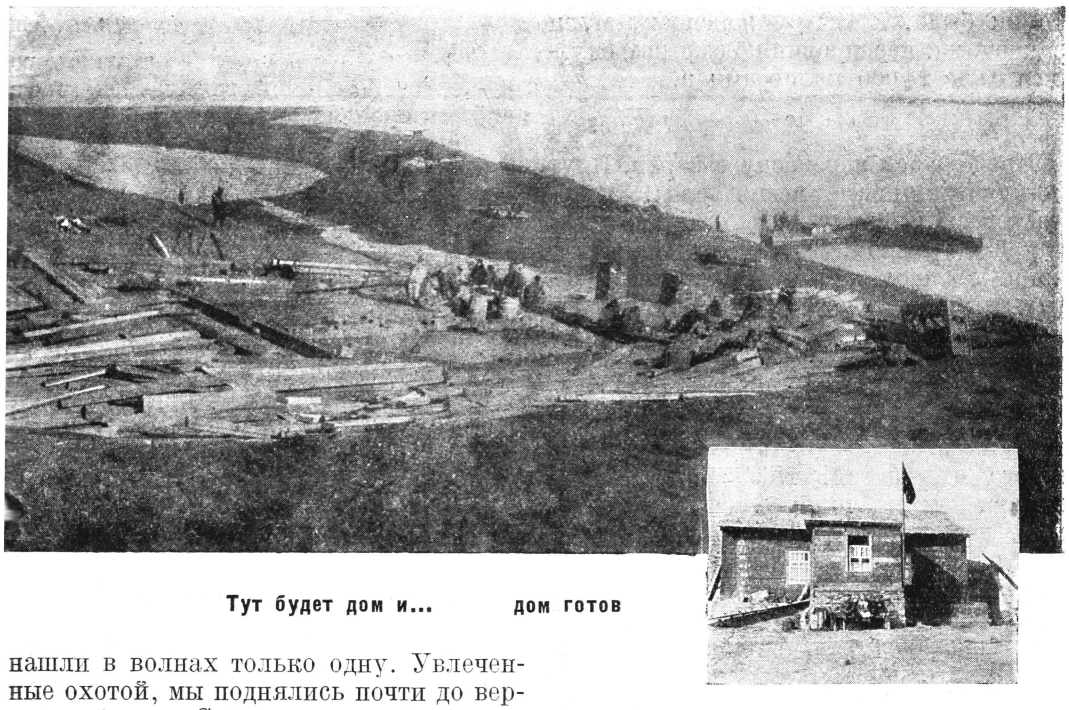
Сегодняшнее утро лишний раз показало, насколько необходимо быть внимательным. Не заметь я вчера двухмиллиметрового врага или не придай ему значения, сегодня мы были бы уже без необходимейших продуктов. Лед в ручье едва не достиг $2^1/_2$ сантиметров.

К вечеру имеем новые достижения в нашем строительстве—дымят все печи.

26 августа 1926 г.

С утра легкий южный ветер к обеду переходит в свежий западный. Шквалами налетает сырой туман. Закончили постройку склада.

В пять часов вечера выезжаю с Таяной и Аннакулей на байдарке в бухту в надежде настрелять уток, но охота идет из рук вон плохо. Из десятка сбитых уток



Тут будет дом и... дом готов

нашли в волнах только одну. Увлеченные охотой, мы поднялись почти до вершины бухты. С 7 часов начала падать крупа, и скоро весь берег побелел. То-и-дело накрывает непроглядный туман. Уже скоро полночь, а мы все еще болтаемся на байдарке. Ветер засвежел; байдарку подбрасывает волнами. С трудом продвигаемся против ветра к колонии.

В темноте влево от нас вдруг блеснул огонек, и до нас донесся звук выстрела. Что это? Галлюцинация? Кто может в эту непроглядную тьму выехать в разгулявшуюся бухту? Да и зачем? Но вот опять огонек и за ним, уже ближе, звук выстрела. Я стреляю—и снова ответный огонек. Меняем курс, поскольку это возможно, так как достаточно на мгновение поставить байдарку вдоль волны, чтобы никогда больше не сесть в эту вертлявую посудину. Скоро в темноте вырисовывается белый парус, и через несколько минут мы, балансируя и выбивая зубами дробь, перебираемся на вельбот Иерока. Оказывается, эскимос, обеспокоенный нашим продолжительным отсутствием в такую дурную погоду, поднял на ноги всю колонию и, собрав охотников, попутно захватив и мою жену, отправился на поиски. Я до глубины души тронут таким вниманием этого маленького человека. Очевидно, он не даст погибнуть, пока из его рук не исчезнет последняя нить к нашему спасению.

27 августа 1926 г.

Снег, выпавший в ночь, к 9 часам уже исчез. Вчерашний западный ветер выдвинул на горизонт крупный лед, но сегодня дует легкий северный, и лед снова исчезает из вида.

Начали переноску товаропродуктов в склад. Первым делом взялись за муку. Работа идет дружно. Но к концу дня приходится сделать вывод, что продолжительная физическая работа не по плечу эскимосу. Утомление приходит очень скоро. Сегодня в начале дня каждый работник брал по три кулька (каждый около 25 *кг*) и даже наиболее слабый Нноко никак не соглашался нести меньше трех, а Кивьяна ухитрялся нагружать на себя до пяти штук. Но через несколько часов нагрузка как-то незаметно уменьшилась до двух, а к вечеру носили уже только по одному. Как бы

то ни было, к вечеру переноску муки закончили, переправив под крышу склада свыше 24 000 килограммов.

28 августа 1926 г.

Продолжаем переноску товаров. Идут 96-килограммовые мешки риса. Выручает всех Кивьяна, легко шагающий с такой нагрузкой. За ним, подгибаясь и сопя, медленно подымается на бугор коренастый Кмо. Остальные или помогают им нагружаться, или выбирают груз полегче. Нноко до обеда совсем не появляется.

Надо думать, что 96-килограммовые мешки играют доминирующую роль в его отсутствии. После обеда я замечаю, как он, появившись среди рабочих, незаметно нагружает себя огромным ящиком и легко подымается к складу. Заметившие это эскимосы провожают его радостными возгласами. Но большой ящик оказался с очень легкой колонкой для ванны, почему так легко и нес его Нноко. А выбрал он его, конечно, неспроста. Дело в том, что эскимосы с большим уважением относятся к физически сильным людям, особенно во время общих тяжелых работ. Самое оскорбительное ругательство «кияхсито пихляхе», наряду со значением бобыль, растяпа не умеющий жить, очень часто раздается и по адресу слабосильного. Поэтому первой и постоянной заботой каждого эскимоса является забота о том, чтобы не показать себя слабым. Вот почему Нноко выбрал громадный, на вид очень тяжелый ящик.

Перед вечером в бухту забрался лахтак (тюлень). Очевидно, привлеченный движением на берегу, он настолько приблизился к нам, что первая пуля Таяны разбила ему череп.

29 августа 1926 г.

Сегодня убрали в склад остатки товаров. Вечером идет выдача эскимосам шкур и оленьих лапок для юрт, одежды и обуви.

Наблюдая за эскимосами, я замечаю, как несколько прекрасных оленьих лапок переходят из рук в руки. Когда они появляются в куче, резко выделяясь среди других своим качеством, за ними моментально тянется чья-нибудь рука, но почти в тот же момент лапки летят снова в кучу; переходят в другие руки и с тем же результатом. Мое недоумение разъясняет Кмо. Оказывается, мездра этих прекрасных лапок пропитана кровью, а это, по его мнению, является верным признаком того, что лапки содраны с оленя, задавленного волком. Если сшить из таких лапок обувь или брюки, то нерпа и морж услышат запах волка и будут уходить от охотника. Лапки так и остались в складе—доказательство того, что все эскимосы разделяют мнение Кмо.

30 августа 1926 г.

Эскимосы начали постройку зимних юрт. Работа не сложная и через несколько дней будет окончена.

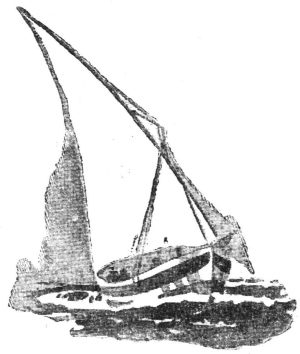
Наш квартирный вопрос надо считать разрешенным. Пусть полюс шлет свои метели. Пусть крепчает мороз. Теперь мы уже не боимся двухмиллиметровой корочки льда. Обеспеченные продуктами, в теплом доме, мы чувствуем себя увереннее.

А наш дом должен быть теплым. Построенный из сухого леса, с двойным полами и потолком, обшитый внутри толем, войлоком и цыновками, он представляет как бы закупоренную шкатулку.

Г. УШАКОВ

(Продолжение в февральской книжке)

ПРАНГИ



ЛУКА ЛУГОВИК

Рисунки В. М.

Ничтожный промах может привести к провалу. Лука Луговик в отрывках из своих воспоминаний (которые полностью выходят отдельной книгой) рассказывает о революционной борьбе на Балканах, требующей большой предусмотрительности и находчивости от революционеров.

Игра идет нашему козырю в масть

В путь! В путь!

Мой приятель сухощавый и горбоносый турок Гассан нетерпеливо шагал по комнате. Я знал его привычку в минуты волнения бегать из угла в угол и не говорить, а почти кричать. Он, коверкая русские слова и перемежая их турецкими, торопливо доказывал необходимость принять его предложение.

— Обожди, обожди, дорогой, надо подумать.

— Думать нечего. Поздно будет!— Гассан провел ладонью по черным, коротко остриженным волосам.

На вид ему можно было дать лет тридцать. Мускулистый, жилистый, он производил впечатление человека деятельного, решительного, смелого, не останавливающегося перед препятствиями и не стесняющегося в выборе средств при осуществлении задуманного. О том же говорили и руки: пальцы у него были короткие, узловатые, нервно дергавшиеся. Быстрые и внимательные глаза прятались в глубоких впадинах.

— Вперед! Вперед!—твердил он.

Нам предстояла задача во что бы то ни стало пробраться из Турции в Болгарию,из Константинополя в Софию. Дело было весной 1925 года. В Болгарии назревали серьезные события. Необходимо было действовать. С тех пор как власть попала в руки фашистов, страна переживает тяжелый и длительный кризис, приведший к внутренним потрясениям и кровопролитиям. На фашистский переворот в июне 1923 года крестьянские и рабочие массы ответили восстанием. Оно было подавлено со всей свирепостью торжествующей военщины. В сентябре вспыхнуло новое восстание, также подавленное. Мы знали, что болгарские рабочие и крестьяне, несмотря на неудачи двух предыдущих восстаний, готовились к новому, и мы торопились.

Если бы меня и Гассана не разыскивала турецкая полиция, наше предприятие не было бы трудным. Но мы ночевали на нелегальных квартирах, пуская в ход весь арсенал различных уловок подполья, чтоб обмануть бдительность полицейских агентов.

— А если все-таки попробовать по фальшивым паспортам, а?— я посмотрел на Гассана.—Может быть, и выйдет?

Гассан замахал на меня руками.

— Нет, нет, в таком случае нам не миновать ареста на пристани при посадке на пароход.

— А пешком через границу? До Адрианополя доехать по железной дороге, а там...

— С оружием?—он негодующе покачал головой.—Не зная дорог, местности, языка, с ненадежным проводником, без хороших паспортов и виз? Нет, это гиблое дело...

— Что же ты предлагаешь?

Гассан пожал плечами.

— Переправиться на фелюге. У меня есть надежный человек, мой родственник. Он недорого возьмет. Мы ночью выйдем из Босфора, а на рассвете или перед рассветом...

— Ладно, по рукам.

★

— Фью, фьюи-ить.

Изредка пересвистываясь, мы шли в темноте на расстоянии шагов десяти—двадцати друг от друга. С нами был уже третий—болгарин Дмитрий, проводник.

Дмитрий, поджарый шатен с серыми навыкат глазами, поразил меня сметливостью и уменьем внушать доверие людям. Он называл себя террористом, членом партии земледельцев. По его словам, он возвращался на родину для того, чтобы снова принять участие в активной работе своей партии.

Человек, которому грозила смертная казнь, был нам удобен. Мы могли рассчитывать, что при аресте он будет стараться не расшифровывать себя и не выдаст нас. К его недостаткам относилась неприятная привычка без надобности лгать и преувеличивать. Но мы не посвящали его в свои планы и утешали себя тем, что отделаемся от него по прибытии на место.

— Фью, фью-ить!

Пригороды Константинополя остались позади. Дорога шла по берегу Босфора, то припадая к самой воде, то круто поднимаясь. Позади горели огни Перы, Галаты, Стамбула. Подмигивал одним глазом пловучий маяк у Скутари и, точно рои звезд, светились гирлянды электрических фонарей на азиатской стороне—в Гайдар-Паша, Кадыкее и Моде.

Обойдя дачные поселки, мы добрались до деревушки Финеры, у Финерского маяка, близ устья Босфора. Там мы разделились: Гассан отправился для переговоров к рыбакам-фелюжникам, я и Дмитрий залегли в кусты.

Шли томительные минуты. Мы знали, что в деревне имеется жандармский пост.

— Ффью-ить!

Наконец-то; из темноты вынырнул Гассан и за ним темная даже в темноте фигура.

Через минуту мы крались в темноте к берегу, где за выступом скалы ждала нас фелюга.

Было тихо. Светились огни в окнах домов, булькала вода. Волны лениво выплескивались на берег, шурша и облизывая холодным языком прибрежный песок и скалы. Пахло водорослями, солью и смоленым канатом.

— Жандармы сидят и играют в карты,—сообщил рыбак, выходивший на разведку.—Пора.

— Айда, айда! Алла, алла, еи хава вер бана (господи, дай хорошую погоду). Наш капитан турок Абдулла разулся и шел в холодную воду. Молча мы повторяли его движения. Переправа началась. Осторожно пробрались к борту фелюги, влезли в нее и легли на дно. Нас, точно товар, накрыл старый парус.

Скрипели уключины. Чтобы не было слышно всплесков воды, весла были обернуты тряпками.

Под парусом было душно, тревожно невмоготу. Я приподнял его край и выглянул. Фелюга отошла от берега только метров на тридцать. Время медлило и как бы испытывало нас. Первые минуты были невыносимо длительны. Выглянув из-под паруса, я еще явственно увидел берег, белый домик с открытыми окнами, за которыми четыре жандарма попрежнему играли в карты. Форменная шапка у одного была сдвинута на затылок. Повидимому, он был очень возбужден: ходил с козырей или бил по банку.

— Ну, как?—шопотом спросил Дмитрий, когда я снова опустил брезент.

— Ничего, игра идет нашему козырю в масть.

Проклятая луна

Через час впереди мелькнули огни маяков Румели и Анатоли-Кавак. Чернела громада берега. Мы подняли парус, и фелюга стала похожа на птицу с одним крылом. Она ныряла, точно подстреленная, едва не черпая воду одним бортом...

Но это была свобода. Мы вылезли из-под брезента и жадно вдыхали терпкий морской воздух. Константинополь остался позади, потерялся во тьме...

★

Штиль, мертвый штиль...

Море лоснилось под лучами весеннего солнца, как жирное серебро. Ночного ветра, который гнал нашу фелюгу, не было и в помине. Тишина... Мы одни в море, еще недалеко от берега, оставленные попутным ветром в старой безжизненной фелюге. Однокрылая вчера, она была сейчас бескрылой и жалкой.

— Вон там мыс Кара-Бурну,—показывает капитан Абдулла.—Около Мидии мы.

— Чей берег?

— Турецкий.

— Очень населенный?

— Нет, довольно пустынный. Здесь есть места, где наши рыбаки останавливаются в непогоду. Можно без особой опаски подойти к берегу.

Фелюга без мотора—жалкое зрелище. В штиль она совершенно беспомощна.

— Нам не добраться до берега.

— Ничего, может быть, догребем.

Трое налегли на весла.

Взмахи, взмахи, взмахи... Скрипели уключины и пазы руля. Горели ладони гребцов. Медлительность, с которой приближался берег, раздражала.

А позади за кормой пузырчатый водоворот заплетал водяную косу...

Капитан Абдулла знал тихую заводь. Там пришлось отсиживаться пять дней: погода не менялась, море лежало почти бездыханным, как в бреду, вздыхая коротким всплеском прибоя. Ночь приносила бриз, но он повергал нас только в бешенство отчаяния; над нами, над морем, над скалами, как часовой, стояла огромная луна. Она выкатывалась багровая из моря, едва заходило солнце, и заходила, когда на востоке уже белела заря. Днем было солнце, было светло и не было ветра. Ночью проходил легкий ветерок, но луна преграждала путь к бегству. Луна плыла, а мы стояли. А, ведь, плыть-то должны были мы. И в бессильном бешенстве мы проклинали эти чудные лунные ночи, которыми где-то любовались другие, быть может, и вы. Нашим союзником была тьма, но она медлила и не приходила.

На пятый день у нас кончился хлеб. Проклятый штиль, проклятая луна.

Капитан Абдулла послал одного из матросов—Киазима—за хлебом в село за 10 километров от стоянки. Но матрос возвратился с пустыми руками.

— Я не вошел в село—там есть жандармы.

Это значит, что в перспективе голод. Это значит, что пересекать Черное море придется, подтянув ремни на животе.

Ночью подул попутный ветер. Луна пошла на ущерб и замешкалась. Торопливо мы подняли парус.

★

Кромешная тьма. Ни зги не видно. Капитан Абдулла сидит у руля и напряженно всматривается туда, где должен быть берег.

— Как дела?

Он ворчит что-то сквозь зубы:

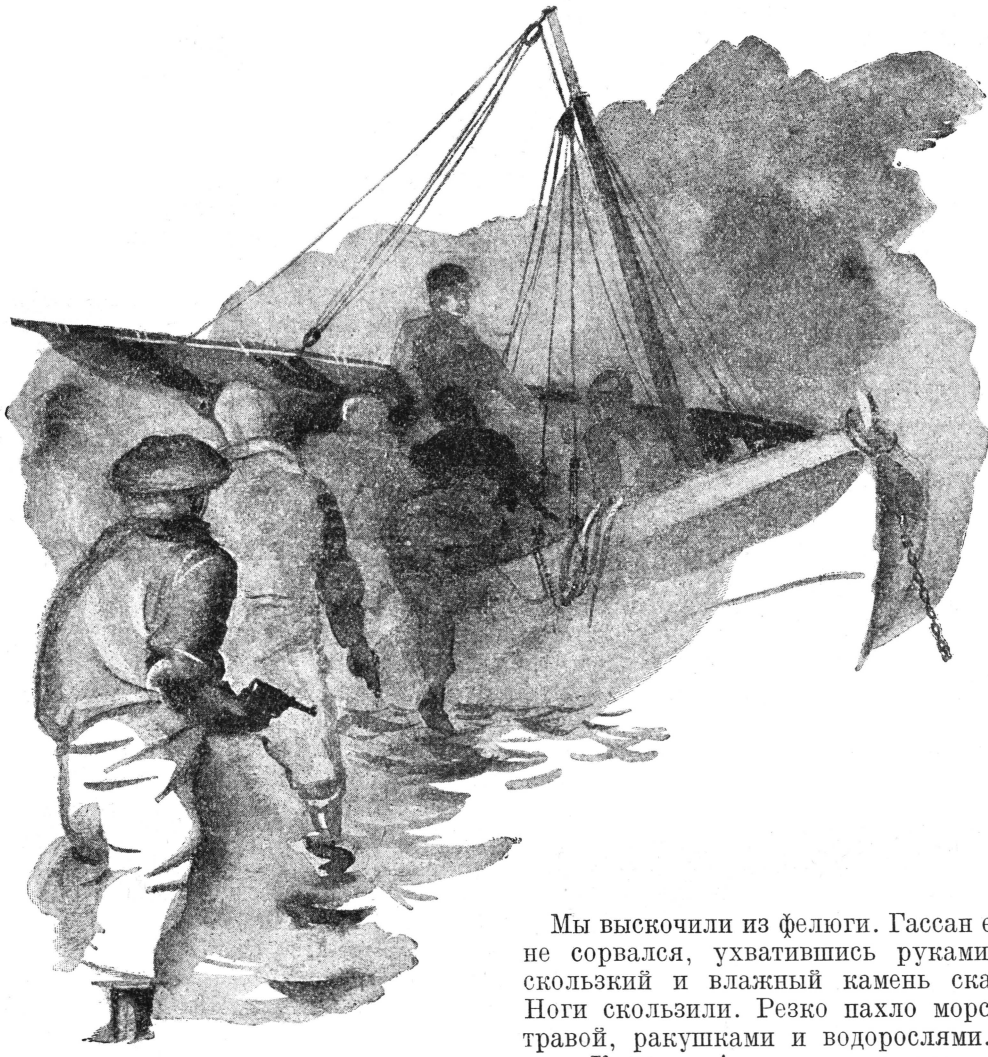
— Сойле бойле (так себе)...

Мы прошли уже устье реки Разы,—она разделяет турецкую и болгарскую границу. Пройдем немного дальше, будем неподалеку от города Охтополя.

Я мысленно старался представить себе карту Болгарии.

«Охтополь, Охтополь?—вспоминал я.—Это южнее или севернее Бургаса?»

— Это первый город в сторону Бургаса от турецкой границы,—объясняет Абдулла.



«В какую же сторону мы пойдем, когда высадимся, вправо или влево? Если мы будем забирать вправо, то ошибки не будет: так или иначе мы будем удаляться в глубь страны. А что будет влево? Все зависит от проводника. Все: наша жизнь, успех и неудача».

Приближался шум прибоя. Чернел берег, высокий, скалистый. Мы шли вдоль скал, выбирая место для посадки.

Резкий толчок. Ударились носом о скалу.

— Яваш, яваш! (Понемногу, понемногу!)—почти шопотом командует капитан Абдулла.—Айда, айда! Выходи, выходи!

Мы выскочили из фелюги. Гассан едва не сорвался, ухватившись руками за скользкий и влажный камень скалы. Ноги скользили. Резко пахло морской травой, ракушками и водорослями.

— Кысметлы!—донесся до нас голос капитана Абдуллы, уже слабый, точно эхо.—Желаю счастья.

Фелюга быстро растворилась в темноте. Мы остались на берегу одни.

Налево или направо?

С трудом мы карабкались по скалам. Открылось холмистое поле и вдали небольшой лесок.

— Дмитрий, ты знаешь направление?

Дмитрий начинает клясться и божиться, что эти места им десятки раз были исхожены во время войны, что здесь он переправлялся через границу.

— Стоп! Ты разве не на македонском фронте был? Ты, как-будто, нам про македонский фронт рассказывал?

Дмитрий ударяет себя кулакомв грудь.

— Вы мне не доверяете?

Мостик, связывающий нас с Дмитрием, дает трещину. Но мы—чужаки, мы ничего здесь не знаем и пока в его власти. Гассан мрачнеет.

— Ну, куда же итти? Вправо, влево?

— Влево!—заявляет Дмитрий.—Вправо будут населенные пункты и город—нас там могут сразу же схватить. Надо брать влево. Тут будут очень глухие места.

Я рассудил: врать ему не было смысла.

— Что-ж, идем влево.

Мы пошли влево, в лесок.

Шли в боевом порядке, гуськом: впереди я, посредине Дмитрий, позади Гассан, шагов на десять друг от друга. Если передний заметит опасность, он успеет дать знать задним и наоборот. Такой порядок применяют партизаны.

Вошли в просеку. Меня наполняет тревога.

— Где мы? Куда мы идем?—снова спрашиваю я Дмитрия.

— Не беспокойся, мы идем по дикому лесу, что нам и нужно.

— Дикий лес с прорубленными просеками? Странно. А ну-ка, вынимай карту.

Дмитрий беспомощно водит по ней указательным пальцем:

— Вот Бургас, вот Охтополь.

— Ты не Бургас и Охтополь показывай, а то место, где мы сейчас находимся.

Он смотрит мне в глаза преувеличенно «честным» взглядом:

— Я знаю, я знаю...

— Ладно, идем.

Шагов через двадцать мы натыкаемся на столб с табличкой: «Ход к посту «Царь Борис».

Под надписью стрелка острием смотрит влево. Дмитрий смотрит в землю и готов провалиться.

— Итак, мы идем на границу, чтобы снова очутиться в Турции или попасть в лапы пограничникам, так?

Дмитрий пытается оправдаться:

— Я знаю, что тут близко граница.

— Говори правду: знаешь или не знаешь дорогу?

Гассан бледнеет и выхватывает маузер. Он готов пустить его в ход. Так поступают с подозрительными и путающими проводниками. Ведь, на войне, как на войне, а в подполье, так в подполье. Церемониться—значит ставить себя под удары.

— Стой, Гассан!—я отвожу его в сторону. Дмитрий стоит, как приговоренный. Я стараюсь объяснить Гассану, что если Дмитрий потерян для нас как проводник, то нужен как переводчик; мы, ведь, не владеем болгарским языком. Предатель ли он? Но, ведь, ему самому грозит здесь смертная казнь. Гассан бесится, но прячет маузер в карман.

— Я сам буду проводником, беру я инициативу в свои руки.

Поворачиваем вправо, сворачиваем на тропинку, Дмитрий плетется позади с видом побитой собаки.

Ничего, ничего, злей будем

Два дня идем мы голодные, тщательно обходя населенные пункты, идем без проводника, надеясь на собственное чутье.

Мы не ели вот уже неделю. Последний раз мы видели хлеб еще в тихой мидийской заводи. Мы выбиваемся из сил.

— Ничего, ничего, злей будем,—утешаем мы себя.

Хотелось поскорее добраться к цели. Мы вслух мечтали о жирных и сочных блюдах, какие мы закажем в первой же придорожной харчевне, когда можно будет не скрываться.

— Ц-ц! Ц-ц!—как-то по особенному, сквозь зубы, цыкал Гассан, предвкушая предстоящее удовольствие, и стягивал ремень на животе.

На третий день под вечер мы вышли на шоссе и подошли к Охтополю.

— Дмитрий, отправляйся за хлебом! Вот деньги, сейчас вечер, темно, и никто не обратит на тебя внимания.

Болгарский террорист был порядочным трусом.

— Почему должен итти я, а не Гассан или ты?—заявил он.

— Потому, что ты владеешь языком.

Ворча, что он не лакей, Дмитрий отправляется в город. Мы условились встретиться на противоположном конце города.

Увы, только поздно ночью мы с трудом находим друг друга. Я предполагал уже, что Дмитрий бросил нас и удрал, но он вернулся—только без хлеба. В пекарне, видите ли, оказались не то жандармы, не то сыщики.

Поживиться нам удалось лишь на следующий день, когда мы набрели на кошару каракачан. Каракачаны, кочующие скотоводы, осенью уходят со своими стадами в Турцию, где теплее и имеются хорошие пастбища, а весной возвращаются в Болгарию.

Кошара представляла собой землянку, покрытую ветками и дерном. Чабанов не было. В их отсутствие мы обшарили все углы и забрали несколько лепешек, испеченных в золе,—жестких, горьких и отдававших полынью. Они нам показались лакомством.

А табачок-то турецкий!

До города Василико было не более 2-3 километров.

Навстречу нам на шоссе показался болгарин, одетый в городской костюм.

— Добрый день!—приветствовал он нас.—За много годины!(Будьте здоровы).

— Здорово!

Это был первый человек в Болгарии, с которым мы решились заговорить. Дело в том, что нам страшно хотелось курить. Табак у нас был, но папиросная бумага давно кончилась.

Мы подошли к болгарину.

— Откуда, приятель?

— Из Василико, а вы?

— Из Охтополя.

Дмитрий на скорую руку сплел какую-то историю о том, что мы не нашли там работы и идем искать ее в Бургас. В свою очередь, мы спросили:

— Папиросной бумаги нет ли у тебя? Курить хочется...

— Сигарна книга[1]?—не то с изумлением, не то иронически переспросил болгарин и отступил на шаг назад.—Сигарна книга заборонена [2]. Разве вы не знаете? Давно, видно, вы, друзья, не были в Болгарии.

Пошарив в карманах, он достал кусочек газеты и предложил его Гассану.

— Вот, что есть, то даю. А сигарна книга заборонена.

Гассан в порыве благодарности подал ему табакерку.

Болгарин взял щепотку табаку и снова брови его дрогнули удивленно. Он сказал с усмешкой:

— Э-э, а табак-то хороший, турецкий!

— Турецкий!—простодушно подтвердил Гассан.

— Я и вижу, что турецкий... Ну, прощайте, друзья.

Поклонившись, мы расстались.

— Чорт!—прошипел Дмитрий, едва болгарин отошел от нас.—Сами себя выдали. Покурить захотелось, нечего сказать—кстати. Наше будет счастье, если этот тип не окажется сыщиком.

★

Лепешки, взятые из кошары каракачан, были съедены. Мы проходили через деревню беженцев-фракийцев и решили купить хлеба и молока.

День был праздничный. Вся деревня на улице.

Дмитрий сунулся в один из дворов:

— Продайте хлеба.

Молодая женщина испуганно посмотрела на нас и торопливо ответила:

— Нельзя проходящим продавать хлеб. Запрещено. Тут партизанские отряды бродят.

— Так мы же не партизаны,—стал ее уверять Дмитрий.—Мы бедные рабочие, идем в Бургас, там перестраивается порт.

Женщину тронул наш вид и изможденные лица.

---

[1] Папиросная бумага—по-болгарски.

[2] Запрещена. Болгарское правительство ввело монополию на папиросные изделия и запретило употребление папиросной бумаги. Болгарские крестьяне, которые сами разводят табак, не имели права его курить, а должны были покупать государственные папиросы. Ввоз турецкого табаку тоже был запрещен.

— Ну, ладно. Я дам вам кусок, только чтоб никто не видел, и вы не говорите, что я дала, а то мне плохо будет.

— Спасибо, спасибо!

Мы шли, уплетая хлеб за обе щеки, когда у поворота дороги вынырнули два военных моряка из береговой охраны, вооруженные винтовками. Они кого-то поджидали.

— Здоровейте, юнацы! (Здорово, молодцы!)—поздоровался с ними Дмитрий.

Моряки не ответили.

Один из них взял винтовку наизготовку и подошел к нам.

— Откуда вы и куда идете? Документы!

Мы вынули паспорта. Я—русскую дореволюционную бессрочную паспортную книжку на имя Исаака Моисеевича Гольдберга, Дмитрий—паспорт грузинского эмигранта, а Гассан, у которого никаких документов не было, меланхолично посмотрел на матроса и сплюнул на землю.

— Где болгарские? Что вы дурака валяете?—рассердился матрос.

— Других нет.

— Эге, друзья, не из шайки ли вы Георгия Стойкова?

— Вот так раз!—мы вытаращили глаза.

Дмитрий поднял перебранку с матросами.

Видя, что ему не сговориться, я вмешался и сказал:

— Зачем поднимать шум? Надо дать ребятам на водку и кончить этот разговор.

Я вынул турецкую десятилировую бумажку и протянул ее матросу.

— Еще!—ответил он коротко.

Я вынул и подал ему еще десять лир. Матрос опустил винтовку.

Мы были свободны. Но не успели мы сделать и шагу, как на шоссе показались трое всадников. Они во весь опор скакали навстречу нам.

Матрос в одну секунду сунул мне деньги обратно и взял снова винтовку наизготовку.

— Вы арестованы!—крикнул он.

Нам не посчастливилось. Болгарин, у которого мы просили курительную бумажку, действительно, оказался сыщиком. За нами была выслана погоня. Теперь нас окружили. Был только один выход из положения: пробиваться с ору-

жием в руках. Я начал распределять роли: стражников должны были обстрелять я и Дмитрий, матросов—Гассан.

Дмитрий слушал мои приказания, но жался ближе к стражникам. Мы пропускали момент.

— Действуй, чорт!—прошипел я на Дмитрия. Он отшатнулся.

— Рупеты горе!—почти в один голос скомандовали стражники, встревоженные нашим поведением.

Я не понял.

— Руки вверх!—подсказал мне Дмитрий, поднимая руки.

— Сволочь!—шепнул я ему свирепо.—Трус!

Моряки подошли и обыскали нас на этот раз по-настоящему. Два моих средних маузера, парабеллюм Дмитрия, браунинг и маузер Гассана перешли к матросам и стражникам.

Надежда на спасение была потеряна.

Я вынул из кармана листок с явками и адресами, изжевал его и выплюнул. На это никто не обратил внимания.

Нас повели в город. По дороге сделали привал.

Замечательная способность Дмитрия самозабвенно лгать и внушать доверие людям, которая когда-то произвела на меня большое впечатление, очень пригодилась.

— Эге, это, видно, дорогие штучки!—заметил один из стражников, вертя в руках новенький парабеллюм.

— Еще бы!—чмокнул губами Дмитрий.—Пять тысяч лев, не меньше стоит.

— Пять тысяч лев!—вздохнул стражник.—Я получаю жалованья восемьсот лев в месяц...—Цифра в пять тысяч показалась ему недосягаемым состоянием.

— Да-а!—поддержал его рябой матрос с серьгой в ухе.—На эти деньги и выпить можно и закусить в придачу.

Дмитрий поддерживал разговор, оценивая маузеры и браунинги, безбожно преувеличивая их стоимость.

Я понял его маневр.

— Да о чем там рассуждать,—сказал я,—пусть ребята заберут эти штучки себе, а нас отпустят.

Стражники и матросы задумались. Они колебались, посматривали искоса друг на друга.

— В самом деле, ребята, почему бы вам и не подработать!—поддержал меня Дмитрий.—Небось, у каждого дома пусто. Ведь, казенным жалованьем не разбогатеешь.

— Нет,—вздохнув, ответил старший из стражников.—Этого нельзя сделать, никак нельзя.

— Ну, ладно, — согласился Дмитрий.—Вы можете передать нас властям, но без оружия, а мы не скажем, что отдали его вам.

Стражники и матросы охотно согласились. Едва ли они сознавали, что таким путем более чем наполовину облегчали наше положение. У нас гора с плеч свалилась. С оружием мы были террористами, без оружия—простыми беспаспортными бродягами.

Три маузера, парабеллюм и браунинг уплыли в карманы матросов и стражников.

— Поднимайся!

Мы снова тронулись в путь.

Уже в городе между матросами и стражниками возник спор, куда нас вести.

— К нам, в полицейское управление!—настаивали стражники.

— Нет,—заявили матросы,—мы их арестовали, мы и доставим нашему начальству.

Мичман ничего не знает

Мы были доставлены в Морскую береговую охрану.

— Ага, э-эти!

Мичман Георгиев, молодой офицер в морской форме, окинул нас высокомерным взглядом и, круто повернувшись, удалился.

Нас сразу же разделили, приставив к каждому по вооруженному матросу.

Охрана вела себя подозрительно: предлагали каждому из нас в отдельности пойти в уборную и «выбросить компрометирующие бумажки». На эти детские уловки, азбуку провокации, мы не поддавались.

Вскоре меня вызвали на допрос.

Мичман Георгиев, развалясь, сидел в кресле в своем кабинете. В руках он держал толстую, суковатую палку.

— Имя и фамилия?

— Исаак Моисеевич Гольдберг.

Я очень опасался, что еврейский паспорт подведет. Во мне, родом украинце, не было ровным счетом ничего еврейского. Но нет, сошло.

— Откуда у вас этот паспорт?

Он вертел в руках истрепанную паспортную книжку, выданную еще до революции полицейским управлением мещанину города Шклова, именем и паспортом которого я пользовался.

— Каким образом он мог у вас сохраниться?

— Я, видите ли, бежал в 1923 году из Грузии от преследования большевиков, так как участвовал в восстании, скрывал повстанцев и...

Я плел чепуху, чтобы хоть что-нибудь говорить, чтобы не молчать. В Грузии я никогда не был.

— Дальше!

— ...Мне удалось при аресте откупиться, бежать заграницу. Я жил в Трапезунде, потом перебрался в Константинополь. Там очень бедствовал.

— Ты—коммунист, — прервал меня мичман на полуслове.—Ты командирован Коминтерном для организации террористических актов. Я все знаю.

Это доказывало, что мичман решительно ничего не знал.

— Нет, я не коммунист. Наоборот, я ненавижу коммунистов.

— Мне не соврешь. Я заставлю рассказать правду.—Мичман погрозил палкой.

— Позвать следующего!—приказал мичман.

Привели Гассана. Его допрашивали в моем присутствии. Гассан притворился дурковатым малым, недалеким и безразличным ко всему.

— Откуда ты?

— Тарапизон.

— Что ты там делал?

— Пекарня работал.

— Зачем приехал сюда?

— Искать работу.

— Где познакомился с этим?—мичман кивнул на меня.

— Тарапизон.

— Что он там делал?

— Капказ приехал.

— А потом что?

— Торговал Трапизон, потом торговля кончал.

— Где твой паспорт?

— Иок (нет), потерял.

— Ты коммунист?

— Иок!

— Дайте третьего, а этих уберите.

Наш допрос был детской игрой по сравнению с допросом Дмитрия. Настала решительная минута. Если Дмитрий не вывернется, то и мы пропали.

Опять пригодилось замечательное искусство Дмитрия вдохновенно лгать и внушать доверие людям. Он убеждал мичмана, что он не болгарин, а белогвардеец, грузинский эмигрант князь Шибурадзе. Увы, мичман в эту легенду поверил только на минуту.

— Почему же вы связались с этими подозрительными людьми, не имеющими паспортов? У вас хороший паспорт, почему вы не взяли законное разрешение на въезд в Болгарию?

Дмитрий снова начал плести какую-то историю, но мичман уже не поверил его словам.

— Если ты и не коммунист, то связан с ними. Придется вас всех отправить на проверку в Бургас.

Итак, у мичмана никаких данных против нас не было. Но что ожидало нас в Бургасе?

На миноносце

Через три дня нашу группу отправили на миноносце из Василико в Бургас.

Капитан миноносца, повидимому, имел в отношении нас какие-то предписания. Вопреки ожиданиям, он принял нас совсем ласково. Много беседовал с нами, расспрашивал о России.

Мы крыли советские порядки, жаловались на «зверства ГПУ», рассказывали небылицы в лицах о преследованиях религии и духовенства: добросовестно пересказывали весь тот вздор, который

плетут о Советском Союзе белые газеты.

Миноносец шел полным ходом вдоль пологого, поросшего редким лесом берега.

Командир миноносца, худенький старичок с козлиной бородкой и бесцветными глазками, остался недоволен нашими росказнями.

— Нет, видно, что вы все-таки коммунисты.

Мы развели руками.

— Да, да! У меня создалось такое впечатление.

Мы были бессильны. Дмитрий снова пустил в ход все свое искусство внушать доверие людям, но по прибытии в Бургас командир миноносца все же составил акт, в котором мы, на основании проведенной с нами беседы, уличались, как люди с большевистскими настроениями.

Игра становилась ясной. Не имея против нас улик, нам «на ходу пришивали дело».

Один из матросов, хорошо к нам относившийся, сказал:

— Капитан ждал, что вы расскажете о том, как в России люди друг друга едят, режут, убивают, а вы рассказали о том, что там богатых прижимают да попов. Он решил, что вы агитацию вели.

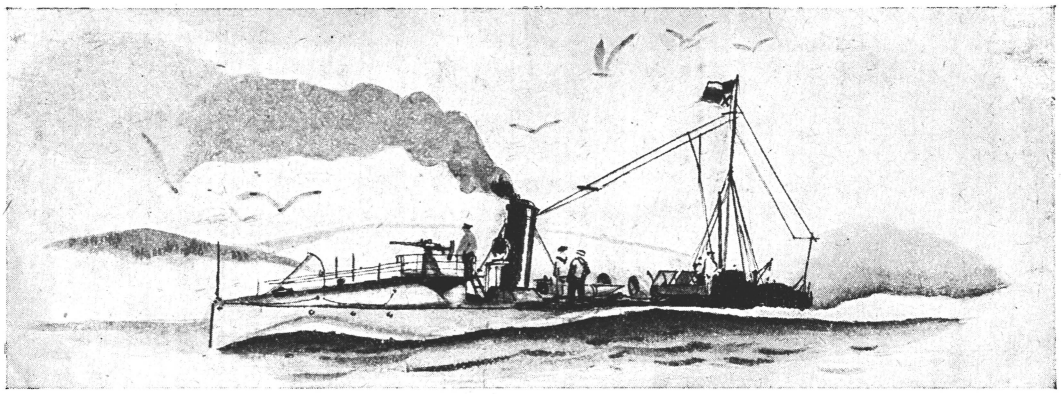
Из Бургаса, опять на том же самом миноносце, нас повезли в Варну: бургасское отделение Общественной безопасности решило нас, как опасных большевиков, передать высшему начальству.

Перед отправкой нас заковали в кандалы.

За восемь лет революции я порядком отвык от них. Раньше я знал только царские кандалы, теперь я мог заняться сравнительным «кандаловедением». Разница между царскими кандалами и болгарскими «прангами» в том, что «пранги» приковываются за одну ногу; тяжелую цепь, весом не менее 30 кило, приходится носить на плече, поддерживая руками.

Миноносец шел, покачиваясь на волнах, разрезая гребень за гребнем. Это была довольно старая посудина, подарок России, вероятно, лет тридцать плававшая в Черноморских водах. Ход у нее был тихий, не свыше 8—12 узлов. Белокрылые чайки с криком кружились над палубой...

ЛУКА ЛУГОВИК



ЧЕРНЫЕ СЕТИ

Рассказ К. ПАУСТОВСКОГО
Рисунки А. МОГИЛЕВСКОГО

Nood! Groste nood!

Умер когда-то цветущий город. Торговые пути отошли от него—такие случаи были несколько раз в истории. К. Паустовский мастерски показывает борьбу за существование оставшихся без работы рыбаков такого умершего города.

Над островом стояла осень. Она притаила дыхание,—дым немногих пароходов, дремавших в порту, величественными колоннами исчезал в небе, и легкие флаги висели, как тяжелые знамена.

Случилось то, о чем Семенов втайне мечтал. Из-за поломки руля пароход задержался во Флиссингене—самом пустынном и самом безмолвном из всех голландских портов. Флиссинген умер. Вода в его гаванях была прозрачна, как в колодцах. По горизонту тянулась полоса черного дыма,—то была большая морская дорога на Антверпен и Роттердам. Но даже в бинокль нельзя было различить корпусов океанских пароходов, величественных, как соборы. Они проходили мимо, забыв о былой славе Флиссингена, торговавшего в старые времена черным бархатом, золотом и бочками для испанских вин.

Семенов на пароходе был человеком случайным. Он не был моряком, но принадлежал к немногочисленному разряду людей, терзающихся всю жизнь мыслями о море. Он говорил о нем очень много, и на вопросы собеседников—почему он не стал моряком—ссылался на плохое зрение. Семенов был близорук.

Он попал на пароход «Большевик» пассажиром. Первые недели плавания принесли разочарование. Морские переходы казались монотонными, а стоянки в портах были слишком коротки. Только во Флиссингене Семенов вздохнул и огляделся. Можно было сидеть в кофейной, не прислушиваясь к пароходным гудкам, не бросая недокуренных папирос, не оставляя официанту неразмененную бумажку без сдачи. Семенов понял, что наблюдательность и мудрость требуют неторопливости.

Наблюдая, Семенов откладывал в памяти отдельные факты, и из них, наконец, сложилось твердое, на всю жизнь впечатление о Флиссингене, как о городе черных сетей. Флиссингенские рыбаки всегда возвращались с пустыми сетями, и сети эти были черного цвета. Пустыми они были потому, что рыбаки сдавали рыбу в море на поджидавшие их шхуны, а черными—потому, что были пропитаны смолой. Шхуны брали рыбу в море, чтобы скорее доставить ее в ближайшие порты, а эта торопливость еще больше подчер-

кивала медлительность жителей Флиссингена.

Недаром над дверью одного из домов Семенов прочел надпись, высеченную в каменной плите:

«Как этот город, когда-то столь населенный, сделался таким пустынным в наши дни?»

Капитан «Большевика» Лобачев объяснял умирание Флиссингена очень просто. По его словам морские порты были самыми недолговечными городами. Море меняет глубину, берега дышат, порты или мелеют, или поглощаются морем, и нет такой силы, которая остановила бы это движение. Лобачев выкладывал перед Семеновым целый список умерших портов, начиная с Карфагена и кончая Таганрогом. Богатые порты превращаются в пруды, где мальчишки ловят рыбу. От рассыпанного когда-то в изобилии зерна их набережные обращаются в поля, в цветущие лужайки, а гавани становятся приютом для разоруженных и догнивающих свой век парусных судов.

Лобачев был прав. Каждое утро Семенов видел толпу старух из богадельни, половших траву на набережной. Флиссинген сопротивлялся неизбежному, но трава росла буйно, как на кладбище. Старухи не поспевали за ее ростом. Они пололи, сидя на маленьких скамейках, низко опустив голову, и часто засыпали.

Часть города была ниже моря. Ее защищали громадные валы, залитые цементом. Около валов жили сторожа,— их называли «строителями плотин».

Город был населен рыбаками, старухами и «строителями плотин»,—как будто больше никого не было. Один только раз Семенов встретил низенького и плотного человека с живыми глазками, похожего на Бальзака. Жилет его был расстегнут и держался на одной пуговице. Он подсел к столику Семенова в кофейной и завел по-французски разговор о советской России, это был рыбопромышленник Ван-Теден. Он насмешливо слушал Семенова и ушел пренебрежительно и внезапно. Потом Семенов узнал, что Ван-Теден разорился после войны, когда рыбаки начали сдавать улов английским шхунам.

Второй достопримечательностью города была сумасшедшая рыбачка Христина. Она бродила по порту и плакала, когда ее окликали. Семенов часто встречал ее на валах. Она сидела на траве и смотрела на Семенова зелеными глазами, теребя на шее коралловую нить.

Но безветрие не могло длиться бесконечно. Наступил день, заполненный сыростью и облаками. В серой воде качались отражения пестро раскрашенных— зеленых, желтых и синих—домов на набережной. Набережная казалась гигантской и разукрашенной кормой старинного корабля. Рыбаки ушли за сардинкой.

Уют иссякал. Только в кофейной, где раньше всех зажигали яркие лампы, он остался у маленьких столиков и вселился в кошку, спавшую на прилавке.

Семенов укрылся от сырости в кофейную. За окнами шумно пронеслись чайки. Несмотря на ранний час, было темно.

Семенов нервничал. Он заметил, что походка горожан стала торопливей, что все пароходы на рейде повернулись кормой к городу и носом к морю и что черные облака несутся все стремительней, разрываясь на грязные клочья. Кроме того, в кофейной он был один. Очевидно, приближалась опасность, и только Семенов, как чужестранец, не подозревал о ней и позволял себе пить остывающий кофе. Хозяин исчез из-за стойки, и его глухой голос что-то торопливо доказывал за досчатой стеной.

Семенов вспомнил о полях гиацинтов и левкоев, виденных им на окраинах Флиссингена. Теперь ветер уносил их густой и нерастворимый запах в глубь страны. Этот запах был признаком приближающейся бури и вызывал у жителей тревогу. Своеобразие этого штормового сигнала, выдуманного Семеновым, ему очень понравилось. Он закурил и, следя за струями синеватого дыма, начал развивать эту мысль: если в глубине страны запахнет левкоями, значит шторм идет с запада, потому что жители запада разводят преимущественно левкои, если гиацинтами—с севера, а если лилиями— с северо-востока.

Мальчишеское это занятие было прервано ударом ветра. Вдоль улицы пронесся дым из труб и сухие листья. Тяжелые и редкие капли дождя прихлопывали листья к земле и перерезали наискось водяными шнурками окна кофейной. Нарастающий гул доносился со стороны моря, в нем захлебывался визг пароходных сирен. По улице пробежал, нагнувшись, человек в черном. Он колотил в медный гонг и кричал однообразно и тревожно:

— Nood! Groste nood!

Семенов оцепенел. Этот крик—«Несчастие! Большое несчастие!»—был сигналом для жителей Флиссингена. Население бросилось на валы. Море грозило прорвать их и затопить рыбачьи кварталы.

Семенов вышел на улицу. Воздух был холодный и зеленый,—цвета морской воды. Ветер сдувал набок тяжелые юбки женщин. Женщины бежали к морю, таща за руки отстающих детей. Мужчины то бежали, то останавливались, чтобы закурить трясущимися руками трубки. Все население должно было быть на валах.

— Nood! Groste nood!

Семенов тоже бежал к валам, глотая острый воздух, смешанный с дождем. Дождь был горько-соленый. Только потом Семенов понял, что это не дождь, а морская вода. Ветер подымал ее и швырял пригоршнями на город. В сумерки Семенов видел очень плохо,—пробегавшие люди казались разбухшими призраками. Темнота была страшнее бури.

Семенов взобрался на валы. Улицы были полны бегущих, но на валах толпа стояла густо и безмолвно она оцепенела, от бури. Люди дрожали. Черный ветер летел от горизонта. Белые волны били с громом в потрескавшийся цемент и пятнали чернильную ночь. Семенов испытал страх, потом чувство одиночества, наконец, желание бежать. Стоять лицом к лицу с таким штормом было свыше его сил.

На рейде пароходы, как слепые щенки, окунали носы в волны. Семенов об этом догадывался,—видел же он только их желтые фонари, дававшие столько же света, сколько тлеющий фитиль.

Семенов вернулся в город. На перекрестке улиц, где ветер создавал гигантские водовороты из брызг и листьев, он услышал пронзительный крик. Так кричат подстреленные кролики и дети, попавшие под трамвай. Что-то темное лежало у дерева. Семенов нагнулся и узнал Ван-Тедена. Голландец как бы спал на животе, его крахмальный воротничок поднялся на голову и сжимал ее, как наушники телефонистки. Между воротничком и сорочкой в затылке торчала рукоятка кухонного ножа. Ветер высвистывал на ней стремительную мелодию шторма. Ван-Теден был мертв.

— Убийство!—крикнул Семенов, вытирая руки о полы пиджака, но никто не отозвался. Шторм гремел водопадом, в домах не было огней, и убийство казалось совершенно естественным в эту ночь гибели Флиссингена. Крик повторился, но уже дальше и Семенов узнал голос сумасшедшей Христины.

Буря длилась двое суток. Семенов провел их на пароходе в тесноте и неуюте. Из всех щелей дуло, над мачтами неслось грязное небо. Зеленая вода в гавани, скомканная ветром, и селедочный цвет дня нагоняли тоску. По словам Лобачева это была настоящая «зеленая тоска»,—от нее выцветали глаза и теснило дыхание.

На третий день шторм стих. «Большевик» готовился уходить из Флиссингена. Семенов последний раз пошел в кофейную. Из-за прозрачных облаков солнце светило как громадный матовый шар. К полудню туман накрыл город тишиной и теплом.

В кофейной сидел сонный хозяин с красными от усталости веками и сухой еврей-старичок в очках. Старичок оказался бывшим шлифовальщиком алмазов из Амстердама. Он жил у сына во Флиссингене. Отхлебывая кофе маленькими глотками, он философствовал, — очевидно, власть Спинозы—шлифовальщика оптических стекол—еще не выветрилась из умов амстердамцев.

Говорили об убийстве Ван-Тедена и о том, что, слава богу, море не прорвало валы.

Ван-Тедена убила Христина. Старичок рассказал Семенову историю ее сума-

сшествия, но Семенов понял едва половину. Рассказ старичка выглядел, примерно, так:

— У нее был муж рыбак. Его звали «барышней», потому что он был очень стеснительный и робкий. Он сдавал улов Ван-Тедену. Потом родился сын,—такой же робкий мальчик. Его всегда обижали чужие дети. Он ходил за ними следом и смотрел издали, как они играют. Одна Христина в их доме была шумна и жизнерадостна. Она одна смеялась.

— Угу,—подтвердил хозяин, засыпая за стойкой.

— Война и для Голландии была тяжелым бременем. Рыбаки опасались, уходя далеко в море. Уловы пали. Вместо селедки пошла в ход сардинка. Селедки не было. Па-де-Кале перегородили сетями, чтобы ловить подводные лодки. Рыба не любит новшеств на своем пути, потому она и ушла от здешнего берега.

— Совершенно верно,—пробормотал хозяин, просыпаясь.—Не дать ли вам чего-нибудь покрепче, чем кофе.

Взяли абсент—чуть желтоватый в чистых, блестящих стаканах. Глотки обжигали язык. У старичка на глазах навернулись мутные слезы.

— Вот, видите,—сказал он и задумался, рассматривая свою серую ладонь.— Вот видите, к чему это привело—к нищете. Сети, кроме воды, ничего не приносили. Барки возвращались в порт как похоронное шествие. Что оставалось делать, как не брать авансы в счет будущих милостей господа бога. И рыбаки брали, пока Ван-Теден их давал.

— По-разному,—добавил хозяин.

— Да, Петер, по-разному. У кого были сети получше и барка покрепче, тем он давал больше. Жизнь человека зависела от прочности его снастей. У мужа Христины сети были старые,—пароход порвал их, заблудившись у берега, а барка его была тяжела на ходу. И Ван-Теден почти не давал ему денег вперед.

— Вы, ведь, из России, и у вас, говорят, очень страшные зимы. Здесь зима тоже невеселая. Правда, морозов нет, но сырости больше, чем надо. Зимой вы можете весь день вытирать руки полотенцем и все равно они будут красные и сырые. Дома надо хорошо протапливать. У Христины не было дров, и, конечно, у мужа начался ревматизм, а мальчик схватил воспаление легких. Муж Христины пошел к Ван-Тедену за авансом—как он говорил, за последним авансом, но Ван-Теден сказал ему:

— Иди в попечительство для бедных, если ты не можешь поймать рыбы даже на флорин в неделю.

— Да, он так сказал и он был прав,— промолвил хозяин.

— Тогда Христина начала очень ссориться с мужем. Она даже выгоняла его на улицу. Она требовала, чтобы он шел в море, а когда он брел к своей барке, она бежала за ним со слезами и возвращала домой,—выходить в море было совершенно бесполезно. Бывает безденежье, когда нет спичек, чтобы зажечь очаг. У людей мутится в голове при мысли об одном флорине. Они могут только молчать и скрипеть зубами. Им хочется уснуть, спрятаться, остаться одним. Они идут занять денег к соседу, красные, как кирпич, но не решаются попросить заранее зная, что им откажут, и вместо этого говорят о военных новостях и других глупостях. Человек теряет веру в себя. А жена дома ждет с минуту на минуту, потому что ребенку надо купить поесть. Проходит час—два, человек томится, не решается попросить и не решается уйти. А дома—холод, полное отчаяние и мальчик просит молока. Правда, доктор давал им немного денег, но их хватало только на вчерашний черствый хлеб. Вы понимаете, каждый день человека уже с самого рассвета встречает мысль: если сегодня я не достану денег, то завтра—смерть. Вот так было с мужем Христины.

Мальчику становилось все хуже. Тогда муж Христины ушел украдкой из дома и вышел один в море. Не думаю, чтобы он пошел за рыбой. Он ушел, чтобы хотя три часа не видеть слез Христины и не слышать как хрипло дышит сын.

— Это было в 1916 году в декабре,— добавил хозяин.

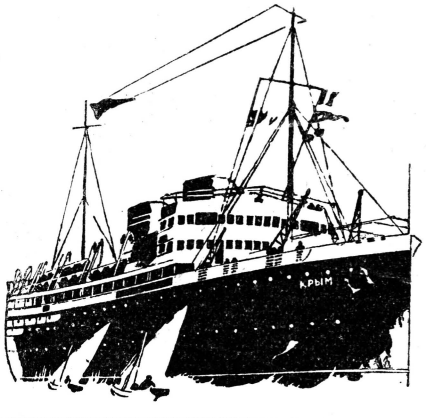
— Да. Это было в декабре; если ты помнишь, Петер, к вечеру сорвался шторм, и все мы бросились на валы.

ЛУЧШЕ ВСЕГО ВЫ ОТДОХНЕТЕ

НА МОРЕ, НА ТЕПЛОХОДАХ

СОВТОРГФЛОТА

Справки в конторах Совторгфлота
и городских ж.-д. кассах



Одна Христина не пришла. В ее доме было темно и тихо. Конечно, он не вернулся,—в ту ночь сорвало с якорей даже пловучие маяки, а один из них потонул. Христина не выходила два дня. Соседки поняли, что случилось несчастье. Они вошли в дом и застали ее с мальчиком. Она лежала и отогревала его, а он уже совсем умирал.

— Почему ты не пришла к нам за хлебом и огнем?—спросили соседки.

— А вдруг бы он умер один, пока я ходила бы к вам,—ответила Христина.— Ему одному так страшно умирать, он не отпускает меня.

— Тогда мы поняли, что она сошла с ума. Мальчик умер в тот же день, муж утонул или утопил себя в море—не знаю, а она в сумасшедшем доме. Не дай бог никому такого конца!

— Нельзя сумасшедших, даже таких тихих, как Христина, оставлять на свободе,— сонно сказал хозяин.— Этот шторм ей напомнил прошлое, и она убила невинного человека.

— Да... да... невинного,— пробормотал шлифовальщик.—Невинного, как ягненок. Ты прав, Петер.

Густой и протяжный гудок задрожал над городом. Семенов поднял голову и прислушался,—это гудел «Большевик». Он попрощался и пошел на набережную.

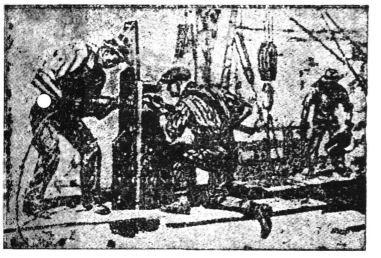
«Большевик» отвалил через час. Над островом моросила осень. Пестрые дома почернели. В церкви невесело, по-старчески, звонили колокола,—там шло отпевание Ван-Тедена — и Семенов подумал «как этот город, когда-то столь населенный, сделался таким пустынным в наши дни?»

К. ПАУСТОВСКИЙ

ЖУРНАЛИСТ БОРИС ГРОМОВ

СОТРУДНИК „БОРЬБЫ МИРОВ“ ВКЛЮЧЕН В СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ, СНАРЯЖЕННОЙ ДЛЯ ПОИСКОВ АМЕРИКАНСКОГО ЛЕТЧИКА ЭЙЕЛЬСОНА, ПРОПАВШЕГО У МЫСА СЕВЕРНОГО.

ЧИТАЙТЕ ТЕЛЕГРАММЫ-ОЧЕРКИ Б. ГРОМОВА В СЛЕДУЮЩИХ СБОРНИКАХ „БОРЬБА МИРОВ“.



Борьба Миров

12 ЕЖЕМЕСЯЧНЫХ СБОРНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА.

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ СБОРНИКОВ СЮЖЕТНЫХ РАССКАЗОВ, ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ

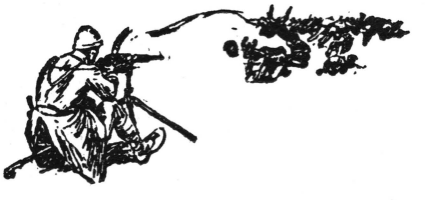
„БОРЬБА МИРОВ“—приложение к массовому иллюстрированному журналу рабочей молодежи

Смена

Подписная плата — 36 номеров „СМЕНЫ“ и 12 сборников „Борьбы Миров“: на год— 7 руб., на 6 мес.—3 р. 70 к., на 3 мес.— 1 р. 95 к., на 1 мес.—70 коп.

Подписка принимается: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во „Молодая Гвардия“, всеми отделениями издательства и повсеместно на почте

ТРЕБУЙТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНИК „БОРЬБА МИРОВ“ ВО ВСЕХ КИОСКАХ, У ГАЗЕТЧИКОВ И НА СТ. Ж. Д.



THE MOSCOW CHEMICAL TRUST

ЭКСПОРТНЫЕ КАРАНДАШИ „КРАСИН" МОСХИМТРЕСТА